

Дарья Кузнецова

Абордажная доля

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Annotation

Раньше я была Алисой Лесиной, экспедиционным врачом. Теперь я — абордажная доля. Трофей, взятый на опустошенном транспортнике безжалостным убийцей. Он — измененный, он хладнокровен и похож на опасного хищника, но так неожиданно снисходителен и добр ко мне.

Что нужно от меня пирату? Кто он на самом деле? Что ждет меня на борту этого странного корабля и на окутанной тайнами, неуловимой пиратской станции, за которой охотится весь цивилизованный мир?

И как вернуться домой, если сердце тянется к тому, от кого стоит бежать без оглядки?

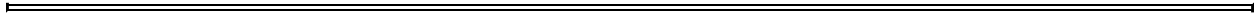
- [Дарья Кузнецова](#)

-
-
- [ГЛАВА 1,](#)
- [ГЛАВА 2,](#)
- [ГЛАВА 3,](#)
- [ГЛАВА 4,](#)
- [ГЛАВА 5,](#)
- [ГЛАВА 6,](#)
- [ГЛАВА 7,](#)
- [ГЛАВА 8,](#)
- [ГЛАВА 9,](#)
- [ГЛАВА 10,](#)
- [ГЛАВА 11,](#)
- [ГЛАВА 12,](#)
- [ГЛАВА 13,](#)
- [ГЛАВА 14,](#)
- [ЭПИЛОГ,](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

Дарья Кузнецова
АБОРДАЖНАЯ ДОЛЯ

*Светлой памяти Владислава Александровича
Бахарева.*

Случайности есть невыявленные закономерности.

Истина, проверенная временем

ГЛАВА 1, в которой Алису затаскивают в нору

Только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести.

Никколо Макиавелли. Государь

Алиса Лесина

Это был второй в моей жизни дальний космический перелет. И, кажется, последний.

Нет, началось все прекрасно. Я заняла крошечную безликую каюту, отделанную дешевым пластиком, быстро влилась в небольшой дружный коллектив грузовика, который привез сменщика и теперь уносил меня к далекой Земле, и радовалась жизни, предвкушая скорое возвращение домой после годовой вахты в продовольственной колонии. Впереди было две недели пути с парой подчисток в дороге — самый скучный перелет, но мечты о доме и интересном отпуске расцветивали радугой даже эти серые дни.

Главным развлечением на борту для меня оказался экипаж: люблю знакомиться с новыми людьми. С безымянным грузовиком-транспортником управлялись шестеро мужчин, трое из которых были достаточно молоды и весело проводили время в моей компании — флиртуя, болтая, совместно гоня виртуальных монстров или друг друга, потому что молодые организмы требовали движения. Вторая половина экипажа — капитан, судовой врач и суперкарго — мне тоже понравилась, но с ними не подурочишься, все же солидные мужчины.

Но на третий день все пошло прахом.

Я даже не поняла, что случилось. И, наверное, никто не понял, кроме, может быть, капитана и суперкарго — отставных вояк, людей со стальными нервами. Но, увы, этого я уже никогда не узнаю.

Меня разбудила сирена — пронзительная, громкая, страшная. Страшная — заранее, еще когда ничего не понятно, и этот злой переливчатый звук только врывается в крепкий сон, а в пустой голове

мечется единственная испуганная мысль: «Что происходит?»

Зачем сирену делают вот такой? Чтобы сразу деморализовать, вызвать панику и лишить возможности здраво мыслить?

Я лежала в постели, непонимающе хлопала глазами и вглядывалась в неяркий свет, льющийся с потолка, отчаянно пытаюсь уцепиться за реальность, окончательно выплыть из сна и сообразить, что следует предпринять в такой ситуации.

Первое более-менее разумное предположение сводилось к тому, что, наверное, произошла какая-нибудь авария. Может быть, даже сломалась сама сирена, потому что... а что еще может произойти во время гиперпрыжка? Ну, серьезно! Даже я знаю, что самое опасное — это вход в прыжок и выход, а в гипере никогда ничего не случается! Совсем!

Следующее предположение успокоило меня еще больше: я решила, что кто-то пошутил или устроил учебную тревогу. Я уже достаточно присмотрелась к экипажу, чтобы понимать: с них станется!

А потом дверь, вообще-то запертая на ночь, открылась, и на пороге появился Максим Бут, доктор.

— Комету тебе навстречу, ты почему еще в койке?! — прорычал он, нырнул внутрь, схватил меня за плечо и потянул вверх.

— Эй, вы чего?! — возмутилась, пытаюсь прикрыться одеялом. Спала я не нагишом, но в весьма нескромной пижаме, состоящей из микрошортиков и маечки. Наверное, проснись я к этому моменту окончательно, сообразила бы, что особого повода стесняться нет — все же доктор! — но прийти в себя мне не дали.

— Одевайся! Сирену для кого включили? Общий сбор в рубке, быстро!

Лишившись едва обретенного душевного равновесия, я судорожно вздохнула, понимая, что на шутку это совсем не похоже. Мысли лихорадочно заметались, но последнюю команду судового врача я рефлекторно начала выполнять, толком не понимая, что и зачем делаю. Натянула прямо поверх пижамы надоевший за прошедший год комбинезон. Сунула ноги в ботинки, и те с противным чмокающим звуком застегнулись, обхватив лодыжки.

— Наконец-то! — буркнул док, подцепил меня за локоть и выволок в коридор.

— Да что происходит-то? — запоздало сообразила я задать самый главный вопрос, но в ответ услышала только витиеватое ругательство.

А потом мы вбежали в рубку — и замерли в двух шагах от двери.

В лицо дохнуло сладким запахом паленой плоти и пластика. Взгляд

уперся в тело на полу: прямо перед нами навзничь лежал Виктор, навигатор, самый молодой из членов экипажа. Талантливый, смешливый. Комбинезон вокруг большой черной дырки на груди был оплавлен. На лице застыло удивленное выражение — он, кажется, даже не успел понять, что с ним произошло.

Пальцы дока на моем локте судорожно сжались, я резко обернулась к нему — для того чтобы встретить стекленеющий взгляд покойника. Выше бровей у доктора не было ничего: такая же дыра, как у Вити в груди, возникла у него на лбу, слизнув часть черепа. Запах гари стал нестерпимым, и я судорожно втянула воздух ртом, чтобы его не чувствовать. Сведенные судорогой пальцы дока, оставив на моей руке синяки, соскользнули, а тело упало, продемонстрировав мне черное, выгоревшее нутро черепной коробки.

Движение где-то на краю поля зрения заставило обернуться к рубке и увидеть... его. Мужская фигура в легкой боевой броне без опознавательных знаков, настолько черной, словно это не тело, а дыра в пространстве. Неожиданно холодный и ясный разум понял, что это просто оптический обман, сложная игра отраженного и поглощенного маскировкой света, но смотреть все равно было страшно.

«Блестящее» пятно оказалось одно — слегка зеркалящий щиток, закрывающий глаза. Нет, два, еще оружие в руке, но я уставилась в лицо неизвестного, потому что это черное пятно было чуть менее страшным, чем обтекаемо-хищные серебристые обводы незнакомого мне излучателя.

Незнакомого. Как будто существуют знакомые...

Я испуганно затрясла головой, глядя мужчине в лицо. Оно ведь есть у него там, за стеклом шлема, да? Ведь это человек, да?

Сделала маленький, на длину стопы, шаг назад — инстинктивное выражение стремления избежать смерти. А пришелец вдруг опустил оружие и повелительно дернул рукой. Я не двинулась с места, поскольку не поняла, чего от меня хотят, но в следующую секунду выяснилось, что командовали не мне. Какая-то сила оторвала меня от пола, потолок и стены совершили кульбит, живот и колени ударились обо что-то жесткое, и я запоздало сообразила, что силой этой был еще один незнакомец в броне. Меня бесцеремонно закинули на плечо и понесли, придерживая рукой за бедро.

Черное пятно на ощупь оказалось твердым, холодным и шершавым.

Все это происходило в тишине. Нет, не полной. Сирена продолжала надрываться, терзая слух. Но док умер молча, тени двигались бесшумно, а я... меня от ужаса и непонимания происходящего попросту парализовало,

горло перехватил спазм, и я сейчас была не участником событий, а сторонним наблюдателем какого-то боевика или ужасика. Потому что подобное просто не могло происходить на самом деле! Не со мной, не здесь, не в этой жизни, не посреди гиперпрыжка...

Я, наверное, сплю. И вот сейчас должна проснуться! Прямо сейчас, потому что... Потому что не хочу все это видеть и знать, что будет дальше!

Знакомые коридоры обитаемой части грузовика остались позади. Потом трюм, правильной овальной формы дыра в обшивке, через которую несущая меня тень двинулась прочь. У меня вновь перехватило дыхание, когда мы оказались посреди безбрежной черноты космоса, а черная клякса продолжила невозмутимо шагать. Пальцы несколько раз соскользнули, но я судорожно пыталась покрепче вцепиться в броню, боясь лишиться единственной опоры. Далеко не сразу сообразила, что мы находимся внутри прозрачной «пуповины», соединившей разоренный грузовик с другим кораблем — таким же черным, почти невидимым, как броня убийц.

Миновали шлюз, и я сумела нормально вздохнуть и даже почти убедила себя, что на этот раз не умру.

Напрасно. Лучше бы умерла...

— О-о-о, вот это добыча! Вот это кстати! А то у меня уже яйца сводит! — загоготал кто-то басом. Хохот подхватили еще несколько голосов.

Бронированный небрежно сбросил меня с плеча. Ушибла локоть, колено, поясницу, но поспешила сесть и оглядеться.

Это были люди, но сейчас подобное открытие не радовало. Меня обступили мужчины, одетые кто во что, но снизу, с пола казавшиеся одинаково высокими и массивными. И лица были одинаковыми. Не чертами — их роднило общее выражение веселья и предвкушения, от которых меня замутило, а сердце заколотилось где-то в горле.

Я попыталась подняться. Один из них подошел, обхватил лапицей мой затылок, забрал в горсть волосы, потянул. Пытаясь избежать боли, я последовала за его рукой, вынужденно поднялась на колени — а вот дальше меня поднимать не стали.

— Чур, я первый ее ротик пользую! — осклабился обладатель того самого баса. — Вот прямо сейчас и...

— Остынь и отпусти девку, — оборвал его кто-то. Я попыталась скосить взгляд, но, кроме широкой плоской рожи баса, ничего не смогла увидеть. — Кто, с кем и в какой позе будет первым — капитан решит. Кроме того, ты же знаешь, старик не любит развлечений во время абордажа.

— Ну мы ведь ему не скажем? — хихикнул рядом еще один голос — шакалий фальцет. — А девка цела останется. Почти...

— Сопля, а ты чего скалишься? Тебе-то по-любому ничего не обломится, — буркнул еще кто-то.

— Короче, капитан как хочет, а я... — опять заговорил первый, но его оборвал новый участник спора.

— Зур, руки убрал, — сказал спокойно, негромко, уверенно.

— А тебе-то чего, Клякса? — огрызнулся бас. Сжал кулак с моими волосами еще крепче, так, что у меня от боли выступили слезы. — Ты же живыми бабами не интересуешься!

— Я сказал, руки убрал, — тем же тоном повторил Клякса, но уже, кажется, за спиной Зура. — Иначе я решу твою проблему с яйцами один раз и навсегда.

Если бы я сейчас могла злорадствовать, я бы непременно это и сделала: ухмылка сползла с лица баса, зрачки испуганно расширились, а выражение морды стало обиженным, растерянным и очень напряженным. Кулак разжался, и я отшатнулась. Упала, в очередной раз ушибла копчик, но в коленях была такая слабость, что я даже не попыталась подняться. Страх отступил, появилось преждевременное пьянящее чувство облегчения из-за того, что неведомый Клякса подарил мне несколько минут передышки и еще немного я поживу, побуду... в своем уме. От одной мысли о возможном развитии событий без вмешательства моего спасителя перед глазами появлялись темные пятна, предваряющие близкий обморок.

— Эй, спокойно! Ты совсем рехнулся? — Зур дал петуха: похоже, храбрым этот басовитый здоровяк был не всегда.

— Что, выходит, проблема стоит не так остро? — насмешливо продолжил Клякса, убирая руку.

Только теперь я сообразила, что ствол его оружия находился у здоровяка между ног. То-то Зур так посерел!

Клякса подошел, протянул мне левую руку, казавшуюся огромной из-за перчатки брони. Из правой он не выпускал излучателя. Мгновение я разглядывала его лицо, а потом ухватила за протянутую ладонь.

Не знаю почему, но я была совершенно уверена: именно этот тип в черном убил команду грузовика, именно его я просила о пощаде. Вспомнив прожженные дыры в телах членов команды, я, наверное, должна была бежать от него быстрее, чем от прочих. Вот только...

Конечно, это эгоистично и трусливо, но готовности мстить за случайных попутчиков у меня не было. Была единственная мысль: пусть только на несколько мгновений, но именно этот Клякса встал между мной и

той участью, которая пострашнее смерти.

А еще он отличался от остальных. Я пока не могла рассмотреть лица, от страха все вокруг расплывалось, но зато потрясающе отчетливо видела глаза, их выражение — словно я, минуя все барьеры, заглядывала прямо в души. Только в этом Кляксе не было похоти и понятного, простого, жуткого для меня приговора. Очень странные, неестественного яркого синего цвета глаза смотрели спокойно, задумчиво и без малейшей насмешки. Оценивая — да, но оценивал он не живую игрушку, а... человека.

— Что тут у вас? — как только меня подняли на ноги, прозвучал еще один незнакомый голос. Судя по тому, как умолкли мужчины, отпуская сальные шуточки в адрес невозмутимого Кляксы и строившие планы на ближайшее будущее, именно это и был капитан.

Высокий, худощавый, в безликом сером комбинезоне, с седыми короткими волосами, он смотрел спокойно и уверенно, как положено человеку, имеющему власть. Капитан обвел меня равнодушным взглядом, заставив непроизвольно податься поближе к бронированному Кляксе.

— Ну и на кой вы ее притащили? Нельзя было на месте пристрелить? — поморщился капитан. — Только бабы на корабле недоставало для полного счастья!

— Я хочу взять эту девушку как свою абордажную долю, — ровно проговорил Клякса, и брови капитана удивленно взметнулись.

— Ты серьезно думаешь, что у нее между ног все не так, как у обыкновенных шлюх? Хорошо подумал? Уверен, что она столько стоит?

— Да, — решил не пускаться в объяснения Клякса.

— Не возражаю. Что такое, Зур? Ты не согласен? — Лицо капитана стало совсем ошеломленным. — Может, я чего-то об этой девке не знаю? Может, мне тоже за нее стоит поспорить?!

— Нет, я согласен, — процедил Зур и отпустил пару грязных ругательств в адрес Кляксы, но на них никто не обратил внимания. — Таких денег эта девка точно не стоит. А с тобой я еще поговорю! — добавил он, мстительно глянув на стоявшего рядом со мной мужчину.

— Ты лучше сходи и поговори с искином грузовика, — мотнул головой капитан. — Кто из нас навигатор? Абордажники могут отдыхать, — добавил он.

— Спасибо, — коротко кивнул Клякса и потянул меня за локоть. Вместе с нами помещение — кажется, по науке оно называлось «шлюзовой палубой» — покинули еще двое мужчин в черном. Второй, по всей вероятности, нес меня на плече, а третьего я до того момента просто не замечала.

Корабль пиратов, судя по всему, был небольшим. Во всяком случае, наш путь занял примерно минуту, а потом Клякса втолкнул меня... в каюту.

Никакого сравнения с крошечной клетушкой грузовика, из которой меня выдернули несколько бесконечно долгих минут назад, эта каюта не выдерживала. Просторное помещение с большой кроватью, удобным креслом у стола и навороченным вирт-терминалом — виром. Во всю стену напротив входа — экран со спроецированным на него роскошным видом какой-то туманности.

— Садись. — Клякса подтолкнул меня к кровати. — Ты немая и сдвинутая или это индивидуальная реакция на стресс? — рассеянно поинтересовался он, бросив свой излучатель прямо на кровать.

Потом невозмутимо подошел к свободной стене и, коснувшись управляющей панели, открыл узкую подсвеченную нишу с одеждой и другими вещами, без малейшего опасения повернулся ко мне спиной и принялся стаскивать с себя броню.

Я бросила взгляд на излучатель, даже протянула к нему руку, но тут же отдернула и, сцепив ладони, зажала их коленями, чтобы не тянулись, куда не просят.

Жалко Кляксу мне не было, остановил здравый смысл. Если бы я умела пользоваться оружием, хоть каким-то, можно было бы дергаться. Но я понятия не имела, за какой конец держать эту штуковину. К тому же не было гарантии, что она вообще заработает в чужих руках, а кроме того... Даже если я убью этого человека, за дверью каюты меня ждет десяток очень агрессивных животных, которые, наверное, только порадуются новому развлечению. В этом случае за меня уже никто не заступится.

Можно было, конечно, попробовать застрелиться и тем самым избежать множества ужасов и рисков, но... именно в это мгновение, вот прямо сейчас, мне отчаянно захотелось жить. Назло всему. Пока есть шанс, пока я жива и здорова. Я никогда не верила в существование благородных пиратов, но вот этот, конкретный, зачем-то забрал меня себе!

Даже если просто для того же самого, о чем говорил Зур, то... может быть, я все-таки выдержу? Может быть, это будет... терпимо? В конце концов, он один и совсем не похож на изувера!

Вот только фраза, что «живыми бабами» Клякса не интересуется, не позволяла окончательно поверить в счастливый исход.

— Страх, — запоздало выдохнула я в ответ, сипло и едва слышно, и тут же закашлялась — в горле пересохло.

— Понятно, — проговорил хозяин каюты. За это время он успел избавиться от брони и остался в черном глянцево, плотно облегающем

тело комбинезоне с короткими рукавами. Обернулся, скрестил руки на груди, пристально, с непонятым выражением лица посмотрел на меня сверху вниз.

А меня немного отпустило, так что я сумела разглядеть своего... спасителя подробнее. Короткие, неестественно белые волосы, правильные черты лица и совершенно неожиданные лучики мимических морщин в уголках глаз и губ. Несмотря на серьезность, казалось, он только и ждет повода, чтобы улыбнуться или даже рассмеяться.

Я поймала себя на мысли, что, встретиться мне этот человек при иных обстоятельствах, я бы никогда не поверила, что он пират, хладнокровный убийца, который способен, не дрогнув, за пару мгновений сжечь несколько ни в чем не повинных человек.

— У тебя мужики были? — вдруг спросил он.

— Ч-что? — запнувшись, испуганно уточнила я.

— Seriously, что ли, девственница? — Брови мужчины изумленно выгнулись, а я почувствовала, что отчаянно краснею.

И вроде не мне, медику, бояться таких вопросов, и вроде бы даже спросил он без издевки, и вроде не предлагал мне сознаться в чем-то зазорном, но стало ужасно стыдно. Я опустила голову и кивнула, отчего-то чувствуя себя виноватой.

— Вот же... только целки мне не хватало для полного счастья, — сквозь зубы процедил Клякса. Пару мгновений он еще сверлил меня взглядом, а потом продолжил прежним невозмутимым тоном: — Как предпочитаешь решить эту проблему, естественным путем или хирургическим?

— Что?! — вытаращилась я на пирата, даже смущение отступило.

— Я не знаю, что будет завтра и даже сегодня вечером, — вдруг принялся объяснять он. — Если меня убьют, ты попадешь обратно к ним. — Мужчина кивнул на дверь. — Насколько я представляю, для девственницы изнасилование гораздо болезненней, чем для женщины... Впрочем, пошло все в черную дыру. Это твое личное дело, хочешь рискнуть — валяй.

— То есть вы не собираетесь меня... использовать? — недоверчиво уточнила я.

— А очень хочется? — криво усмехнулся он.

Я, конечно, торопливо замотала головой и в ответ получила очередную насмешливую гримасу.

— А зачем я вам? Почему вы меня не убили?

— Если бы я знал! — поморщился Клякса с таким видом, словно у

него заболели все зубы. — Не убил — ладно, но я за тебя такие деньги отвалил, что до сих пор не верится. По-моему, это самая дорогостоящая покупка в моей жизни. А ты, выходит, самая ценная рабыня в этой галактике.

— Почему? — опешила я.

— Ты знаешь, что вез ваш корабль?

— Продовольствие? — предположила неуверенно.

— Ну да, конечно, — хохотнул пират, подошел к терминалу у двери, на что-то нажал и забрал из открывшегося окошка стандартный пакет для жидких продуктов — длинный цилиндр, увенчанный конусом, верхушка которого при питье продавливалась внутрь. Открыл, сделал несколько больших глотков. — На Роолито добывают космолит. Нелегально, поэтому никакой помпы и охраны. Даже экипаж грузовика не знал, что он везет среди контейнеров с концентратами. По самым скромным прикидкам, ты обошла мне в полмиллиона терров.

— Сколько?! — не поверила я своим ушам. За такие деньги можно приобрести космическую станцию со всем оборудованием, а ведь это не вся добыча пиратов, только доля Кляксы!

Нет, я слышала, что этот редкий минерал, без которого наши корабли не способны летать, стоит дорого. Но чтобы так?!

— Много! — отозвался мужчина. — Вот мне интересно, какие у тебя есть таланты, за такие-то деньги? Было бы обидно, если бы ты умела только трахаться, но ты даже этого не умеешь!

— Я врач, — неуверенно проговорила, понимая, что предложение выкупить собственную жизнь умерло, не успев родиться: столько я не заработаю и за десять жизней, а финансовых воротил галактических масштабов среди моих знакомых никогда не водилось.

— Вот как? — Выражение лица пирата стало заинтересованным. — И какой специализации?

— «Дикой».

— Надо же, мои убытки стремительно сокращаются, — усмехнулся Клякса. Я так и не поняла, с иронией это было сказано или всерьез, так что молча ждала продолжения. — И как ты, в таком случае, оказалась на корабле?

— Домой летела, — честно ответила я, не видя смысла что-то скрывать. — У меня годовая вахта закончилась. Не гонять же ради меня целый корабль.

— Ладно, метеоритный поток тебе навстречу и мертвый искин в руки. Будем считать, ты правда стоишь этих денег. Завтра продолжим разговор, я

устал, как аккретор,^[1] — ворчливо закончил он, стягивая комбинезон. Одежды под ним, конечно, не было.

Я в первый момент хотела отвернуться, но недоверие оказалось сильнее прочих чувств. Конечно, если Клякса решит сделать что-то... нехорошее, противопоставить этому я ничего не смогу, да и бежать некуда, но так все равно было немного спокойнее. А про тактичность вспоминать глупо: он же сам не стеснялся.

Пристально следя за точными уверенными движениями пирата, я сделала три наблюдения. Во-первых, мужчина оказался очень хорошо развит физически — силен, ловок и даже по-своему красив, если в моем случае уместно мыслить такими категориями. Во-вторых, правая рука его представляла собой очень хороший протез, который выдавали только место сочленения — черный «браслет», охвативший руку чуть выше локтя — и некоторая диспропорция: плечелучевая мышца правой руки выглядела значительно крупнее левой. Точнее, то, что ему эту мышцу заменяло, потому что, в-третьих, с его физическим развитием что-то явно было не в порядке.

Более точно сформулировать последнюю мысль оказалось сложно. У него как будто был несколько иначе устроен скелет, чуть по-другому крепились и сокращались мышцы, да и кожа выглядела не так, как ей полагалось, но с такого расстояния я не могла определить точнее.

Мутант? Да нет, он слишком гармоничен, чтобы это могло быть отклонением. И слишком чужд, как будто...

Как будто он совсем не человек.

Кажется, от этой мысли меня очень сильно перекосило, потому что Клякса заметил и, бросив комбинезон в чистку, вопросительно уставился на меня. Собственная нагота и мое присутствие оставляли его равнодушным — во всех смыслах.

— Что не так? — не дождавшись ответа на безмолвный вопрос, озвучил его мужчина.

— Нет, ничего, простите, — поспешила я отвести взгляд, вспомнив, что любопытство до добра не доводит и лезть в душу к этому человеку чревато.

— Я — спрашиваю, ты — отвечаешь, — похолодевшим на пару градусов тоном проговорил Клякса.

— Кто вы? — рискнула спросить я. — Или... что?

— Чего?! — Он, кажется, искренне изумился.

— Ну... вы ведь не человек? Я никому не скажу! Я просто думала, что других человекоподобных цивилизаций... что? — Пришла моя очередь

удивляться, потому что вместо недовольства или угроз я услышала в ответ на свое предположение искренний залиvistый хохот.

— Вин!^[2] Ну у тебя и фантазия! Все проще, детка. Я измененный.

Вин!

Лучше бы гуманоид...

Насладившись выражением моего лица, пират буквально нырнул сквозь стену, заставив меня вздрогнуть. Я не сразу заметила небольшую дверцу, ведущую, кажется, в санузел и буквально сливающуюся со стеной.

Игры с человеческим геномом запрещены, во всяком случае, на территориях, подконтрольных империи. Речь идет не об устранении недугов и клонировании органов для пересадки, под запретом именно эксперименты. Конечно, энтузиастов и нелегалов хватает, но когда их раскрывают, карают по-настоящему жестко; по-моему, к высшей мере чаще всего приговаривают именно по этой статье. И, конечно, за другие государства я не поручусь — просто не знаю.

Мера эта вполне оправдана. Еще живы в памяти события двухвековой давности, когда повальное увлечение коррекцией генома поставило человечество на грань гибели: халатность и массовость, скорость в ущерб качеству при проведении изменений спровоцировали неконтролируемую волну летальных и стерилизующих мутаций. Напасть побороли через полвека. Главным достижением тех дней стали закон о запрете генетических коррекций и рождение Солнечной империи из пепла погибшей республики.

Если малые изменения в геноме могут пройти безболезненно, то любые серьезные вмешательства неизменно приносят проблемы. Дефекты развития плода, дефекты, всплывающие позже, на стадии взросления, или проявляющиеся в следующих поколениях, дефекты психики — все это неизбежные итоги попыток вырастить... существо, несущее в основе геном человека, но отличающееся от оригинала не просто цветом глаз или волос, а чем-то более серьезным и принципиальным. А изменения взрослого существа совсем антигуманны, их ни одна психика не выдержит!

Нет, бывали успешные эксперименты. Во всяком случае, официальная наука их не отрицает, но это скорее случайность. То самое исключение, подтверждающее правило.

Изменение опорно-двигательного аппарата — это очень-очень глубокая степень перестройки, которая неизбежно влечет за собой... да что угодно! И если Клякса на первый и даже на второй взгляд нормален, даже нормальнее своих вполне обычных «коллег», значит, проблемы его зарыты глубже. И перспектива наткнуться на них в процессе общения пугала куда

больше, чем возможное нечеловеческое происхождение этого типа.

Но почти сразу после того, как Клякса скрылся в санузле, мне стало не до него. Если разговор, необходимость каких-то действий и происходящие события отвлекали, заставляли реагировать и не позволяли сосредоточиться на себе, то минута покоя обернулась эмоциональным откатом, а попросту — тихой истерикой.

Меня трясло. Крупно, сильно. Я изо всех сил стиснула зубы, чтобы случайно не прикусить язык. По щекам текли беззвучные слезы, я жмурилась, пытаюсь их унять, но это не помогало. Обхватила себя руками за плечи, сползла на пол и, прислонившись к постели спиной, свернулась в позу эмбриона, пытаюсь как-то пережить стремительные перемены в собственной жизни.

Участь команды грузовика, которую я чудом не разделила. Угроза группового изнасилования, которого я тоже избежала чудом. Роль чьего-то имущества, приобретенного за большие деньги.

И, самое главное, полная неопределенность будущего. Зачем Клякса меня спас? Пожалел? С чего бы вдруг?! А если нет, то зачем я ему? Просто заскучал и решил завести... домашнего любимца? Хорошо, если так, но поверить, что от скуки пират заплатил такой куш за какую-то незнакомую девку, очень трудно.

Появления хозяина каюты я не заметила, только дернулась всем телом, когда прозвучал его спокойный голос:

— Захочешь привести себя в порядок, можешь воспользоваться душем. Когда вернешься, не издавай громких и резких звуков, я реагирую на них нервно. Если хочешь спать на полу — спи, но, на мой взгляд, это глупо, потому что кровать большая.

Дальше последовало несколько секунд негромкой возни за спиной — пока мужчина устраивался в постели, — а потом комната погрузилась во мрак, даже туманность за «окном» погасла. Остались только узкая полоска подсветки, очертившая прямоугольник двери в уборную, да тусклые огоньки на панели управления. Судя по безмолвным командам и отсутствию каких-то внешних устройств, управляющий прибор был вживлен Кляксе в мозг. Я на такое не решилась, а вот пират, похоже, не боялся ложиться на хирургический стол.

Впрочем, сложно ожидать от него подобных страхов после установки протеза. Да и изменение... Что-то мне подсказывало, что Клякса родился не таким, а если он пережил весь комплекс операций и управляемых мутаций, которые привели к нынешнему итогу, он вообще ничего не должен бояться. Не знаю, кто с ним такое проделал и зачем пират на подобное пошел, но

одно могу сказать наверняка: это было долго и больно.

Приход мужчины странно отрезвил, или просто так совпало, но истерика моя к этому моменту сама собой сошла на нет. Осознав, что вновь способна шевелиться, а мысли вращаются не только вокруг жалости к собственной персоне, я заставила себя подняться и поплелась в уборную.

Комнатка была небольшой, но впечатляла роскошным оснащением: здесь имелось все, что можно втиснуть на столь мизерную площадь. Душ с массажем, широкого спектра освещение, максимально приближенное к солнечному, даже тета-излучатель имелся — дорогущая штукавина, способствующая заживлению ран и общему восстановлению организма. Злоупотреблять им, как и вообще чем бы то ни было, не стоило, но я подвергалась подобной процедуре всего раз в жизни, когда мы с однокурсницами отмечали получение дипломов в роскошном спа-салоне, и поэтому не стала ни в чем себе отказывать.

Пробыла я в этой комнате отдохновения добрый час, с завистью думая о том, что всевозможные мерзавцы знают толк в удовольствиях и (вот уж где совершеннейшая несправедливость!) имеют на них средства.

Мысли о том, с каким удовольствием я поменяла бы всю эту роскошь на крошечную каюту грузовика, а спящего за стенкой Кляксу — на живую команду, старательно гнала прочь. Бесплезно и даже опасно грезить о том, чего никогда не будет, особенно если мечты отвлекают от угрожающей реальности, в которой я намеревалась выжить. Может быть, не любой ценой — есть вещи, на которые я не смогу пойти никогда, — но пока есть шанс остаться целой и невредимой, им следует пользоваться.

Что для этого нужно? В первую очередь держаться поближе к Кляксе. Судя по тому, что я видела, его уважают и боятся, а значит, пока я ему не надоела, этот человек сумеет защитить меня от остальных, и, главное, он явно намерен это делать. Так что основная моя задача — не отсвечивать, быть тихой и послушной, никуда не лезть и выполнять приказы. Но одновременно с этим нужно выяснить побольше о Кляксе, обо всей команде и о том сообществе, в котором я оказалась. Роль пиратской добычи — это совсем не то, о чем я мечтала в жизни, а побег нужно готовить очень осторожно и тщательно.

С такими мыслями, в боевом настрое я вышла в каюту, прижимая к груди комбинезон и неся во второй руке ботинки. Во мне боролись отчаянное нежелание спать в одежде и боязнь спровоцировать мужчину, привлечь ненужное внимание. Все же комбинезон у меня свободный, мешковатый, и Клякса мог просто не разглядеть фигуру, а вдруг теперь прельстится?

Некоторое время я переминалась с ноги на ногу, заодно давая глазам привыкнуть к темноте. Но потом здраво рассудила, что мой внешний вид вряд ли способен столь кардинально изменить отношение мужчины. А лечь на пол и впрямь глупо: судя по всему, мне предстоит находиться здесь долго, и чем несколько дней гордо мучиться, чтобы потом все же сдаться и заползти под огромное мягкое одеяло, лучше воспользоваться щедрым приглашением сразу.

Впрочем, наглеть я тоже не стала, тихонько пристроилась на краю. Подушек было несколько, так что и этим меня не обделили. Клякса знал толк в комфорте.

Несколько мгновений я лежала, напряженно вслушиваясь в тишину каюты: шумоизоляция здесь была великоленная, никаких отзвуков работы двигателей. Дыхания мужчины я тоже не слышала, и это нервировало.

Усталость начала брать свое, и я потихоньку стала уплывать в беспмятство, когда пират напомнил о себе весьма неожиданным образом. Сильная рука вдруг обхватила мою талию и рывком притянула к жилистому, твердому телу.

Я придушенно пискнула и, зажмурившись, сжалась, ожидая дальнейшего развития событий, но Клякса этим удовлетворился. Минута, другая, я опять начала расслабляться, а он не шевелился и, похоже, спал, обняв меня, как ребенок мягкую игрушку. Притерпевшись и прислушавшись к собственным ощущениям, я поняла, что особенно яростного протеста не чувствую. Разве что дышать стало тяжелее, но из-за такой мелочи нарываться на конфликт я была не готова, можно и потерпеть. И еще подумалось, что у меня, похоже, легкий жар, потому что тело мужчины казалось подозрительно холодным. Не ледяным, но все же.

А вскоре температура наших тел сравнялась, и я провалилась в сон.

Странно, но спала крепко — меня не мучили кошмары. Да и пробуждение вышло на редкость спокойным. Я просто отключилась и вернулась в реальность оттого, что меня на секунду крепко стиснули, лишив возможности дышать. Давление прекратилось мгновенно: Клякса очнулся и зашевелился, кажется, вставая с постели. Я обернулась, уставилась на него с тревогой и ожиданием: а ну как совместно проведенная ночь что-то изменила в его намерениях?

Однако мужчина сонно потер лицо ладонями, глянул на меня и усмехнулся неожиданно тепло, по-доброму.

— Надо же, уже начинаешь приносить пользу, — со смешком сообщил он, выбираясь из постели.

— В каком смысле? — напряглась я. Во-первых, в его словах чудился

некий неприятный подтекст, а во-вторых, мужчина явно был возбужден. Конечно, на меня он глядел по-прежнему спокойно, но мало ли?

Только всерьез испугаться я не успела.

— Ты теплая. — Клякса чуть пожал плечами, отвернулся к стене.

Еще одна ее часть отодвинулась, явив моему ошарашенному взгляду обнаженную женщину с роскошной фигурой и золотистыми волосами. Незнакомка сделала шаг из ниши, и до меня запоздало дошло, что это не живой человек, а андроид.

— У меня проблемы с терморегуляцией, не критичные, но обычно за ночь несколько раз просыпаюсь. Всяческая электроника не помогает с этим бороться, а человеческое тепло под боком — вполне. Такие вот странные гормональные выверты. Все же есть у живых женщин достоинства, на тебя вот настроился — прекрасно выпался, — задумчиво подытожил он.

Клякса спокойно прошел к креслу, с комфортом устроился в нем. Кукла последовала за ним, опустилась на колени между разведенных бедер и... видимо, начала выполнять свое предназначение. Мужчина расслабился, откинул голову, блаженно прикрыл глаза, одну ладонь запустил в синтетические локоны андроида, второй ухватился за подлокотник.

От смеси удивления, смущения и брезгливости мне стало нехорошо.

— Напоминаю, душ все еще доступен. Если коробит, можешь спрятаться там, — проговорил Клякса. То ли угадал реакцию, то ли наблюдал за мной из-под ресниц, со своего места я не видела.

Я очнулась и поспешно сорвалась с места, отметив мельком, что верно второе: в какой-то момент заметила блеск под полуопущенными веками.

— Минут за двадцать я закончу, — прилетело в спину.

Я не меньше полчаса тщательно полоскалась, пытаюсь смыть с кожи иррациональное чувство грязи и отвращения. Вроде бы умом понимала, что это вообще не мое дело, пусть развлекается, как хочет. Радоваться надо, что он «не интересуется живыми женщинами» вот именно в таком смысле: я, грешным делом, подумала о некрофилии. А еще хорошо, что у пирата есть такая игрушка, я его действительно не интересую как женщина, и, значит, мне ничего не грозит.

Но все равно было гадко до тошноты. Медики обычно весьма циничны в вопросах секса, но я воспитывалась в достаточно строгой семье, и подобное... удовлетворение потребностей с роботами мне претило в силу и воспитания, и жизненного опыта, и, может быть, немного наивных убеждений. А уж столь демонстративное — тем более!

Теплая вода позволила успокоиться, взять себя в руки, отвлечься от лишних переживаний. И вспомнить, что я имею дело с пиратом,

безжалостным убийцей, да еще и измененным. Цинизм Кляксы в интимных вопросах — это вообще меньшее, что должно меня волновать!

Я уже почти закончила с мытьем и набралась решимости выйти в комнату, но мои размышления прервало музыкальное пиликанье в четыре ноты. Я сначала не поняла, что это такое, а потом за дверью прозвучал голос хозяина каюты:

— Я отлучусь на час-другой. Разрешение на выход у тебя есть, но я бы не рекомендовал им пользоваться. Доступ к системе питания из общего терминала, разберешься.

Замечание явно не требовало ответа. Выглянув через минуту, я обнаружила, что хозяин и впрямь покинул каюту, и облегченно перевела дух.

ГЛАВА 2, в которой Алиса оценивает масштабы «норы», в которую вляпалась

Бараний Бок поднялся с блюда и поклонился Алисе; та тоже ему поклонилась, так и не решив, смешно это или страшно.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Глеб Жаров (Клякса)

К общему сбору я явился в исключительно рассеянном состоянии. Случайное и весьма дорогостоящее приобретение интересовало меня сейчас гораздо больше всего того, что мог сказать капитан. Девочка оказалась больно занятой, и я уже почти не жалел о собственной минутной слабости.

Сообразительная, разумная, осторожная. Никаких скандалов, нытья, заламывания рук, попыток разжалобить или пригрозить законом и высокопоставленными родственниками: понимает, как сильно вляпалась, и пытается не отвечать. Боится, но, что само по себе достойно уважения, старается контролировать свой страх. Да и нервы приятно крепкие. Другая бы от вида сожженных покойников блевала, а эта ничего, держалась. Хотя профессия, конечно, многое объясняет.

Врач «дикий» специализации, или, по-умному, экспедиционный врач, — это, наверное, единственная профессия, с которой девчонка способна принести мне хоть какую-то пользу. Имею в виду те профессии, представителей которых у меня была вероятность встретить при подобных обстоятельствах. Вряд ли она могла оказаться особо толковым бойцом специального назначения, который подошел бы для абордажной команды. А «дикий» врач — это человек, способный лечить по старинке, с самым примитивным оборудованием или вовсе без оногo. Если такого прикормить и приручить, он окажется весьма ценным имуществом.

Я не обольщался на ее счет и понимал, что девчонка попытается удрать при первой возможности. Но у нее хотя бы достанет мозгов не бросаться с разгону в черную дыру, а тщательно подготовиться к побегу. И

уж точно мне нечего опасаться в ближайшие несколько дней, пока мы находимся на небольшом кораблике, где я стою между ней и командой. Хоть благодари Зура: он запугал мою добычу так, что во избежание близкого знакомства с ним и остальными девчонка согласится на любое сотрудничество со мной, особенно если я не стану посягать на ее тело.

Наивная, неопытная маленькая девочка. Боится физической боли так, словно это действительно самое страшное в жизни.

Впрочем, при чем тут пол и возраст? Большинство живых существ подвержены этому страху. Это вообще самый понятный, простой, сильный и распространенный страх, благодаря которому легко вырабатываются нужные инстинкты. Именно на этом, пожалуй, стоит сыграть. Не просто дать понять, что я способен защитить ее, это она и сама прекрасно видит, но заставить поверить, что я твердо намерен по мере сил оберегать ее от внешних угроз. А там и за доверием, и за преданностью дело не станет.

Что особенно приятно, для этого даже толком предпринимать ничего не требовалось и уж тем более переступать через себя и какие-то свои принципы. Девчонке вправду некуда бежать, а я на самом деле не собираюсь ее мучить, все остальное — закономерный итог.

Вот с такими мыслями я и дошел до кают-компания, где, к собственному удивлению, обнаружил одного капитана. Я-то полагал, что опаздываю на общую сходку, а оказывается — на личную беседу. Нехорошо вышло.

— Звал? — растерянно уточнил я. — Извини за опоздание, не думал, что ты одного меня будешь ждать.

— Что, настолько увлекательная девица? — хмыкнул Серый, окинув меня выразительным взглядом. — Садись.

— Не то слово, — совершенно искренне отозвался я, устраиваясь в кресле напротив. — Уступлю только за двойную цену и только тебе — в знак крайнего уважения.

На удивление, я даже не лукавил, уж по части уважения — точно.

Серый — хороший капитан. Жесткий, принципиальный, но справедливый и не склонный к излишнему насилию. Прозвище ему подходит во всех смыслах. Черты его характера — простота, холодность, строгость и равнодушие. Он весь серого цвета, от волос до подметок, а от разговора с ним на языке привкус и запах железа.

На борту «Ветреницы» капитан — царь и бог, потому что корабль принадлежит ему, команду он подбирает сам и заключал с каждым личный контракт. Я летаю с ним пять лет, и за это время добровольно от него уходили, только списываясь на берег (редко) или вперед ногами в шлюз

(часто).

И если подчиненные уважали Серого за справедливость и умение разрешить любой конфликт, а также за отсутствие жлобства — он никогда не хитрил с долей экипажа и не пытался урезать честно заработанные проценты, — то другие капитаны всегда слушали его мнение и ценили за мудрость и какое-то совершенно звериное чутье на неприятности и всевозможных ищеек. Ходили слухи, весьма правдивые, что он сам вышел из числа оных.

Капитан постоянно повторял, что хороший пленник — мертвый пленник, и потому ситуаций, подобной той, что произошла с рыжей, на корабле обычно не складывалось. Оставив девке жизнь, я нарушил негласное распоряжение и до сих пор не заплатил за это просто потому, что сам предложил решение проблемы, которое удовлетворило Серого. В последнем можно было не сомневаться: если бы не удовлетворило, он бы спокойно пристрелил пленницу и снял все вопросы.

С минуту мы сидели в звенящей тишине. Серый заметно колебался, а я понятия не имел, зачем меня вызвали, потому помалкивал и не торопил его.

— Я навел о тебе справки, — наконец сказал капитан.

— Вот как? Из-за чего удостоился? — Я вопросительно вскинул брови, спокойно выдержал испытующий взгляд и даже не подумал нервничать. Во-первых, не мальчишка, чтобы на такое вестись, а во-вторых, узнай Серый обо мне что-то по-настоящему страшное, болтаться мне в открытом космосе без скафандра, а не разговоры разговаривать, сидя в уютном кресле.

— Да, видишь ли, чуялось в тебе кое-что знакомое, невзирая на всякие налипшие особенности, — чуть сощурившись, с расстановкой проговорил капитан. — Военную школу ничем не вытравишь, по себе знаю. Поначалу даже подозревал, что ты засланный, из ищеек. — Опять последовали пауза и испытующий взгляд. Ну смешно же, вин! За идиота он меня держит, что ли, если всерьез полагает такие «проверки» действенными? — А сейчас вижу, что ты просто очень похож на меня. Даже не верится. Армия, списание по ранению, убогая пенсия... Только ты предусмотрительней, потому что кое-что скопить успел, злее и, пожалуй, смелее: я бы на изменение не отважился.

Он опять сделал паузу, а мои брови от удивления поползли на лоб. Сентиментальный Серый — это нечто за гранью добра и зла.

— Девку вот только не вовремя подобрал, на кой она тебе сдалась? — проворчал он.

— Может, меня на живое тепло потянуло? Для разнообразия, —

ухмыльнулся в ответ.

— Ну и купил бы какую-нибудь подешевле, — пожал плечами капитан. — Любая была бы подешевле.

Кажется, спонтанный поступок всерьез выбил его из колеи. Оно и понятно, в мое прежнее поведение подобный шаг совершенно не вписывался. Да я и сам, честно говоря, до сих пор не мог понять, отчего рука дрогнула, а рыжая получила вторую жизнь? Переломный момент произошел именно тогда, когда я опустил оружие, все остальное — следствие и результат привычки доводить дело до конца. Словно чутье какое-то сработало, но какое?

— А я, может, не хочу подешевле. Мне, может, эта понравилась. И вообще, я, может, влюбился, — развел руками, а Серый болезненно скривился. Согласен, оправдание бестолковое, но не молчать же, когда капитан спрашивает! — Тебе-то она чем помешала? Почему — не вовремя?

Он еще раз смерил меня взглядом, а потом все же решился:

— Нынешний куш был именно тем, которого мне не хватало для полного счастья, и теперь я хочу плюхнуть свои дюзы мимо космодрома. Осяду где-нибудь на курортной планетке с мягким климатом, куплю виноградник и буду жить в свое удовольствие. Устал я от всей этой суеты.

— И при чем тут я? — Не сдержал любопытства.

— Не хочу отдавать «Ветреницу» в чужие руки. Не желаешь занять место капитана? Мне процент с добычи, и я не лезу в твои дела. Подбор команды, поиск лакомых кусков — на твое усмотрение. Да последнее, впрочем, давно уже на тебе. Без понятия, где ты такие куши находишь!

— Это... неожиданное предложение, но лестное, — ответил честно. — Почему я?

— Говорю же, ты мне напомнил меня самого в молодости. Если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он походил на тебя. Ну что уставился? В моем возрасте простительно думать о таких вещах, — сварливо закончил он.

— Меня свои же пристукнут, — заметил я. — Шесть лет в космосе — и в капитаны...

— Тут уже от тебя зависит, пристукнут или нет. Впрочем, втихую такие вещи не делаются, ты прав. Прибудем на «Тортугу», возьму тебя на капитанскую сходку и представлю. Поручусь за тебя. Ну как, потянешь?

— Надо ответить прямо сейчас или можно подумать? — хмуро поинтересовался я.

— До «Тортуги» тринадцать дней, думай, — благосклонно кивнул Серый. Кажется, мой ответ ему очень понравился. — И с добычей этой что-

нибудь реши!

— А что, капитану девку иметь нельзя? — поинтересовался насмешливо, поднимаясь с кресла.

— Имел бы свою куклу, я бы в тебе не сомневался, — проворчал капитан. — А баба на корабле — к беде.

— Да ладно, скажешь тоже. Вот наберу себе бабскую команду и буду всех в порядке живой очереди... — пригрозил я. Напоролся на выразительный взгляд — мол, видал идиотов, но чтобы таких, — и поспешил пояснить: — Шучу.

— Смешно, — хмуро кивнул Серый. На том и разошлись.

Итак, мы летим на «Тортугу». В святая святых, где заключаются самые выгодные сделки и куда очень редко попадают посторонние корабли. Обычно на эту станцию, получившую название с легкой руки какого-то увлеченного археологией придурка, доставляют только тех, кто ведет дела и принимает решения, причем забирает их с промежуточной планеты специально оборудованный корабль. Насколько я знаю, каждый раз рейс начинается в новом месте, причем отправные точки столь сильно раскиданы по галактике,^[3] что очевидно: «Тортуга» способна достаточно быстро перемещаться на огромные расстояния, будто обыкновенный корабль. Но как отправить огромную станцию в гиперпрыжок? Хотел бы я знать. Да каждый хотел бы!

Станция эта является легендой даже среди пиратов. Никто доподлинно не знает, откуда она взялась, кем была построена, кому принадлежит и как выглядит. То есть последнее, наверное, знают капитаны и прочие проверенные люди, но их немного, и они помалкивают. А теперь «Ветренице» оказана честь и дано разрешение прибыть на «Тортугу». Причина в особо ценном грузе или есть что-то еще?

И ладно бы просто летели, но Серый хочет назначить меня капитаном одного из самых оснащенных и мощных пиратских кораблей галактики — а это уже не к добру.

Сентиментальная чушь, которую он нес, — это, конечно, большой кусок дерьма, который лично я жрать не намерен. Серый хитер, как старый искин Ферта,^[4] и «Ветреницу» любит самозабвенно, так он и отдаст свою любимую девочку какому-то сопляку за красивые глаза и процент! Узнать бы, в чем подвох, но как? Капитан неразговорчивей межзвездного вакуума и, насколько я знаю, не доверяет вообще никому... На испуг его не возьмешь, тактической хитрости, чтобы вывести на откровенность, я придумать не смогу. Он до последнего будет темнить, характер такой.

Интересно, мне ли одному Серый предложил это место? Или каждому — и теперь наблюдает, кто как себя поведет? Такая проверка на вшивость вполне в его духе.

Впрочем, чушь, дело в другом. В каких-то обязанностях капитанов, о которых неизвестно широкому кругу? Или вот в этом визите на «Тортугу»? Серый куда-то вляпался и пытается свалить вину на первого попавшегося идиота? Не возьмусь гадать, куда именно, но это в любом случае больше похоже на правду. Эх, было бы время осмотреться, поводить носом на этой станции, послушать, что там говорят, и попытаться понять, что это вообще за место такое...

Но главный вопрос, конечно, в другом: что мне делать с его предложением?

В раздумьях я добрался до каюты. При моем появлении «добыча», сидевшая на постели, дернулась, поспешно прикрылась одеялом и глянула настороженно, явно ожидая новых проблем.

— Ты почему в таком виде? — удивился я.

— Запустила чистку комбинезона, она еще не закончилась. — Рыжая виновато отвела взгляд.

— Да, точно, у тебя же нет сменной одежды, — поморщился я. — Остановимся для подчистки, прихватим что-нибудь подходящее. И инструменты с медикаментами, кстати, тоже. Много тебе как врачу надо?

— Смотря для чего, — явно растерялась девушка.

— Для всего, — мгновение подумав, решил я. — То есть считай, что ты бортовой врач в экспедиции, которая летит в глубокий космос для изучения потенциально обитаемой враждебными разумными существами планеты... Что? — осекся я, потому что лицо ее при этих словах вытянулось и приобрело какое-то странное, нечитаемое выражение. Смотрела она на меня, как на зеленую звезду.^[5] — Ты же «дикий» специалист?

— Д-да, — неуверенно проговорила она.

— И что не так?

— Но это ведь много и дорого. И еще оборудование стационарное...

— Да, поправочка, — опомнился я. — Считай, что стационарное оборудование мы по идеологическим соображениям не берем.

— Если только по идиотическим, — пробормотала она себе под нос так, чтобы я не слышал. Я, конечно, услышал, но не отреагировал и продолжил:

— Больше возражений нет?

— А цена?

— С учетом возможности переноса медикаментов одним, максимум двумя людьми, в стоимости себя можешь не ограничивать. Ну и понимать надо: совсем не обязательно все это найдется на станции.

— Но зачем все это?! — решила она задать главный вопрос.

— Я, может, желаю сделать тебя личным врачом, — пожал плечами в ответ, едва удержавшись от ухмылки при виде ее вытянувшегося лица. — Переживаю, знаешь ли, о своем драгоценном здоровье. Да, вот еще что! Зовут-то тебя как?

— Алиса, — встrepенулась девушка. — Алиса Лесина. А вас?

Лиса-Алиса, стало быть. А что, ей подходит...

— Клякса, — ответил коротко. — Обычно сокращают до Каса, можно еще какой-нибудь вариант придумать. И — да, давай на ты, раз уж мы спим вместе.

Под напряженным взглядом продолжающей кутаться в одеяло девушки я подошел к нише пищевого синтезатора, вооружился банкой кисло-сладкого витаминного концентрата — любимый вкус и уже несколько лет едва ли не единственный мой напиток. Отпил и рассеянно отметил, что Алиса на него чем-то похожа: желто-зеленая, сама сладкая, а имя — кислое. Может, потому я на нее и внимание обратил?

— Здесь в принципе не приняты имена или только ты им не пользуешься? — осторожно уточнила девушка.

— Мне нравится формулировка, — усмехнулся я, отсалютовал банкой. Все-таки она умница. Глядишь, и впрямь выживет! — Здесь не принято лезть в душу.

Намек поняла и умолкла, но когда я шел мимо нее к креслу — дернулась, подтянула одеяло к самому горлу. Я замер, уставился на нее озадаченно, а через мгновение сообразил и махнул рукой.

— Да брось дергаться, не собираюсь я тебя насиловать. Ни сейчас, ни потом.

— Потому что живыми бабами не интересуешься? — все-таки не удержалась она от шпильки.

— Сложный вопрос, — ответил, плюхнувшись в кресло. Почему бы и не поговорить? С развлечением тут туго, а мне определенно надо переключиться, чтобы потом с ясной головой обдумать слова капитана. — Чем я интересуюсь — дело десятое, а с электронной удобнее. Она молчит, она безотказна, ее можно убрать в шкаф. Но даже не в этом ее самое большое достоинство. Главное, она робот, и отсутствие эмоций в этом случае не вызывает отторжения, а процесс воспринимается как полезная для здоровья и приятная процедура вроде массажа.

Алиса задумчиво кивнула и, вдохновленная моей разговорчивостью, рискнула продолжить расспросы:

— А почему остальные такими не пользуются?

— Потому что это недостаточно круто. — Я ухмыльнулся. — Ну, вроде как если трахаешь искусственную бабу, то и не мужик. В этом смысле хуже только быть пассивным педиком.

— Но ты... — неуверенно пробормотала она, удивленно вскинув брови. — Тебя, получается, это не беспокоит?

— Меня беспокоит собственное удобство. Они, конечно, порой пытаются издеваться, но меня в достаточной степени боятся, могут позволить себе подобные маленькие слабости.

— А что вызывает отторжение у тебя? — Кажется, вопрос этот озадачивал Алису всерьез. Понятно, впрочем, почему: хотела убедиться, что ей бояться нечего. Что ж, мне на руку помочь ей.

— Например, шлюхи, — уронил я. — Дороже, а функционал и, главное, страсть того же андроида. Но эти хоть равнодушно-деловые. Рабыни противнее, они обычно сломленные или ненавидящие. А про таких, как ты, и говорить нечего: насилие имеет настолько гадостный привкус, что ни о каком удовольствии речи быть не может. Так что не бойся, в этом смысле я для тебя совершенно безопасен. Если только сама попросишь. — Я не удержался от многообещающей ухмылки, но шпилька цели не достигла: Алису не проняло, она была слишком увлечена разговором.

— Погоди, что значит — гадостный привкус? И как ты определяешь их эмоции? — озадаченно нахмурилась она.

— Ощущаю, — пояснил спокойно. — Я воспринимаю людей и некоторые вещи немного иначе, чем ты и все остальные гуманоиды. На расстоянии чувствую вкус, цвет, иногда запах, а вблизи добавляются привкус отдельных эмоций и их ощущение, при контакте это особенно выражено. Как ты понимаешь, вкус у чужой боли, страха и отвращения не очень-то приятный. Да, это одно из последствий изменения, — ответил, предваряя очередной вопрос.

Алиса медленно кивнула и умолкла, косясь на меня напряженно, оценивающе, словно примеряя к себе сказанное. Я же отвечал рассеянным, задумчивым взглядом, отстраненно любуясь ею: все же мне попалась красивая девушка. Светлая чистая кожа, карие глаза, медного оттенка тяжелые, гладкие волосы до плеч с несколькими кислотно-зелеными прядями; кажется, у современной молодежи это что-то обозначает, вот только я при всем желании не вспомню, что именно. Причем, похоже, все,

кроме вот этих зеленых перьев, естественное, без врачебного вмешательства: на подобные ухищрения идут, чтобы привлечь внимание, а Алиса явно далека от таких стремлений.

Видать, с детства мечтала стать «диким» врачом, если с такой наружностью не нашла себе местечка поближе к дому.

— Ну, так что, мы договорились? — нарушил я в конце концов молчание.

— О чем? — спросила она, едва заметно вздрогнув от неожиданности.

— Ты не будешь шарахаться и кутаться вот в это?

— А какая разница? — озадачилась девушка. Не огрызнулась, уже хорошо.

— Честно? Люблю красивые вещи, — ответил я, пожав плечами. — А ты красивая, на тебя приятно смотреть.

На лице моего дорогостоящего приобретения отразилась внутренняя борьба, за которой я наблюдал с интересом, даже не пытаюсь угадать, что с чем борется. Подозреваю, даже окажись я рядом и попробуй считать эмоции, ничего бы не получилось: когда человека терзают противоречивые мысли и чувства, я ощущаю... нет, сложно описать это словами. Своеобразный белый шум с удушливо-сладким привкусом ванили. Мерзость.

— Я постараюсь, — наконец пообещала «добыча».

Определенно, мне все больше нравится эта девочка: не врет, не лебезит, не трясется.

— Сколько тебе лет? — спросил я рассеянно.

— Двадцать шесть. А что?

— То есть и впрямь совсем еще ребенок, — проговорил задумчиво. — Зачем тебя понесло в эту глушь? Не нашлось работы поближе? Ты же явно из Солнечной империи, более того, поговору — землянка.

— И как это связано? — уточнила Алиса недовольно. Кажется, тема была ей неприятна, но отказаться отвечать девушка не рискнула.

— Редко кто желает удрать из столицы в глушь, с которой нет регулярного сообщения. Мне любопытно, что привело к такой жизни тебя. Я вижу четыре возможных причины: жажда приключений, нужда в деньгах, детская мечта и побег от каких-то жизненных обстоятельств. На адреналинщицу ты не похожа, деньги с твоей мордашкой гораздо проще было бы заработать на Земле. А из оставшихся причин я все же больше склоняюсь к последнему: ты слишком практична, да и, желая изменить мир, отправляются не в сонную безопасную глушь. Могу попробовать угадать точную причину.

— Нечего гадать, — проворчала она нехотя. — Я желала самостоятельности, стремилась отдохнуть от дома. Моя мама, экспедиционный врач, погибла, когда я была совсем маленькой. Остались отец и двое старших братьев, которые своей опекой меня совершенно задушили. Я бы, может, и специальность выбрала другую, но экспедиционник с вахтовой работой — это единственная возможность хоть на какое-то время освободиться от постоянного надзора. Думаешь, очень приятно жить, когда в двадцать лет на свидание можешь сходить только в компании одного из братьев? Почему ты так на меня смотришь? — осеклась она.

Я медленно качнул головой, усмехнулся:

— Хочешь как лучше — получается как всегда. Знакомо.

— Что тебе знакомо?

— Что твои родные, пытаюсь уберечь тебя от неприятностей, сами к ним подтолкнули, — ответил я, пожав плечами. — Но это многое объясняет. Надо же, как тебе с родней не повезло...

— Бывает хуже, — насупилась она.

— Бывает, — легко согласился я. — Но тогда ты здесь не оказалась бы, да еще в таких плачевных обстоятельствах. А так, видишь, жила в золотой клетке, несчастная и непонятая, даже любви не познала. И уже не познаешь, скорее всего.

— Ты издеваешься? — Алиса угрюмо глянула исподлобья.

— А сама как думаешь? — ухмыльнулся в ответ. — Да ладно, не дуйся, должен же я извлекать из тебя какую-нибудь пользу и удовольствие! Кстати об удовольствиях, ты очень интересно двигаешься, — резко сменил я тему. И правильно сделал: брови девушки опять изумленно выгнулись, от удивления даже обида отступила.

— Что ты имеешь в виду?

— Красиво. Чем ты занимаешься? Гимнастика, танцы, боевые искусства?

— А, в этом смысле, — протянула она. — Танцы, да. С детства. Единственная доступная мне степень свободы и отдушина.

— Станцуй для меня, — проговорил после короткой паузы. Алиса несколько секунд затравленно сверлила меня взглядом, а после рискнула спросить:

— Это приказ или просьба?

Мгновение-другое мой взгляд скользил по открытым частям тела, изучая торчащие из-под одеяла стройные лодыжки, хрупкие ключицы, узкие плечи и тонкие запястья загорелых изящных рук.

— Просьба, — решил я наконец.

— Можно тогда... попозже? Когда будет хоть какая-то одежда, — неуверенно попросила она.

Я некоторое время колебался. С одной стороны, рыжая все-таки собственность и лучше будет, если она поймет это раньше. А с другой... ведь у меня нет задачи сломать ее и подчинить, напротив, я собирался приручать и налаживать мосты. Есть как минимум одна задача для прирученного медика, которую я не рискну доверить чужаку: нужно проконтролировать работу протеза и, если придется, отладить его. Да и врачи после изменения рекомендовали регулярные осмотры, а я еще ни разу не проходил обследование.

— Можно, — решил я: практичность победила любопытство. — Отдыхай. Не желаешь составить компанию?

— В чем? — вновь насторожилась она, бросив тревожный взгляд на нишу, где хранился андроид. Я усмехнулся, но комментировать никак не стал.

— Наша бордажная команда в это время разминается, — ответил, вставая. — Драться не предлагаю, но почему бы не прогуляться?

— Спасибо, но я бы лучше осталась здесь, — поспешила заверить рыжая. Не удивила.

Я кивнул, разрешая, и отправился разминаться: перестроенное тело постоянно требовало нагрузки, полсуток просидишь без движения — начинают ныть мышцы. Я порой задумывался, а как буду существовать с таким организмом, если каким-то чудом доживу до преклонных лет, но быстро отгонял дурацкие мысли: вероятность этого столь ничтожна, что смешно рассматривать ее всерьез. Бог с ним, с образом жизни; банально ресурса не хватит, о чем меня предупреждали еще перед началом операций.

О многом предупреждали. Если все вспомнить, проще сразу застрелиться, но мы ведь не ищем легких путей!

Возможностей для тренировок на борту было несколько. Хочешь — ложишься в кокон и развлекаешься, а аппаратура не только тренирует тебе мышцы, но и записывает в мозг все нужные реакции, она даже командные действия позволяет отрабатывать. Во время работы автоматики можно участвовать в виртуальном бою и сознавать происходящее, можно включать любые развлекательные программы, хоть сексом заниматься, можно вообще спать — эти процессы никак не связаны. А не хочешь — к твоим услугам тренажеры и удобный зал с настраиваемой гравитацией.

Я не хотел. Никогда не любил виртуальную реальность и не доверял кибернетике. Тем более той, какую не понимаю. Да, кажется, не я один.

Остальные обитатели корабля тоже с опаской относились к некоторым местным чудесам.

Не знаю, кто и когда построил «Ветреницу», но она роскошней не только других кораблей, которые мне доводилось видеть, но и многих богатых домов, а аппаратура ее совершенней приборов всех исследовательских центров. Здесь есть все, абсолютно все, что может понадобиться для жизни. Здесь есть такое, чего никогда не видели богатейшие люди галактики и гениальнейшие ученые, стоящие на самом острие прогресса, взять хотя бы те же тренировочные коконы или пищевые синтезаторы.

Откуда технологии? Хороший вопрос. Главный вопрос!

Первое время я еще пытался гадать и лазать по дальним щелям в поисках хоть одного клейма, хоть какого-то намека на происхождение корабля со всем его содержимым. Серый поглядывал на это снисходительно: как я узнал позже, эту стадию миновал каждый из тех, кто попадал на борт «Ветреницы». Конечно, ничего я не выяснил и потихоньку смирился с мыслью, что ответов не найду — тайнами корабля владел только капитан. Хотя охотились за ними многие: полиция всех государств, начиная с Солнечной империи, хозяева маленьких частных армий, другие пираты. «Ветреница» неизменно ускользала, легко, словно играючи. А Серый посмеивался.

Если быть честным с самим собой, я уже знал ответ на вопрос капитана, просто согласиться сразу не позволяла осторожность. Нужно было перебороть ее, притерпеться к мысли, что я добровольно лезу в черную дыру, а не прыгать очертя голову, без раздумий. Да и Серый, насколько я мог судить, не оценил бы поспешности и, чего доброго, передумал бы.

Впрочем, именно сейчас эти размышления были лишними, стоило сосредоточиться на тренировке.

Когда я попал на «Ветреницу», абордажную команду составляло пятнадцать человек — обученные автоматикой головорезы. В единоборстве они были хороши, а вот во всем остальном... Понаблюдав за ними некоторое время, я понял, что не желаю продолжать общение.

Понадобилась пара лет, чтобы привести абордажников в тот вид, который меня устроил и который эта команда имеет теперь. Сейчас они — настоящий боевой отряд, а не кучка опасного вооруженного сброда. К тому же сейчас нас пятеро, считая меня: наглядная иллюстрация того, что обученный специалист стоит трех дилетантов.

А еще, что для меня тоже важно, бойцы слушаются в первую очередь

меня, и только потом — капитана. Замечает ли это Серый? Скорее всего, да, но почему-то не возражает. Настолько мне верит? Или не сомневается в собственной способности подавить возможный бунт? В любом случае так глупо подставляться и идти против капитана прямо я не собираюсь.

Интересно, Серый истолковал это как преданность и потому предложил мне свое место или это изощренный способ избавиться от возможного конкурента?

Вот же комету ему в задницу, устроил мне развлечение на всю дорогу до «Тортуги»! Теперь сиди и голову ломай...

— Ты что-то припозднился, командир, — неодобрительно проворчал Югер.

— Извини, — не объясняя, ответил я, решив исчерпать инцидент.

С этим ксеносом лучше не спорить: не из боязни поспориться, просто он может заговорить до смерти. Он — вериец, а эти негуманоиды помешаны на точности, систематизации и симметрии, малейшая непунктуальность их страшно раздражает, и чем спорить, гораздо проще сразу признать свою вину.

Этот вид — один из немногих, которые прекрасно уживаются и активно сотрудничают с людьми. Не могу сказать, что остальные поголовно воинственны или относятся к человечеству с презрением, просто с большинством у нас настолько мало общего, что существуем мы параллельно. Даже тогда, когда существуем в одной звездной системе.

Уроженцев Верьи — так люди называют их родительскую звезду — часто можно встретить в человеческих мирах, они с энтузиазмом соглашаются на совместные научные проекты и очень неплохо чувствуют себя в нашей компании. Верийцы весьма любопытны, а нас считают интересным объектом для изучения. Они исключительно неагрессивны, даже Югер, который по меркам своего вида вообще-то опасный психопат: другой вериец не пошел бы в пираты.

Хотя, конечно, вначале с контактами были проблемы. Эти существа имеют весьма устрашающую наружность: шестиногие чешуйчатые пауки трехметрового роста. К паукам они, невзирая на внешнее сходство, отношения не имеют, генетически куда ближе к ящерицам, но первым контактерам от этого было не легче. Тем более что поначалу признать разумность друг друга и найти общий язык оказалось очень трудно: слишком отличаются речевые аппараты. Строго говоря, мой знакомец вовсе не Югер, таков упрощенный вариант имени для людей. Это потом выяснилось, что психологически верийцы к нам достаточно близки, появились «говорилки» — портативные переводчики, передающие не

только смысл сказанного, но даже интонации.

В абордажной команде имелся еще один ксенос, тексанин Теци. Если не знать, что представляет собой этот вид на самом деле, после недолгого общения можно признать их полной противоположностью верийцам: неотличимая от человеческой внешность и совершенно иная логика. Например, у них вообще не существует понятия чувств и эмоций, если не считать таковыми их любопытство и стремление к изучению мира. Но все вопросы отпадают сами собой, если знать, что тексане — это отдельные колонии микроорганизмов, состоящих в весьма отдаленном родстве с земными кораллами, которые способны прихотливо изменять собственную форму. Не мгновенно, но за пару часов из человека он может превратиться, например, в уменьшенную — или реальных размеров, но пустотелую — копию верийца.

Уравновешивали ксеносов два человека: Шон, бывший профи родом из Солнечной империи с биографией, во многом повторяющей мою собственную, и больной на всю голову илиец-полукиборг Таймар. Илий был полностью уничтожен во время войны лет двадцать назад, и к настоящему моменту осталось немного представителей этого народа. Большинство превратилось в космическую пыль вместе с родной планетой, да и многие из выживших не перенесли ее гибели — не только психологически, какая-то у них с ней имелась хитрая энергетическая связь, я никогда особенно не интересовался. А среди оставшихся нескольких тысяч, как мне кажется, невозможно найти хотя бы одного психически здорового человека. Таймар еще тихий, его болезнь выражается в полном эмоциональном отупении, благодаря чему он прекрасно сработался и нашел общий язык с Теци. Если честно, иногда я ему даже завидую: без эмоций жизнь становится куда проще.

Есть нечто символическое в том, что такая абордажная команда собралась именно под моим руководством. По привычке я продолжаю считать себя человеком, но формально я — представитель совершенно иного вида, пусть и родственного детям Земли.

— Кас, ответь все же, на кой тебе эта девка? — задал Шон ожидаемый вопрос.

Что поделать, «Клякса нашел себе бабу» — это местная новость номер два после успешного захвата транспортника. А может, и номер один, потому что захват — это хоть и отратно, но достаточно обыденно, а тут такая загадка!

Жизнь космического волка однообразна и скудна впечатлениями.

— Еще не придумал, — честно ответил ему.

— Нормально. — Светлые брови абордажника удивленно выгнулись. — А почему ты ее вообще не пристрелил?

— Шон, вот ты профи, серьезный боец, не ведающий страха и жалости. Почему ты Вина прихватил с той посуды?

— Ну, сравнил, — смущенно хмыкнул он. — Он же кот, жалко было бросать...

— То есть пристрелить команду не жалко, а кота жалко? — уточнил я.

— Людей в космосе много, а котов — раз-два и обчелся, — возразил Шон.

— Вот и считай, что я иррационально пожалел эту девчонку и решил ее приютить, — отмахнулся я. — Ладно, отставить разговорчики! У нас тренировка.

— Погоди, то есть ты в самом деле ее как бабу не пользуешь? — не поверил Шон.

— Еще немного, и я решу, что ты ревнуешь, — оборвал его. К счастью, раздражения в голосе прорвалось достаточно, чтобы абордажник унялся и закрыл тему, а я обратился к верийцу: — Югер, я хотел с тобой поговорить после тренировки. Ты не против? Это не личный вопрос.

— Поговорим, — согласился он.

Вся команда, даже при ее малочисленности, требуется очень редко. На этот раз можно было, например, ограничиться подстраховкой в лице Теци и Шона. В достоверности сведений о грузе и отсутствующей охране я не сомневался, но из-за высоты ставок взял всех. Не хотелось лишать бойцов законной надбавки: за участие в абордаже полагалась дополнительная часть добычи, та самая «абордажная доля». Серый понимал, но смотрел на мои действия сквозь пальцы: все это с лихвой окупалось в те редкие, но важные моменты, когда от абордажников требовалось напряжение всех сил.

А вот с конкурентами нам приходилось бороться самостоятельно: когда из любого идиота за несколько недель можно сделать отличную боевую единицу, собственные нужность и превосходство требуется доказывать. Капитан принципиально не лез в эти вопросы, предпочитал роль стороннего наблюдателя. Не удивлюсь, если наша возня его искренне забавляла.

Своей абордажной командой я заслуженно гордился. Людям зачастую трудно сработаться с чужими, больше на «Ветренице» представителей иных видов не было, мои же подопечные отлично понимали и дополняли друг друга. Изменчивость Теци, живучесть стойкого к радиации и вакууму Югера, боевая сила Таймара, чутье и тактический опыт Шона — не шайка разбойников, а профессиональный отряд, с которым я пошел бы на любое

задание. Надежный — насколько это вообще возможно в наших обстоятельствах — тыл, дающий возможность жить на этом корабле.

Своих я к обучающей капсуле неведомого происхождения не допускал, да они не особенно рвались. С нелюдями она была несовместима, в Таймаре осталось слишком мало человеческих частей, которым нужна такая тренировка, а Шон вполне искренне разделял мое главное опасение: за все нужно платить. Не бывает так, чтобы легко, по нажатию кнопки и без последствий, дурак становился умным, а слабак — профессиональным бойцом.

Чтобы досконально разобраться в тонкостях воздействия конкретного аппарата, требовалась армия ученых, а не пара вояк, так что мы даже не пытались. Но на практике чутье отлично заменяло воякам мозги и академические знания, а оно настойчиво советовало держаться подальше от непонятной техники. А тот факт, что из прежней абордажной команды никто до сегодняшнего дня не дотянул, только усугублял недоверие. Да, несколько бойцов расстались с жизнью с моей помощью, но еще двенадцать сделали это своими силами и по собственной глупости. По-разному, связать эти смерти я не мог, но навыки все равно предпочитал оттачивать по старинке.

О том, сколь поспешной была просьба к Югеру, я понял уже в конце тренировки. Стоило условиться о встрече попозже, после душа и сброса остатков напряжения при помощи андроида, но отменять договоренность с верийцем без видимой причины — лучший способ испортить с ним отношения. Не считая опрометчивости подобного поступка, мне совершенно искренне не хотелось ссориться с Югером, так что пришлось топтать по коридору к его каюте.

Как ни странно, он был единственным из обитателей корабля, которого я мог бы назвать другом. Я не ксенофил и никогда им не был, но в нынешних жизненных обстоятельствах вериец гораздо больше прочих вызывал доверие. Да и просто находиться с ним рядом мне было приятно: мягкий серо-зеленый оттенок и легкий травянисто-горький привкус его присутствия настраивали на спокойный, мирный лад.

— Устраивайся, гость, и говори, — немного церемонно сказал Югер, усаживаясь на пол. Мне предлагалось сделать то же самое: мебели в нашем представлении верийцы не имели.

Сидел он своеобразно: подбирал под себя суставчатые ноги, завернув кольцом хвост, вытягивал длинное сегментарное тело и опускал на землю плоскую вытянутую голову. Поза могла показаться расслабленной, предназначенной для отдыха, но спят они свернувшись кольцом, а так —

выражают наибольшее внимание, готовность к действию. Три нары глаз обеспечивают верийцам прекрасный обзор, и лучше всего он именно в таком положении, а устройство конечностей позволяет распрямить их мгновенно, как пружины. Поза для засады, в которой эти существа способны находиться очень долго, сохраняя полную неподвижность.

Поскольку у людей никакой строго регламентированной позы для разговора не существует, на заре дипломатических контактов специально подобрали несколько вариантов для таких случаев — этакий жест доброй воли, попытка обеспечить психологическое удобство дружественным ксеносам. Устраиваясь в одной из таких поз, я плюхнулся на мягкий пол напротив морды Югера, скрестил ноги, сцепил пальцы в замок. Сделал несколько глубоких вдохов, выравнивая дыхание и успокаиваясь: по мнению верийцев, серьезные разговоры можно вести только в таком настроении, неспешно и обстоятельно.

— Твоя прожитая жизнь длиннее моей, ты дольше меня бороздишь космос, больше меня видел, — ровно заговорил я. — Что ты знаешь про «Тортугу»?

— Чуть больше, чем ничего, — после долгой паузы откликнулся он. — Это космическая станция, способная к гиперпрыжкам, но и только.

Общались верийцы, щелкая и треща хелицерами и шевеля длинными, гибкими, подвижными педипальпами, скорее похожими на щупальца и заодно выполняющими функцию рук. Назывались эти органы, конечно, совсем иначе, но привычные определения куда лучше запоминались.

— А что ты предполагаешь по ее поводу?

— Ее не могли построить пираты, — уверенно ответил Югер. — И этот корабль не могли построить пираты. «Тортуга» — детище незнакомой нам цивилизации. Либо останки погибшего мира, попавшие в руки отребья, либо пункт наблюдения и изучения нашей галактики пришельцами из дальних пределов. Оба варианта возможны, но правдоподобнее первый. Наверное, это далекие предки вашей цивилизации.

— Значит, ты полагаешь, что «Ветреница» имеет то же происхождение, что и станция?

— Совершенно убежден в этом. Позволь узнать, почему ты завел разговор об этом именно сейчас?

— Мы летим на «Тортугу», — после недолгих сомнений ответил я. Серый не говорил, что это секрет, значит, можно поделиться. — Только место назначения пока широко не афишируется, имей в виду. А вообще я хотел узнать не совсем это, такие теории я тоже слышал и тоже их

разделяю. Есть ли что-то, что знает об этом месте и его создателях твой народ, но не знает мой? Что-то, с чем вы столкнулись до того, как наши цивилизации нашли общий язык, или после, но по какой-то причине не поделились этими сведениями с нами?

— Если такая информация существует, то я ею не владею, — заверил Югер. Потом, подумав, добавил: — Но у нас есть древние сказки о странных жутких существах, спускавшихся с неба. Они были белые, имели по четыре конечности, издавали странные звуки и умели летать. А еще металы молнии и огонь. Именно они заставили моих предков уйти в пещеры.

Я некоторое время молча разглядывал маслянисто-черные блестящие глаза Югера, похожие на шарики обсидиана, и очень хотел спросить, издевается надо мной вериец или нет. Но молчал, потому что понятия сарказма у этих существ нет.

— И как много лет этим сказкам? — собрался я наконец с мыслями.

— Много, — коротко щелкнул хелицерами Югер. — Они появились в нашей памяти еще до обретения разума.

Я восхищенно присвистнул: выходило больше пяти тысяч лет.

В отличие от людей, считавших себя разумными с древности, верийцы называли моментом обретения разума окончание их последней внутренней войны. То, что зовем разумом мы, можно перевести с верийского скорее как «интеллект».

Может, когда-нибудь и мы достигнем подобных вершин мудрости, но точно не на моем веку.

— Неожиданный поворот, — пробормотал я себе под нос.

— Почему? — любопытствовал собеседник.

— У нас тоже есть какие-то сказки про сходящих с неба богов с громами и молниями, только наши легенды могут иметь под собой другое основание. А вот появление в ваших сказках существ, столь сильно отличающихся от вас самих, и впрямь не оставляет иных вариантов.

— Нет, я спрашиваю о другом. Почему этот поворот неожиданный? Люди знают наши сказки. Во времена первых контактов они отчасти осложнили поиск общего языка, а отчасти, напротив, помогли. Без них мы бы долго не могли догадаться о наличии у вас интеллекта.

— Значит, эти сведения прошли мимо меня, — развел я руками.

Опять повисла тишина. Югер терпеливо ждал, закончу я на этом разговор или продолжу спрашивать, а я пытался придумать еще какой-нибудь полезный вопрос.

Пожалуй, ничего нового вериец мне не сказал, просто подкрепил мою

уверенность в собственных выводах. К чему-то подобному приходил любой человек, внимательно рассмотревший «Ветреницу» и слышавший хоть какие-то истории про «Тортугу».

Жалко, в глубине души я надеялся на большее. Но мечтать, говорят, не вредно.

С другой стороны, вот так посидеть в хорошей компании — тоже дорогого стоит. Пусть не поговорить, но хотя бы помолчать по душам.

Чертово изменение! Кто бы мне сказал десять лет назад, что на человеческом корабле мне будет спокойно в обществе гигантского хордового паука...

— Что тебя гложет? — выдержав положенную по верийским традициям паузу, задал вопрос Югер.

— То есть?

— Ты чем-то озабочен и напряжен. Мне трудно поверить, что тебя так взволновало общество этой самочки... девушки. Значит, за прошедшие несколько часов случилось что-то еще. Что-то, кроме «Тортуги»?..

С ответом я медлил. Вряд ли Югер стучит капитану, да и тайна невелика, но я отвык обсуждать с кем-то собственные мысли и предположения, и привыкать к этому сейчас — глупо. В здешней среде обнажать душу чревато проблемами, чужими слабостями тут пользуются охотно и умело.

А с другой стороны, может статься, что сейчас на кону моя жизнь, да и не только она: я ведь не знаю, чем обернется щедрость капитана, но почти уверен, что легко не будет. Так что привыкнуть к хорошему я попросту не успею.

— Серый предложил мне занять его место. Сказал, что устал и желает удалиться на покой, а «Ветреницу» хочет пристроить в надежные руки.

— И ты справедливо подозреваешь подвох, — закончил за меня Югер. Помолчал. — Я подумаю, чем можно помочь. Если что-то появится — скажу.

— Спасибо.

Дольше задерживаться было бессмысленно, поэтому я распрощался и отправился в свою каюту, на долгожданную встречу с душем.

ГЛАВА 3, в которой Алиса пьет чай и видит сны

— ...Этого просто не вынести!
— А что нужно вынести? — спросила Алиса.
(Она всегда была готова услужить.) — Разрешите,
я помогу!

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес

Алиса Лесина

Когда за спиной Кляксы закрылась дверь, я не удержалась от громкого облегченного вздоха, опустила на постель, прикрыла глаза и добрых пару минут лежала без движения и единой мысли.

Произошедший только что короткий разговор ни о чем страшно утомил. Я не могла отделаться от ощущения, что в благодушие и снисходительность Клякса играет, каждую секунду ожидала, что ему надоест, и это нервное напряжение меня совершенно вымотало. Но что поделать, если благородные пираты существуют только в сказках, и я не могла поверить, что вот этот человек, убивающий походя и без малейшей тени сомнения, вдруг ни с того ни с сего проникся симпатией к случайной жертве.

По-настоящему радовало и немного успокаивало одно: я могу быть ему полезна как врач, а к полезному имуществу относятся куда бережней, чем к очень дорогому хламу. В моем же положении бережное отношение — это невероятная роскошь, за которую многое можно отдать.

Наверное, когда-нибудь я привыкну и перестану дергаться от каждого косога взгляда.

Переведя дух и успокоившись, я сразу же пожалела о том, что отказалась пойти с мужчиной. Сама час назад планировала узнать как можно больше о местных обитателях и их образе жизни, о корабле и прочем, а как только представилась возможность высунуться из относительно безопасного убежища — поджала хвост!

Впрочем, долго корить себя не стала. Наверняка они тренируются регулярно, и еще представится возможность понаблюдать за командой. А

пока я решила, пользуясь одиночеством, последовать примеру Кляксы. Как водится, лучший способ разгрузить голову и нервы — нагрузить тело. Места тут вполне достаточно, даже музыку я сумела запустить, хотя и пришлось помучиться с поиском чего-то подходящего.

Первое время, пока разминалась, настороженно поглядывала на дверь, опасаясь возвращения хозяина. Но тот не спешил, и я успокоилась, перестала придумывать страшилки и втянулась в разминку, уже привычно сожалея об отсутствии партнера. Но за прошедший год вне Земли я вполне освоилась с занятиями в одиночестве и даже почти не потеряла форму.

Мелькнувшую было нелепую мысль научить танцевать Кляксу поспешила отогнать.

Разминка, час тренировки, душ — за все это время меня никто не побеспокоил. Я сидела на краю кровати и лениво решала, лечь спать прямо сейчас или придумать себе какое-нибудь другое занятие, чтобы дождаться хозяина и не позволить ему застать меня спящей?

Каюту наполняла незнакомая музыка, знакомой у Кляксы нашлось немного. Кажется, это было что-то очень старое: вязкое, торжественное, состоящее из странных тягучих звуков незнакомого инструмента. Почему-то я была уверена, что это именно инструмент, а не электронная композиция.

Эта музыка в моем представлении плохо сочеталась с пиратом и убийцей, однако отлично подходила к виду «из окна», который я созерцала. Медленно текущая и переливающаяся всеми цветами спектра туманность словно танцевала, подчиняясь тяжелым волнам странной музыки.

Впрочем, медленным это движение только казалось, ведь там, в этой нарисованной реальности, за секунды проносились десятки и сотни тысяч лет...

— Ты планируешь повеситься? — Насмешливый голос Кляксы, прозвучавший за спиной, заставил дернуться и, едва не кувыркнувшись на пол, поспешно обернуться.

Мужчина стоял у двери в душевую, привалившись плечом к стене и скрестив на груди руки, и смотрел на меня со слабой усмешкой на губах. Легкий комбинезон прилип к телу, волосы склеились в сосульки. Кажется, тренировалась абордажная команда с полной отдачей.

— Почему ты так решил? — озадачилась я.

Музыка умолкла почти сразу, очевидно, подчинившись безмолвному приказу хозяина каюты.

— Ты сидишь в полумраке, пялишься на звезды и слушаешь Баха. О чем еще можно думать в такой ситуации? — засмеялся он. Свет в каюте

загорелся ярче, а туманность, напротив, погасла.

— Ну, не знаю. — Почему-то я почувствовала смущение. — Знакомой музыки у тебя не нашла, только вот эту. Мне показалось, она хорошо сочетается с видом туманности, да и не такая уж мрачная. Разве нет?

— Пожалуй, — кивнул Клякса, отклеился от стены и начал раздеваться. Процесс оказался недолгим: кроме комбинезона, на нем ничего не было. — Но атмосфера суицидальная. Впрочем, я вообще не люблю звезды, так что, наверное, сужу предвзято.

— Не любишь звезды? — озадаченно переспросила я и кивнула на стену. — А зачем тогда это?!

— Чтобы не забываться, — спокойно пожал плечами мужчина, бросил одежду в чистку и ушел в душ, явно давая понять, что продолжать разговор не намерен.

А я проводила Кляксу растерянным взглядом. С самого начала толком не понимала поведения этого человека, а теперь, кажется, окончательно отчаялась разобраться...

Вернулся мужчина быстро, я успела только добраться до терминала, решив выбрать какую-нибудь еду из местного синтезатора, и накрепко застопорилась: глаза разбегались от широты выбора. До сих пор я пользовалась только «избранным» хозяина, не до разносолов было, а теперь решила проверить, что здесь вообще есть. И стало интересно уже другое: существует ли в природе блюдо, которого нет в списке?

— Решила поесть? Прекрасно, и на мою долю что-нибудь прихвати, — попросил Клякса. — На твой вкус.

Пират нашел нужным одеться и щеголял в свободных светлых штанах. То ли он не всегда расхаживал нагишом, то ли специально для меня сделал исключение. Я в любом случае была благодарна за эту малость.

— Судя по всему, мой вкус во многом совпадает с твоим, — пробормотала, заставила себя прервать поиски и вернулась к «избранному». Разберусь с этим многообразием как-нибудь в другой раз.

Аппарат сработал быстро, в многоэтажной нише через пару мгновений появились тарелки с едой и напитки. Мгновение я поколебалась, но потом решила быть хорошей девочкой и немного подлизаться к мужчине, так что сначала отнесла на стол ужин для него, а потом вернулась за своим.

Клякса все это время полулежал на кровати, подпирая голову ладонью, и наблюдал за мной с веселыми искорками в глазах. Однако насмехаться не стал, даже, усаживаясь за стол, кивком поблагодарил за заботу. Кресло в каюте было всего одно, так что мне осталось присесть на край кровати, держа одной рукой свою тарелку.

— Я понимаю, что вопрос, наверное, прозвучит слишком нагло, но... что это за корабль? — нарушила я тишину, когда пират расправился с большей частью еды и явно утолил голод.

По своим родным знаю, особенно по отцу: пока мужчина голоден, к нему не стоит лезть. Зато после еды — лучший момент о чем-нибудь попросить или сообщить неприятную новость. Сытые мужчины слегка осоловелые и весьма благодушные.

Так! Не думать о доме! Не хватало еще снова расклеиться...

— Что значит — «что за корабль»? — уточнил Клякса.

— Ну... Взять хотя бы вот этот синтезатор или систему доставки. Как это работает? Насколько я знаю, обычные синтезаторы выдают только питательную бурду: невкусную, зато полезную, а тут еда неотличима от нормальной, приготовленной из настоящих продуктов, причем хорошо приготовленной. Или еще вопрос — нападение на грузовик. Как получилось, что вы сумели выдернуть его из гиперпространства? Разве это возможно?.. — Поскольку мужчина не пытался меня прерывать, вопросы потянулись друг за другом. Но потом я осеклась: — Что я такого веселого сказала?!

— Не бери в голову, — отмахнулся пират, пряча улыбку. — Если бы я знал ответы на эти вопросы, я бы, может, и ответил. Но, увы, я не хозяин этого корабля и даже не капитан, просто наемный работник. Живое оружие. И в такие тонкости меня не посвящают.

С этими словами Клякса поднялся с кресла, сладко потянулся и пошел за добавкой. Я проводила его взглядом, почти не удивляясь, что в полном смысле этого слова люблюсь пиратом. Все же, если забыть, в каком качестве я здесь нахожусь и кто этот человек, наблюдать за ним было приятно: уж очень красиво он двигался.

Интересно, что заставило его пойти в пираты? Или он всегда был таким — хладнокровным убийцей, не ценящим человеческую жизнь?

Этот вопрос я, конечно, озвучивать не стала, памятуя о нежелании Кляксы говорить о личном. Расчетливый циник все же лучше порывистого садиста, а без информации я прекрасно проживу.

— То есть корабль на самом деле необычный и странный? Это мне не почудилось от безграмотности? Просто я совсем в них не разбираюсь...

— Более чем, — кивнул мужчина, усаживаясь в кресло с напитком в руках и отвечая мне задумчивым взглядом.

— Но ведь здесь, наверное, и какая-то медицинская аппаратура есть. Наверное, весьма совершенная. Зачем тогда на корабле нужен врач? — нахмурилась я. Чувствовала, что ступаю по тонкому льду и провоцирую

собеседника на шуточки по поводу моих талантов, но неопределенность слишком тяготила, чтобы забыть о ней хотя бы на минуту.

— Не нужен, — спокойно согласился Клякса. — А вот лично мне вполне пригодится. Например, надо оценить последствия изменения, я же не знаю, что могло проявиться за эти шесть лет. После операции мне рекомендовали наблюдаться у хорошего врача. — Он усмехнулся скептически, явно имея в виду свой образ жизни и количество «хороших врачей» вокруг. — Ну и протез не мешало бы проверить. А доверять себя непонятной автоматике неизвестного происхождения я не готов, не говоря уже о костоправах с левых станций. Ну, так что, по рукам? Или у тебя есть другие предложения?

— Отпустить меня домой? — сказала заискивающе с неуверенной улыбкой. Конечно, предложение Кляксы было не просто щедрым, оно было лучше всего, на что я смела здесь рассчитывать. Но...

Все-таки жизнь среди пиратов — не то, о чем я мечтала. Даже в такой роли.

Собеседник в ответ рассмеялся, отсалютовал мне своим напитком и неожиданно сказал:

— Почему бы и нет? Только задай мне этот вопрос через три недели, тогда я смогу ответить точно. Тем более что до тех пор мы все равно не попадем в места, откуда летают рейсовые корабли в сторону Солнечной империи. Нет, я могу оставить тебя на первой попавшейся очистной станции, но вряд ли ты под «отпустить» имела в виду именно это, да?

— Нет! То есть да! То есть я согласна, — заверила его и поспешила переключиться на деловой тон, пока Клякса не передумал. — Сделаю все, что сумею. Теперь хотя бы понятно, какие нужны препараты и приборы. Только я ведь не генетик, а «дикий» специалист, и не очень-то хорошо разбираюсь в мутациях...

— Всяко лучше меня, — отмахнулся Клякса. — Тем более что тебе не гены мои потрошить надо, а оценить нынешнее состояние организма. И не ограничивайся только этими проблемами, мало ли что еще может пригодиться.

— Хорошо, не буду. А почему у тебя такое прозвище — Клякса? — спросила, меняя тему. — Из-за того, что ты быстро двигаешься, словно расплываешься перед глазами?

— Нет, — улыбнулся он. — Просто один бывший... коллега долго трепал мне нервы, и в какой-то момент я пригрозил, что, если он продолжит в том же духе, от него останется неопрятная клякса.

— За это и прозвали? — уточнила я.

— Не совсем. Клякса получилась аккуратной, — спокойно пояснил он. — Больше меня цеплять не пытались, но прозвище приклеилось. Да, в общем, нормальная кличка, бывает и хуже.

Разговор оборвался. Мужчина с отсутствующим видом размышлял о чем-то своем, а я пыталась поверить в честность его слов — и про врача, и про три недели. Потом потихоньку начала прикидывать, что именно мне нужно для проверки здоровья своего неожиданного пациента.

Мысли о побеге еще бродили в голове, но скорее как мечты, а не как планы. Нужно здраво оценивать собственные силы и умения: хоть я и провела целую вахту на малообжитой планете и доказала, что самостоятельная, но быть тихой домашней девочкой от этого не перестала. Сейчас я как будто попала в другую реальность, о которой знала только из обрывков новостей и разных развлекательных источников — книг, вирткино и прочих. Так что сложно придумать большую глупость, чем отказ от опеки и защиты Кляксы. Независимо от причин его странной снисходительности.

— А как вы вообще тут развлекаетесь? — наконец не выдержала я тишины.

— Вешаемся с тоски, — хмыкнул Клякса. — Думаешь, просто так твое появление вызвало ажиотаж? Космические перелеты — тоскливая штука, а «Ветреница» хоть и необычный корабль, но даже она не способна мгновенно перемещаться в пространстве. Многие спасаются виртом, но я его не люблю. Ты играешь в шахматы? — вдруг спросил он.

— Ну как — играю? — отозвалась осторожно. — Знаю, как ходят. Отец любит, пытался всех приобщить, только я как стратег не очень. Необучаемая. Но если тебя это не смущает, то я сыграю с радостью!

Шахматы или нет — мне сейчас было все равно, лишь бы не сидеть в тишине. Терпеть не могу неловкое молчание, а с Кляксой легко болтать обо всем на свете не получалось. Может быть, я привыкну и освоюсь в его обществе, но пока слишком боялась ляпнуть что-нибудь не то и разозлить свою единственную надежду на спасение.

Шахматы оказались настоящими, то есть не виртуальными — складная доска с небольшими фигурами самой простой формы, отлитыми из какого-то твердого тяжелого пластика. Разместились на кровати — больше нигде. Клякса вытянулся на боку, подпер голову ладонью, а я села напротив, скрестив перед собой ноги.

То, что неизбежный мат я получала от пяти до пятнадцати ходов, в зависимости от настроения соперника, не явилось новостью: человек, у которого на космическом корабле есть шахматы, просто не может не уметь

в них играть. Но это был еще один характерный штрих к его портрету.

— Ты что, совсем не видишь, что делаешь? — на пятой партии не выдержал Клякса. — Зачем ты слона взяла? Еще два хода, и тебе мат.

— А чего не съесть, если дадут? — философски ответила я.

— Слушай, ну ты же неглупая девушка, это не так сложно. Как-то не верится, что у тебя на самом деле так плохо с головой, причем избирательно, — сказал он, с сомнением меня оглядывая.

— Да не хочу я думать и планировать, кем и куда идти, — проворчала в ответ.

— А зачем согласилась играть? — Светлые брови удивленно выгнулись.

— Так других развлечений все равно нет. — Я пожала плечами. — Ладно, доедай уже мои фигуры, давай начнем заново.

— Ай, вин! Знаю я игру, которая тебе понравится, — усмехнулся он. — Шашек нет, давай сюда пешек. С вами свяжешься, сведешь благородную игру к бедламу...

— Вот не надо, ничего я никуда не сводила! — возмутилась в ответ. — А остальные?

— В черную дыру остальных, будем с тобой в «Чапаева» играть. Значит, слушай правила...

Наверное, если бы отец увидел это издевательство над его любимой игрой, его бы хватил удар. Но Клякса был прав, мне действительно понравилось. А главное, эта игра очень быстро освободила от чувства неловкости. Причем впали в азарт мы оба, Клякса явно расслабился и опять открылся с неожиданной стороны.

У безжалостного измененного оказался настолько живой и искренний смех, что я совершенно забыла, где и с кем нахожусь. Словно полет безымянного грузовика с его молодой веселой командой не прервался трагически, а вот этот странный тип с неестественно синими глазами был одним из тех радостных, энергичных людей со спокойной совестью и долгими годами жизни, наполненной интересными событиями, впереди.

В какой-то момент от возмущения, что Клякса опять выиграл, я от души огрела его подушкой и продолжила лупить под залиvistый хохот избиваемого. Он не сопротивлялся, позволял спускать пар, только закрывался блоками, чтобы случайно не попало по лицу.

Но вскоре я выдохлась, бросила подушку и, сдувая с лица растрепавшиеся волосы, плюхнулась на кровать на расстоянии вытянутой руки от Кляксы, отделенного от меня шахматной доской и рассыпанными по кровати фигурами.

— Все, навоевалсь? — с иронией спросил он. — Давай ложиться спать, пора уже. Не люблю из-за ерунды нарушать режим.

— Чур, я первая в душ! — встrepенулась я тут же.

— Это пожалуйста. Только не нужно дожидаться там тепловой смерти Вселенной, ладно?

— Я быстро!

Внутри поселилась твердая уверенность, что Клякса на самом деле через обещанные три недели отправит меня домой, и уверенность эта не давала воспринимать происходящее всерьез. Страшный аттракцион, полный опасностей, ни одна из которых на самом деле мне не грозит. Крайне опасное заблуждение, которое может стоить мне жизни.

Добрых пиратов не бывает. Нельзя видеть в Кляксе человека, тем более хорошего человека. Хорошими людьми были навигатор Витя, капитан Сергей Леонидович и доктор Максим Бут, но никак не тот, кто без сожаления оборвал их жизни.

И все же, как ни старалась я убедить себя в опасности и лицемерии Кляксы, ненавидеть его не получалось. Не выходило даже сердиться или хотя бы обижаться. Последние часы окончательно рассеяли остатки опасений и недоверия. Я слишком легко схожусь с людьми и слишком им верю, а этот измененный сделал все, чтобы привлечь мое внимание и заслужить симпатию.

Что же это за космический пират, который предпочитает старинную музыку, не любит звезды и виртуальность, играет в шахматы и как-то совсем по-детски веселится с собственной рабыней?! Кто он такой? Беглый профессор? Опальный аристократ? Рухнувший на самое дно миллиардер?.. Как вот эти легкий смех и дурашливость могут сочетаться с безразличием к человеческой жизни?

А с другой стороны, так ли нужно его ненавидеть и бороться с собой? Я все равно не могу ничего изменить, так не лучше ли ждать развязки в хорошем настроении и с легким сердцем, чем трястись от каждого шороха?

Чувствуя, что близка к тому, чтобы смириться и успокоиться, я засыпала в объятиях Кляксы с почти легким сердцем. Мужчина тепло и тихо дышал мне в затылок, а прохладное тренированное тело, к которому я прижималась спиной, не вызывало отторжения или страха: близость не несла какого-либо подтекста, мы просто спали в одной постели. Больше того, объятия успокаивали и давали ощущение защищенности, укрепляли мою веру в лучшее. словно я ребенок, который, увидев дурной сон, пришел спать к отцу — и все страхи отступили.

Вот только пробуждение вышло мучительным. Я вырвалась из

паутины сна с судорожным вдохом, давясь глухими рыданиями. Зажмурившись, сжалась в комочек, подтянула ноги к груди и уткнулась лицом в колени.

Во сне я видела погибший экипаж транспортника. Не картину их гибели, не обгорелые тела. Все шестеро стояли полукругом и смотрели на меня — мрачно, задумчиво, с укором. А я мечтала провалиться сквозь землю от стыда, захлебывалась слезами и просила у них прощения. Только их взгляды оставались строгими и холодными — у мертвецов не было ко мне снисхождения.

— Что случилось? — прозвучал надо мной голос Кляксы. Конечно, я не могла его не разбудить, и теперь мужчина приподнялся на постели, навис сверху и слегка сжал мое плечо.

Я в ответ затрясла головой. Даже если бы захотела поделиться с Касом своими переживаниями, все равно не сумела бы это сделать: горло сдавил спазм.

— У меня от твоей горечи челюсти сводит, — проворчал мужчина. — Что ты такое увидела, раз тебе теперь так стыдно?

— Я ведь предаю их! — выдохнула с трудом, даже не стараясь придумать какое-то оправдание и не боясь говорить Кляксе правду. Я и теперь не могла относиться к нему плохо. — Даже отомстить не попыталась. Трусиха...

— А, вот ты о чем, — сказал Клякса и выпустил мое плечо. Кровать спружинила от его движений, мужчина поднялся и, кажется, пошел к синтезатору. Загорелся свет. — В общем, да, почти так и есть. Ты струсила, не мстишь и даже — о ужас! — радуешься жизни. Наверное, это вправду можно считать предательством. Думаешь, если бы ты умерла, тебе бы стало легче? Нет? Ну, уже хорошо. Даже не знаю, что тебе посоветовать для очистки совести, — продолжал спокойно рассуждать мужчина, устроившись в кресле. — Убить меня и покончить с собой? Занятный вариант, но имей в виду, я буду сопротивляться. Объявить голодовку и гордо удалиться в заточение? Ну... такое могу обеспечить, но от этого вряд ли кому-то полегчает, в первую очередь покойникам. Еще на ум приходит вариант «выжить и помочь родственникам умерших», но я от всей души не советую это делать. Нет, не выживать, а знакомиться с их родней.

— Почему? — пробормотала удивленно.

Спокойный цинизм и хладнокровие Кляксы вызывали смятение, но при этом действовали на удивление отрезвляюще и благотворно.

— Потому что тогда тебе на самом деле останется только покончить с собой. Каждый из них, глядя на тебя, будет спрашивать себя, небо или, в

худшем случае, тебя, почему выжила ты, а не их родственник. Не думаю, что злоба незнакомых людей и горечь их потери — именно то, чего тебе не хватает в жизни.

— Но как можно с этим жить? — спросила я, все-таки садясь на постели.

— Никак. Либо привыкнуть и смириться, — пожал плечами Клякса. Он сидел в кресле с неизменным пакетом какого-то напитка в руке. — Человек или пластично подстраивается под обстоятельства, или ломается — третьего не дано. Впрочем, некоторые живут, сломавшись, но это весьма жалкое зрелище, я бы в таком случае предложил самоубийство. Агония — это грязно и противно.

— Ты очень жестокий человек, — тихо заметила я, на что мужчина усмехнулся.

— Я профессиональный убийца. И, строго говоря, уже не человек.

— Клякса, зачем вы это делаете? Зачем вы убиваете людей, зачем захватываете корабли? Неужели все это — ради денег?! — спросила устало, не рассчитывая на ответ.

— Вин! Нет, это все ради искусства, а деньги мы отдаем сиротским приютам, — с сарказмом отозвался он. Потом пару мгновений помолчал и заметил: — А вообще, по-разному бывает. Кому-то правда хочется легких денег, кому-то такая жизнь нравится, кто-то просто не знает другой.

— А ты? — вырвалось у меня.

— Сначала тоже денег хотел, а потом стало поздно что-то менять. Когда в этом увязнешь, пути назад уже нет, — невозмутимо ответил он. — Тоже поначалу совесть беспокоила, а потом мы столковались, и больше она не мешает спокойно жить. Ладно, вы с совестью договаривайтесь, а я лучше умоюсь. Надеюсь, договоритесь: сегодня ты проснулась удивительно вовремя, а вот подниматься среди ночи из-за такой ерунды мне совсем не хочется.

Он ушел, а я опять упала на постель, вперила в потолок неподвижный взгляд. Было горько и гадко от невозможности разрешить это противоречие. Мне не хотелось привыкать, не хотелось договариваться с собственной совестью, не хотелось становиться таким же чудовищем, как окружающие. Но еще больше мне не хотелось умирать...

Глеб Жаров (Клякса)

Трагичный настрой моего дорогостоящего приобретения быстро прошел, девчонка вскоре взяла себя в руки. Надолго или нет — понятия не

имею, но наблюдать со стороны процесс привыкания было познавательно. Хотя ощущения этому сопутствовали своеобразные: легкая грусть, досада, вялый отсвет азарта и любопытство, подзуживающее подтолкнуть ситуацию и проверить, насколько низко способна пасть эта милая доверчивая девочка. Впрочем, последнюю мысль я от себя гнал: не настолько мне скучно, чтобы лишать Алису шанса вернуться домой.

Или во мне говорил инстинкт самосохранения, не позволявший утратить остатки порядочности? Оглядываясь назад, я понимал, насколько сильно изменился за эти годы — так ни одна операция не заставит, — и не желал того же домашней девочке, сбежавшей с родной планеты от гнета отеческой любви. Уже хотя бы потому, что для меня все это было осознанным выбором и дорогой к поставленной цели, а ей просто не повезло.

Утро прошло тихо. Я уступил терминал пытающейся отвлечься от своих переживаний Алисе, а сам подключился к тому же аппарату через чип в голове. Если привыкнуть и отбросить мое недоверие к технике, имеющей доступ к незащитным мозгам, весьма удобная штука. Хотя это был вынужденный компромисс с собой: не хотелось позволять вскрывать себе череп, но не факт, что без этого приборчика в голове я дожил бы до сегодняшнего дня. Он помогал мозгу контролировать измененный организм, страховал в случае конфликтов и не был просто дорогой игрушкой, обеспечивающей прямую связь с инфосетью. Впрочем, чип до сих пор не прожег мне череп насквозь, так что, наверное, никаких скрытых функций не имел.

Когда я собрался на тренировку, Алиса высказала пожелание в этот раз на ней поприсутствовать. Видимо, вчера совсем заскучала в одиночестве. Всю дорогу девчонка жалась ко мне, вздрагивала от каждого шороха и порывалась схватить меня за локоть, но в последний момент себя одергивала. Справилась она с этим желанием даже тогда, когда попавшийся навстречу старший механик Сопля отпустил пару пошлых шуточек и проводил девушку сальным взглядом. Даже попыталась изобразить отстраненное холодное равнодушие, хотя страх никуда не делся.

Зур и Сопля — самые преданные шестерки Серого на корабле и одновременно самые мерзкие, тошнотные душонки в экипаже. Есть более жестокие люди, есть старпом — полный отморозок и садист, но ни от кого из них так не разит тухлятиной, не остается такого дрянного, навязчивого привкуса на языке, что хочется долго и тщательно чистить зубы. Дружбой и личными симпатиями у этой троицы близко не пахнет: Серый презирает своих «друзей», Сопля боится и ненавидит, а Зур завидует капитану и

вымещает это на старшем механике, шпыняя по мере сил. Они явно накрепко повязаны чем-то значимым. Не исключено, что связаны именно «Ветреницей».

Задумавшись, я машинально пропустил Алису в тренировочный зал первой. Она, видимо тоже по инерции, смело шагнула внутрь. А через мгновение, взвизгнув, шарахнулась назад так, что чуть не смела меня в проходе, я едва успел перехватить девушку за плечи. Напрасно.

Причитая что-то вроде: «Ой, фу-фу-фу, убери его!» — Алиса изо всех сил вцепилась в меня. Кажется, пыталась ухватиться за комбинезон, но плотная эластичная ткань поддалась только вместе с кожей. Пальцы у девчонки оказались очень цепкими и неожиданно сильными, впились так, что подумалось: останутся дырки. На комбезе или на мне — это уже как повезет.

Ладони я разжал скорее от неожиданности, чем от боли. Алиса, кажется, не обрадовалась полученной свободе, тут же крепко обхватила меня за пояс, прижалась сбоку всем телом и спрятала голову под мышкой. Сладковато-острый резкий привкус чужого страха возник у корня языка и потек по горлу. Захотелось поскорее запить его чем-то теплым.

Я замер в замешательстве, неловко растопырив руки, и заглянул в открытый проем. Встретился с изумленным взглядом Шона. Даже непрошибаемый Таймар казался удивленным, а тексанин чуть вытянулся, отчего силуэт стал слегка непропорциональным и «кожа» его пошла волнами — явный признак интереса.

— Вы чем тут занимаетесь? — спросил растерянно у абордажников.

— Веришь, вот именно сейчас вообще ничего не делали! — за всех ответил Шон.

— Нерациональная реакция, — поддержал его Югер.

Я еще раз обвел их озадаченным взглядом, одной рукой слегка приподнял Алису за талию и шагнул в помещение, позволив двери закрыться: не хватало еще, чтобы происходящее привлекло внимание посторонних.

Вот только реакция рыжей оказалась еще более неожиданной. Перестав доставать ногами до пола, девушка обхватила ими меня. Да еще так крепко, откуда только силы взялись! Нести ее, конечно, так было удобнее, но...

Шон отвернулся, обеими руками закрыв лицо и побулькивая от едва сдерживаемого смеха. Даже вериец мелко задрожал педипальпами — тоже, считай, захихикал.

— Алиса, ты хорошо понимаешь, что делаешь? — осторожно спросил

я, не предпринимая попыток отодрать от себя эту лиану.

Девушка что-то невнятно прогудела мне в подмышку. В это время она начала потихоньку сползать по скользкой ткани тренировочного комбинезона и, пытаясь ухватиться покрепче, опять впилась в меня пальцами. У нее точно нет когтей?

Сначала я хотел терпеливо дожидаться, пока Алиса сползет на пол — глядишь, ее это хоть немного отрезвит. Но потом сообразил, что в таком состоянии подобные мелочи девушку не остановят и точно так же она продолжит цепляться за мои ноги, отчего безумие ситуации только усугубится. Поэтому я аккуратно придержал соскальзывающую «добычу» под бедра.

Вин!

— Алиса, ну какого?.. Вот и что ты мне предлагаешь сейчас сделать? — мрачно спросил я не столько у своей абордажной доли, сколько у окружающего пространства. Нелепость происходящего и смешила, и злила одновременно.

— У нас в таких случаях пользуются транквилизаторами, — отозвалось пространство голосом Югера. — Например, когда детеньши проявляют агрессию или во время циклических приступов бешенства у самок.

— Хорошая идея, — тяжело вздохнул я в ответ. — Только у вас нужное вещество само вырабатывается, кусанул — и готово, а тут...

— Ну не скажи, — поддержал ксеноса радостно ухмыляющийся Шон. — Там попробуй кусани для начала, без кусалок останешься и чего-нибудь еще нужного! Жизни, например.

— Мы цивилизованные существа, — возразил Югер. — С момента обретения разума не было ни одного случая летального исхода при контактах с самками, а транквилизатор применяется для их же пользы. Нестабильность психики любой личности доставляет проблемы в первую очередь ей самой.

— В любом случае ничего подходящего на этом корабле нет, — проворчал я. — Из всей фармацевтики только наркоту можно достать без проблем. Вин! Алиса, если ты не возьмешь себя в руки, мне придется принять меры. Если я тебя оглушу, тебе вряд ли это понравится!

Она не отреагировала, словно вовсе не услышала, а у меня от привкуса ее страха уже начало неметь горло. Противное ощущение.

— Помочь? — подал голос Таймар.

— Чем? — на всякий случай уточнил я, а то с него станется.

— Транквилизатором, — пояснил илиец. Мгновенно приблизился и, не

дожидаясь моего ответа, надавил на какую-то точку на шее Алисы. Мгновение, другое — и девушка обмякла, я едва успел перехватить ее поудобнее.

— Спасибо, — сказал прочувствованно, укладывая Алису на пол в углу зала. — Знать бы еще, что ее до такой степени испугало!

ГЛАВА 4, в которой Алиса заводит новые знакомства

— Вообще я никому и ничему не верю.
— Нет, не может этого быть. У вас такой
здоровый цвет лица, такие живые глаза.
Не верить ничему — да ведь это смерть!

Евгений Шварц. Тень

Алиса Лесина

Очнувшись, я некоторое время лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, где нахожусь.

Под спиной было что-то жесткое, но это единственное, что доставляло неудобство. Одежда осталась на мне, ничего не болело, разве что саднили кончики пальцев. Все это помогло сохранить спокойствие. Где-то совсем рядом раздавались резкие бессвязные возгласы и другие совсем уж непонятные звуки, однако они явно не имели ко мне отношения, и пока я решила их игнорировать.

Тем более что через пару мгновений вспомнились события, предварявшие забытье, и меня накрыло смесью пережитого панического ужаса и стыда — за то, как висела на Кляксе и как умудрилась грохнуться в обморок от страха. Некоторое время я тонула в этих ощущениях, а потом все же заставила себя открыть глаза, сесть и осмотреться.

Решимости хватило ненадолго, потому что взгляд сразу наткнулся на причину недавней паники: огромную зеленую мохнатую смесь гусеницы с пауком. Но на этот раз я хоть немного была готова, поэтому лишь судорожно вздохнула, начала медленно отползать, пока не уткнулась спиной в ближайший угол. Там сжалась, обхватив руками колени и бдительно следя за стремительными движениями длинных черных глянцево блестящих ног.

Новый приступ страха оказался не столь сокрушительным, я даже сумела припомнить, что это чудовище на самом деле представитель дружественного разумного вида. Слегка полегчало. Ровно настолько, чтобы

на пару мгновений отвлечься от наблюдения за опасной тварью и оценить происходящее. После этого прежние чувства поутихли и разбавились новыми — удивлением, любопытством, даже восторгом.

Кажется, это был тренировочный бой. Двое против двоих — Клякса и тот угрюмый здоровяк, который вынес меня с грузовика, против паука и гибкого жилистого шатена. Чуть в стороне сидел еще один зритель, невысокий плюгавый человечек с лысой шишковатой головой, который выглядел равнодушным и вроде бы совсем не следил за происходящим, пялясь в потолок.

Паук дрался страшно. Приподнявшись на четырех широко расставленных лапах, двумя наносил стремительные и, наверное, убийственные удары. Однако люди, как ни странно, противостояли ему уверенно, двигались с запредельной точностью и ловкостью — никогда бы не подумала, что такое возможно. И при взгляде на двух мужчин в облегающих тренировочных костюмах я стала бояться ксеноса меньше.

Особенно впечатлял «мой» пират. Да, его партнер тоже был хорош, но он-то выглядел человеком и двигался как человек — скорее всего, не измененный, как подумалось вначале, а киборг. А вот движения Кляксы завораживали. Прозвище очень подходило ему и в этом смысле: размытый от скорости черный силуэт, плавность жестов и текучесть поз — смертоносное совершенство. Несмотря на все побочные эффекты, которые наверняка существовали, Клякса являлся произведением искусства. Кто бы его ни создал, он был гением...

Мое пробуждение, наверное, заметили быстро, только прерывать бой не стали. За следующий час или даже больше я вполне могла бы заскучать, но так и неушедший страх не позволял расслабиться. Гигантский паук примелькался, и через некоторое время я пришла к выводу, что он не такой мерзкий, как земные насекомые: и мех похож на нормальный звериный, и расцветка веселенькая. Но вот ноги, морда... В общем, я с нетерпением ждала, когда тренировка наконец завершится и можно будет вернуться в каюту. Сделать это самостоятельно мешала боязнь встречи с кем-то из местных обитателей, которая была сейчас сильнее старой фобии.

Когда Клякса и остальные двинулись ко мне, я поспешила подняться на ноги, чтобы встретить опасность «во всеоружии». То есть, в моем случае, подготовившись бежать.

По мере приближения паука сердцебиение учащалось, к горлу подкатил ком. Я постаралась сосредоточиться на дыхании, а руки сами собой судорожно стиснули воротник комбинезона, инстинктивно пытаюсь прикрыть горло.

— Что это было? — спросил Клякса задумчиво. Потом добавил, разглядывая меня: — И есть.

Проследил за взглядом, направленным на верийца, нахмурился.

— П-просто п-пауков б-боюсь, — прозаикалась я.

— Вин! — ругнулся пират, явно в последний момент заменив словцо покрепче. — Да тебя легче пристрелить, чем возиться!

Я торопливо закивала: сейчас подобная участь не казалась такой уж ужасной. А если этот вериец подойдет ближе, я точно посчитаю ее лучшим и единственным выходом!

Паук на самом деле шагнул, вот только, на удивление, от меня. Два раза переставил длинные суставчатые ноги — и оказался где-то в десятке метров.

— Какая занятная самочка, — прощелкал он, причем в голосе слышалось веселье и даже сочувствие. — У моих сородичей тоже такое бывает.

— Какое — такое? — полюбопытствовал шатен.

— Беспричинный страх, вызванный особями вашего вида, — пояснил вериец. — Забавно. Все-таки мы очень похожи.

— Ладно, хватит болтать. Пойдем, катастрофа, — проворчал Клякса, протягивая мне руку.

Я тут же за нее ухватилась, шагнула ближе, с трудом подавив желание прижаться к своему спасителю. Когда он был рядом, я не так боялась: наверное, просыпались какие-то дремучие инстинкты, признававшие в этом мужчине защитника. И на то, что рядом со мной жестокий убийца, мне сейчас было плевать. Даже наоборот, это хорошо: он наверняка справится с пауком, если вдруг что-то произойдет.

До каюты мы добрались быстро и молча, только там я наконец сумела вздохнуть свободно и первым делом смущенно проговорила:

— Прости, пожалуйста, я не хотела!

— Не хотела чего? — мрачно уточнил мужчина.

— Вешаться на тебя. Ну, то есть вот так себя вести. Если бы я знала, что он там, может быть, не так остро отреагировала бы, но эффект неожиданности... — Опустив взгляд, я виновато развела руками. Хотя в возможность собственного спокойствия при первой встрече с этим сама не верила.

— Вин! — Пират шумно вздохнул. — Объясни мне, женщина, почему я до сих пор с тобой вожусь?!

Я благоразумно промолчала, скромно сцепив перед собой руки в замок и всем видом изображая раскаяние. Выдвигать предположение о том, что

он на самом деле добрый, а вот эта агрессия — маска, я, конечно, не стала: даже на мой взгляд, это походило на бред, а его такое заявление могло разозлить еще больше.

— Молчишь? Вот и я не знаю, — проворчал Клякса. — Почему ты от этого не вылечилась? Что, на Земле перевелись психиатры с психоаналитиками?!

— Нет. — Я качнула головой и призналась: — Боялась. С отметкой от психоаналитика могли не взять на «дикую» специальность, я не хотела рисковать, а на анонимное лечение тогда не было денег.

— Ой, дура! — протянул пират устало, прикрыв ладонью лицо.

— Ну, это давно, при поступлении было, — спорить я не стала, тем более что и сама не считала этот свой поступок особенно умным. — А потом уже стыдно стало признаваться, что я эту проблему утаила. В общем, как-то так и вышло...

— А твои строгие братья вместе с папашей не догадались дочку вылечить?

— Так они не знали. — Я развела руками, мельком глянула на мужчину и перевела дух. Клякса выглядел самую малость раздосадованным и явно не сердился.

— Как это? — опешил он. — Контролируя тебя во всем, они даже не знали о фобии?!

— Пауки не пытались ухаживать за мной в институте, — мрачно пошутила я.

— Вин, ну и семейка. Ладно, возьми мне что-нибудь поесть, я в душ, — бросил Клякса и скрылся за дверцей в санузел.

Я же, окончательно поверив, что моя истерика не возымела необратимых последствий, послушно отправилась накрывать на стол. Конечно, при наличии синтезатора это невеликое достижение, но другого способа отплатить за доброе отношение прямо сейчас я не видела. А поблагодарить стоило, хоть как-то, потому что...

Да, с одной стороны, я вроде бы ничего предосудительного не сделала: ну подумаешь, попыталась спрятаться на этом мужчине от опасности. Да, это была истерика, я не дурачилась, а просто не могла себя контролировать. Но большинству мужчин (да и, прямо скажем, женщин тоже) женские истерики противны, и если от человека родного и близкого можно ждать снисходительности, то Клякса — не мой друг или товарищ по учебе. Он даже не случайный знакомый, он преступник, пират, человек жесткий, лишенный сентиментальности. Скорее стоило ожидать, что он оттолкнет, ударит — не обязательно сильно, просто отвесит отрезвляющую оплеуху

или хотя бы встряхнет. Да все мои мужчины — и отец, и братья — в сходной ситуации поступили бы именно так! Может, это было бы верным решением: да, неприятно, даже больно, но зато приводит в чувство.

Однако ничего подобного Клякса не сделал, он вообще не попытался применить ко мне силу. Это было странно, неожиданно, но — приятно и достойно искренней благодарности.

Мужчина вскоре вышел в уже привычных легких штанах, глянул на сервированный стол, потом на меня. Ухмыльнулся весело, но промолчал и устроился в кресле.

— Это ты на тренировке так? — вырвалось у меня при виде цепочки небольших синяков у Кляксы под лопаткой.

— Что — на тренировке? — уточнил он.

— Ну, у тебя там синяки... — Я попыталась показать на себе, где именно.

Клякса сначала нахмурился в замешательстве, а потом просветлел и бросил на меня до крайности ехидный взгляд.

— Представь себе, нет, это случилось чуть раньше, — весело ответил мужчина. — Ты, оказывается, страшная женщина, мою шкуру не так-то просто повредить.

— Это что, я?.. — сообразила с опозданием и тут же почувствовала себя круглой душой. — Прости, пожалуйста!

— Посмотрим на твое поведение, — отмахнулся он с улыбкой, потом добавил спокойно: — Да не дергайся, я не злюсь. Лучше присоединяйся.

Глеб Жаров (Клякса)

Пять суток полета до очистной станции прошли спокойно. Я бы сказал, даже скучно, но будни приятно разнообразила моя абордажная доля. Алиса больше не чудила, как при знакомстве с Югером, и вообще старалась не показывать носа из каюты, но, прожив с ней в одном помещении несколько дней, я понял, зачем люди заводят домашних животных.

Одиночество последних лет я переносил спокойно. Не получал от него удовольствия, но ценил его удобство и пользу. По сути, теперь изменилось не так много: свое прошлое и проблемы я с Алисой не обсуждал, доверял ей не больше, чем абордажникам, и при необходимости избавиться от нее моя рука, наверное, не дрогнула бы. Но все же... все же.

Я уже забыл, когда последний раз спал так спокойно и глубоко, как теперь, прижимая к себе этот живой и беспокойный источник тепла. Наверное, до изменения. А еще странно было обнаружить, что присутствие

постороннего существа на собственной территории и даже в личном пространстве не вызывает тревогу, а доставляет удовольствие. На нее оказалось приятно смотреть. Меня не тяготили ее цвет, вкус и запах, что отличало Алису от большинства окружающих. Не вызывали отторжения и сиюминутные эмоции, подслушанные в результате случайных прикосновений. Во всяком случае, большинство этих эмоций. А встретить в космосе пауков в общем-то достаточно трудно.

Короче, Алиса была почти как Югер, только лучше: моего вида, приятная на вид и достаточно наивная. С ней не приходилось следить за каждым жестом и даже за каждой мыслью, чтобы ненароком не дать пищи для размышлений. Достаточно было просто не болтать лишнего.

Сегодня мне предстояло новое развлечение: выгул Алисы на станции. Требовалось купить что-то из одежды для девушки и медицинское барахло, присосаться к галактической инфосети — поискать хоть что-нибудь про «Тортугу», посетить несколько интересных мест, пополнить запасы вирткино и других материалов, годящихся для убийства времени. И, главное, никуда при этом не вляпаться. Будь я один, последний пункт не вызвал бы вопросов, но девчонка, похоже, отличалась особым везением.

— Готова? — спросил, оглядывая переминающуюся с ноги на ногу Алису. Ответ на свой вопрос я видел: готова она была разве что под кровать забиться, но идти ведь все равно надо.

Девушка нахмурилась, явно подбадривая себя, коротко кивнула. А потом вдруг уставилась на меня с какой-то болезненной надеждой и заговорила неуверенно, робко. Я в первый момент решил, что она все же попросит остаться, но — нет, речь пошла совсем об ином.

— Клякса, а можно... то есть я понимаю, что, наверное, это слишком много и мне не стоит об этом просить, но... не сердись, пожалуйста! В общем... можно мне связаться с домом? — выдохнула Алиса напряженно, словно ожидала удара за эту просьбу. — Я многого не прошу, мне надо просто послать весточку, что жива! Я даже не буду говорить, что случилось. Просто сообщу, что задержалась на планете, и...

— Ты думаешь, сложно отследить, откуда пришло сообщение? — уточнил я, вопросительно вскинув бровь.

— Ну, вряд ли мои родные сумеют как-то использовать эту информацию... То есть, мне кажется, существуют гораздо более простые способы выяснить, что ваш корабль находится именно на этой станции, да?

— Я не об этом. Я о том, что родные вряд ли тебе поверят. Скорее подумают, что ты сбежала или вляпалась в неприятности, — пояснил я, задумчиво разглядывая свое ценное приобретение и прикидывая, как лучше

поступить.

— Ну, можно сказать, что сбежала и прибилась к какому-нибудь кораблю врачом...

— Угу, к бродячему цирку, — закончил я мрачно. — Ладно, сейчас сделаем дела, вернемся на корабль, и я пущу тебя к терминалу, а пока думай, что и как объяснять родным. Мой совет — сказать правду, а там, как знаешь.

— Спасибо! — Радостно взвизгнув, девчонка бросилась мне на шею и стала целовать куда придется. Приходилось почему-то больше в нос. — Ты самый-самый добрый пират в мире! Мне ужасно повезло, что я с тобой встретилась! Спасибо тебе большое!

Я только усмехнулся в ответ и аккуратно придержал сползающую Алису под мышки. Указывать ей на логические противоречия в высказанных восторгах не стал: пусть радуется, мне-то это только на руку. К тому же происходящее было приятно — и вкус непривычно теплых и искренних эмоций, и близость гибкого стройного тела.

Когда запал восторгов и проявлений нежности иссяк, девушка сама схватила меня под локоть и потянула к выходу. Легкому разочарованию, испытанному в этот момент, я не удивился.

Стоило нам оказаться в коридоре, и решимости у Алисы заметно поубавилось. Я аккуратно отцепил руку девушки и крепко сжал ее ладонь: ей разницы никакой, а у меня так, если вдруг что-то случится, больше простора для маневра.

Сразу после стыковки у шлюза возникает небольшой затор: обитатели корабля рвутся размять ноги и хоть немного переменить обстановку. Поскольку толкаться среди товарищей по команде сегодня не хотелось сильнее, чем обычно, с выходом я намеренно задержался, да и разговор с Алисой занял какое-то время. В общем, когда мы пришли на место, у шлюза топтался один Шон.

— Забыл что-то? — уточнил я.

— Ага, своего командира. Решил составить тебе компанию, а заодно прикрыть, — ответил он, с интересом разглядывая Алису. Та отвечала ему настороженным любопытством, точно какой-то мелкий зверек.

Пару мгновений я колебался, решая, что хуже: попытки Шона ухлестывать за моей «добычей» или встреча с неприятностями без прикрытия. Потом уточнил у корабля наше местоположение и предпочел потерпеть брачные игры абордажника, даже поблагодарил его за самоотверженность: на «Зее-17» ради прикрытого тыла можно перетерпеть многое.

Я плохо разбираюсь в технике, но все мы проходим в школе основы гиперпрыжков. За давностью лет подробностей уже не припомнить, да и школяром я был не самым старательным, но в общем это выглядит так. Основным рабочим телом гиперпрыжковых двигателей являются пластинки из космолита — минерала сложного состава, впервые обнаруженного людьми в остатках метеорита, тщательно изученного и потом искусственно синтезированного. Минерал этот при определенном электромагнитном воздействии способен изменять плотность поля времени — собственную и близлежащих тел. Как известно, при соприкосновении двух полей времени с разной плотностью движение происходит от большей к меньшей, а у космолита эта величина при определенных условиях стремится к бесконечности, и его буквально выдавливает из точки изначального местонахождения мощным пространственно-временным искажением. Именно это явление называется гиперпрыжком — переходом в другую систему координат, в сверхпространство. Потом воздействие на космолит снимается, и корабль выныривает в окрестностях нужной планеты на ее высокой орбите, причем случаев столкновения кораблей с другими кораблями и с любыми телами на орбитах история не знает.

Парадоксально, но течение времени внутри корабля и в исходном, «реальном» мире при этом остается параллельным, только сам момент прокола съедает около часа внутреннего времени, так что все часы на корабле после прыжка отстают.

После прыжка космолитовые пластины... По-умному это называется «гиперпространственным искажением какой-то там структуры чего-то», но среди нормальных людей прижилось банальное «пачкаются», а процесс приведения в порядок «погнутой» структуры именуют «очисткой». Пластины выдерживают достаточно большое, но конечное число циклов — это если говорить о минерале природного происхождения. Синтетический космолит на несколько порядков уступает своему природному собрату в надежности и стабильности, двигатели на нем часто дают фатальные сбои, поэтому природный минерал, который на Земле не встречается, да и вообще очень редко попадает на планетах земного класса (Роолито, с которой летела Алиса, — это удивительное исключение), активно добывается и стоит огромных денег. А искусственный аналог, тоже производимый весьма активно и в больших количествах, применяется в устройствах передачи информации на дальние расстояния через все то же гиперпространство. Из таких информационных узлов и передатчиков и состоит галактическая инфосеть.

Именно процесс загрязнения космолита ограничивает дальность

гиперпрыжка. Путешественникам приходится возвращаться «в реальность» и приводить в порядок свои двигатели, если они не хотят пропасть без вести где-то на просторах космоса.

Очистные станции, которые при помощи энергии звезды каким-то хитрым образом опять заставляют космолит работать, разбросаны по галактике весьма щедро и отличаются исключительным разнообразием. Существуют надежные, постоянные, охраняемые маршруты, проложенные Солнечной империей и другими богатыми государствами, и так называемые легальные станции, соблюдающие нормы галактического права. Но нашему брату на такие перевалочные пункты путь, конечно, заказан, поэтому приходится пользоваться услугами частных.

Они тоже бывают разные. Есть разбитые и задрипанные, которых «не обижают» из жалости и понимания, что поиметь с них нечего. Есть средние, находящиеся «под опекой» различных влиятельных группировок и солидных экономических сил. Есть огромные и куда более роскошные, нежели официальные, их никто не рискует трогать из чувства самосохранения.

А есть такие, как «Зея-17». Редкостная клоака, средоточие многочисленных плотских удовольствий, которые человечество изобрело за годы своего существования, запрещенных в большинстве обитаемых миров. Любые наркотики, любые формы разврата — даже в наш век виртуальной реальности «живые» наслаждения продолжают пользоваться спросом. Здесь царят анархия и право сильного, здесь могут убить за просто так — если ты не убьешь первым.

Понятно, почему Серый выбрал именно это место: его банде нужно спустить пар, они почти месяц^[6] не расслаблялись, готовясь к последнему рейду.

Впрочем, нельзя сказать, что здесь можно получить заряд плазмы в лоб, едва покинув корабль. Какими бы уродами ни были местные обитатели, а постоянно драться никто не любит, и обычно у драки все-таки имеется причина. Но проблема в том, что тут не любят лично меня: именно здесь я начал свой пиратский путь и за ту пару месяцев, которые безвылазно проторчал на «Зее», очумелый и шальной после изменения, успел нажить себе врагов. И история, подарившая мне кличку, произошла именно здесь, хуже того, с одним из местных уроженцев. Меня тут ждали неприятности, а уж в компании Алисы...

Впрочем, я не бывал тут давно, старые «приятели» могли навсегда покинуть нашу реальность, а я за прошедшие годы заматерел, пообтерся в новой среде, разобрался с особенностями измененного тела и научился

преподносить себя так, чтобы никто не пытался задирать, так что шансы проскочить сильно отличались от нуля.

Как в том анекдоте, пятьдесят на пятьдесят: либо повезет, либо нет.

Выглядела «Зея-17» безлико и малость обшарпанно, как и подавляющее большинство подобных станций. Безвкусный сухой воздух, неширокие коридоры с тусклым освещением. Стыковочная техническая палуба, к каким швартовались корабли для очистки и загрузки, находилась в стороне, а к пассажирскому шлюзу подводилась длинная узкая кишка трапа, заканчивающаяся небольшой комнаткой. Гравитации здесь не было: хозяева станции сэкономили.

Я дотянулся до поручня, толкнул себя в изгибающийся блестящий желоб. Ткнулся плечом в гладкую стенку и по инерции заскользил дальше, то и дело оглядываясь: следом плыла Алиса. Впрочем, девушка не только не паниковала, подобный переход доставлял ей искреннее удовольствие. Физиономия буквально светилась от восторга, а поднявшиеся в невесомости рыжие и ядовито-зеленые пряди окутывали девичью мордашу ярким облаком. Выглядело потешно.

Да уж. С современными технологиями можно жизнь прожить в космосе, ни разу не ощутив невесомости.

— Осторожно, — предупредил я и кивнул на сигнальную метку. — Сейчас будет нарастать гравитация. Когда появится пол, прикрой ненадолго глаза, так проще перестроиться. И держись за сетку.

Крупноячеистая сетка из толстых нитей окутывала стены специально для неопытных путешественников: при низкой гравитации сложно правильно рассчитывать силу, которую вкладываешь в каждое движение, и ничего не стоит, сделав очередной шаг, нечаянно врезаться головой в потолок. Нынешним хозяевам станции, конечно, было наплевать на удобство прибывающих, но любой стандартный проект учитывает основные галактические нормы безопасности, и ни один производитель не станет пересматривать его вот в таких мелочах.

Через пару метров одна стена притянула нас к себе, мир совершил кульбит, закружилась голова — вестибулярному аппарату нужно некоторое время, чтобы привыкнуть.

Алиса порадовалась тем, что не просто услышала рекомендации, но аккуратно их выполнила. Правда, запуталась в сетке, начала барахтаться, один раз чуть не упала, но все же самостоятельно преодолела пару метров перехода.

— Какие у нас планы? — бодро спросил Шон, который двигался замыкающим.

— Попробуем найти медикаменты и медицинское оборудование, — начал я с главного. — Никогда не задавался вопросом, есть ли здесь что-то подобное. А ты точно не хочешь расслабиться и отдохнуть?

— А я не напрягаюсь, — фыркнул он, озираясь с интересом. — Знаешь эту станцию?

— Бывал, — ответил я расплывчато. — «Зея» создана для развлечений, только они здесь специфические. Имею в виду, что насладиться оперой точно не получится.

— А ею в принципе можно наслаждаться? — рассмеялся Шон. — По-моему, это разновидность пытки, а не развлечение. Ав-ву-у-у-у! — взвыл он проникновенно, состроив восхищенную физиономию.

Алиса прыснула от смеха, прикрыла ладонью рот, но тут же виновато покосилась на меня. Кажется, решила, что подобное замечание может меня задеть: уж с моей любимой музыкой она имела возможность познакомиться.

— А ты что, слушал? — искренне удивился я заявлению абордажника. Он совсем не тянул на знатока высокого искусства.

— Было дело, — неожиданно признался приятель. — Давно. Завелась у меня баба... то есть, простите, девушка, на этом вот всем повернутая, в театре работала. Я даже с ней иногда всякие такие культурные мероприятия посещал. Балет еще ничего, особенно пара лебедей там была... ух какая, так бы и... познакомился. А под эти вопли только спать остается, потому что смотреть там не на что.

— Из-за разных взглядов на искусство вы и расстались? — поинтересовался я для поддержания разговора.

— Да плевать на искусство, я же не храпел. Из-за лебедей, — оскалился Шон.

— Это как? — полюбопытствовала Алиса. На абордажника она поглядывала уже безо всякого опасения.

— Полагаю, он все-таки изыскал возможность с ними познакомиться, — ответил я со смешком.

— Ну да. Собственно, во время близкого знакомства она нас и обнаружила, — пожал плечами мужчина. — Зараза, все удовольствие испортила и девчонкам, и мне.

За этим разговором мы миновали стыковочную палубу, где царила деловитая суета — автоматика занималась очисткой, а процесс это долгий и кропотливый. Дальше, после еще нескольких почти пустых переходов и палуб, началась собственно станция.

«Зея-17» построена по стандартному, самому дешевому из

существующих проекту и частично надстроена новыми хозяевами. За подобное империя делает серьезные винушения финансового характера — лишает лицензии, впаивает солидный штраф, а то и реальный срок, — но в таких вот анархических местах такая практика распространена, отчего часты аварии и мелкие чрезвычайные ситуации, а жизненные условия «новых» секторов далеки от нормальных. Но тут, как и везде: бедные выживают, а богатые не замечают неудобств.

И старые, и новые части станции выглядели примерно одинаково: небольшие модули-соты, разделенные герметичными переборками, собирались в сектора-ульи, каждый из которых был в известной степени автономным. Капитан «Ветреницы» пользовался уважением, да и сам корабль сложно было назвать дырявой посудиной, так что нам дали стыковочную палубу в «старой», элитной части «Зеи». Убогость и обшарпанность здесь почти такая же, никаких претензий на шик, но по крайней мере минимален риск схлопотать чрезмерную дозу радиации.

С палубы мы вышли в узел — сердце стыковочного сектора, единственное относительно просторное помещение, представляющее собой зал ожидания. На ухоженных станциях тут можно встретить улыбчивых служащих, несколько информационных стоек, несколько торговых автоматов — и все. На «Зее-17» любое достаточно посещаемое место использовалось на всю катушку. Прямо здесь продавали какую-то еду, к проходящим липли сутенеры, открыто предлагали наркотики, воздух пестрел рекламными голограммами самого широкого спектра — от объемных цветных символов на разных языках до сценок из жизни увеселительных заведений.

Ценный приборчик в голове тут же пожаловался, что его пытаются взломать, а потом вовсе завис от количества посыпавшейся рекламы, и у меня перед глазами поплыли цветные круги и пятна. Пестрая круговерть разбудила одно желание — жажду крови, так что пришлось на пару секунд остановиться и, подправив настройки, напрочь отрубить связной модуль.

— ...Клякса, ты чего?

Встревоженный голос и испуганный взгляд Алисы оказались первым, что я обнаружил в реальности. Девушка свободной рукой трясла меня за плечо и то и дело затравленно озиралась. Рядом обнаружился Шон, который меня не трогал, но цепким взглядом обводил пространство, контролируя обстановку.

— Все в порядке, мелкие программные сбои, — отмахнулся я, часто поморгал и на мгновение крепко зажмурился.

— Я иногда сомневаюсь, кто из вас в большей степени нечеловек —

ты или Таймар, — проворчал Шон.

— Откуда сомнения? Конечно, я, — усмехнулся в ответ.

— Точно все в порядке? — жалобно спросила Алиса, не выпуская моего локтя и прижимаясь покрепче — насколько это получалось на ходу.

— Да все нормально. Забили информационный канал спамом, — пояснил я и вновь взял девушку за руку. — Надо было сразу отключить внешнюю связь, я обычно так и делаю перед выходом с корабля, а сейчас вот забыл. Не понимаю, как люди себе эту дрянь добровольно в мозги запихивают. Идиотское ощущение...

— А ты не добровольно? — тут же ухватилась Алиса.

— А у меня особого выбора не было, — отозвался спокойно. — Это подстраховка для нормальной работы измененного организма.

К такому интересу я давно привык и не обращал на него внимания. Все, так или иначе попадавшие в круг моего общения рано или поздно задавались вопросом, как я при такой нелюбви к виртуалу и кибернетизации организма согласился на вживление.

— Мальчики, не желаете развлечься? — на нашем пути возникла парочка девиц кукольного вида — не то хороший грим, не то результат операции. Не андройды, живые шлюхи. Одна уцепила за локоть Шона, вторая положила ладони мне на грудь.

Алиса дернулась от неожиданности и, рефлекторно спрятавшись за мое плечо, вцепилась в локоть, хотя вызвали ее опасение, кажется, не девицы, а маячивший за их спиной рослый старый киборг. «Старый» в смысле модели искусственных частей тела: грубые железные штуркувины вместо конечностей, примитивные и дешевые, которые, конечно, облегчали жизнь, потому что с любыми ногами лучше, чем вообще без них, но качество такой жизни оставляло желать лучшего. Мой протез, например, в полной мере передавал даже тактильные ощущения, причем порой казалось, что точнее живой руки, а тут... Небось, где-то здесь его и резали или в местечке похуже: в цивилизованных мирах подобный металлолом уже лет сто не используют. Неудивительно, что морда у него такая угрюмая.

— Не желаем, — коротко ответил я, брезгливо, но аккуратно прихватил девку за горло и отодвинул на расстояние вытянутой руки. Глядел при этом не на нее, а на киборга.

— Давай не будем создавать друг другу проблемы на ровном месте, — сказал ему же Шон, выразительно накрыв ладонью кобуру на бедре. — На агрессивную рекламу мы отвечаем не менее агрессивно.

— Извините, девочки попутали, — не стал заводиться сутенер — или

охранник?

— Вы нам понравились, мальчики, — проворковала та, что липла к Шону, и попыталась погладить мужчину по щеке. Абордажник перехватил ладонь и коротко, веско уронил:

— Сломаю.

Больше предлагать нам развлечения никто не рискнул, да и этот прицепился невесть зачем. Обычно тут хорошо чувят потенциальных клиентов и не напрашиваются, а то мало ли кем окажется незнакомец и как себя поведет! Так не только бизнеса — жизни можно лишиться.

— Вы точно пираты? — задумчиво спросила Алиса, когда мы нырнули в проход, оставив позади узловой зал. — Как-то вы совсем не по-пиратски себя ведете...

— А что, надо было согласиться? — фыркнул Шон. — Я тебя умоляю! Этих и трогать-то страшно, а ну как заразные!

— Пираты разные бывают, — ответил я. — Ты по нам всех не меряй. Мы бывшие профи, армейские, это накладывает свой отпечаток.

— А ты тоже ради денег сюда пошел? — Алиса покосилась на Шона.

— В общем, да, хотя началось все с трибунала. Если бы не такая угроза, я бы на прежнем месте прекрасно себя чувствовал.

— Трибунал — за драку? С вышестоящим? — предположила девушка, заинтересованно блеснув глазами.

Мы одновременно хохотнули.

— Какая романтическая девица, — заметил Шон весело. — Я начинаю понимать, почему у тебя на нее рука не поднялась: восхитительная незамутненность! Да нет, за баб и хищение оружия, — это уже было сказано Алисе.

— А как это связано? — озадачилась она.

— Взял на складе несколько стволов, толкнул по сходной цене и спустил все за пару дней, — охотно пояснил абордажник. — Может, и выкрутился бы, но тут как раз проверка явилась... Короче, пришлось с места в гипер сигать с голым задом. Кас, а куда мы вообще-то идем? Ты так уверенно топаешь, игнорируя торговые и информационные терминалы, что я начинаю волноваться.

— К крысу, — отозвался я. — Здесь была пара приличных, думаю, уж они-то за прошедшие годы вряд ли сменили место жительства. Работа спокойная, уважаемая.

— Думаешь, это было не случайно? — нахмурился Шон.

— Пять к одному.

— Вы о чем? — тут же высунулась Алиса.

Все-таки компания этого трепла действовала на нее расхолаживающе. Уже и намека не осталось не только на страх, даже на малейшее опасение!

— Дойдем — увидишь, — отмахнулся я. — Недалеко осталось.

Старые сектора «Зеи-17» я знал неплохо, поэтому сориентироваться не составило труда. Ближайший крыс жил совсем рядом, в месте, которое по здешним меркам вполне можно было назвать «респектабельным». Жилой сектор почти без увеселительных заведений, просторные модули на несколько комнат — не элита, но место для уважаемых людей.

«Крысами» называли тех, кто владел и торговал «чистой» информацией. Компроматом такие обычно брезговали, для этого существовали другие люди, и если делились чем-то «с душком», то очень осторожно и с умом. Скажем, не стоило надеяться, что кто-то из крыс согласится копать в грязном белье хозяина станции, а вот если в их лапы случайно попадет интересный компромат на фигуры удаленные и не обладающие достаточно длинными руками, чтобы свернуть разносчику информации шею, то могли и подыскать покупателя.

Но в основном, конечно, крысиный заработок обеспечивали открытые источники. Редкие и очень умные люди, великолепные — а порой и гениальные! — аналитики, которые буквально жили в инфосети, держали руку на пульсе всех основных течений внутри избранного информационного пространства и ориентировались в нем, как у себя дома.

Альберт Иванович Морецкий — тот крыс, к которому я шел, — отлично разбирался в здешних перипетиях и совсем немного интересовался остальными частями галактики. Изначально-то я планировал посетить другого, чье внимание охватывало почти всю «темную» часть освоенных человеком пространств и касалось преступных сообществ куда более благополучных территорий, однако столкновение в узле заставило изменить планы. Может, я параноик, но та встреча мне категорически не понравилась: нужно быть слепым идиотом, чтобы заподозрить нашу компанию в поиске пары продажных девок, а идиоты здесь не выживают. Глупо не попытаться выяснить причину столь странного столкновения.

Выяснить, а еще провериться. Осторожные крысы обычно держали у себя несколько полезных приборов, способных обнаружить и устранить разнообразные сюрпризы: шпионское оборудование, яды, психотропы и другие мерзкие штуки.

— Ах какие у меня сегодня гости, — разулыбался крыс, когда мы миновали шлюз — надежный, не чета пластиковым дверцам более дешевых модулей — и вошли в приемную. — Глеб Егорыч собственной персоной, да еще с такой дамой!

Дама на этих словах бросила на меня заинтересованно-настороженный взгляд, ожидая реакции. А я усмехнулся в ответ: знакомство с этим типом состоялось еще до получения липучей клички, странно было бы заставлять уважаемого человека переучиваться.

— Здравствуй, Альберт Иванович, — кивнул я. — Погоди, нам бы для начала провериться. А то мало ли какую гадость мы тебе принесли.

— Эх, нет бы старому человеку чего-нибудь приятное принести, а он сразу — гадость. Сюда вот, пожалуйста, в мою газовую камеру. — Он, болтая, жестами пригласил нас в небольшую клетушку площадью меньше квадратного метра с матовыми металлическими стенами и ярким светильником в потолке. — Не бледнейте так, девушка, что же вы такая впечатлительная? И что вы так при мне за этого юношу цепляетесь? Я ревную, так и знайте!

— Не дергайся, у Морецкого просто чувство юмора такое, — пояснил я Алисе, когда за нами закрылась герметичная дверь.

— Прости, — чуть смутилась она. — Просто он выглядит настолько милым, безобидным и обаятельным, что кажется маньяком-убийцей... Ну да, вам-то смешно!

— Он крыс, — весело пояснил Шон. — Это едва ли не самый приличный человек на всей станции, и убивать он точно не станет. Вот еще, руки пачкать!

— Утешил, — проворчала Алиса.

— Крысы — чистоплотные существа, милая девушка, — прозвучал голос Морецкого одновременно с шелестом открываемой двери. — И очень сострадательные, к слову, никогда не бросают своих в беде.

— Простите, — совсем смешалась рыжая. — Я не хотела ничего такого...

— Бросьте, я не в обиде. Лучше проходите все сюда, усаживайтесь поудобнее. В первый момент мне подумалось, что вы — близкая... подруга Глеба или даже коллега, вроде вот этого юноши — космос и не такое видывал. Но теперь чувствую, здесь какая-то более интересная история. Рассказывайте, рассказывайте!

— Давай сначала о деле, — возразил я. — А потом уже историю. В счет оплаты.

— Как можно быть столь меркантильным со старым другом? — возмутился Морецкий.

— То есть ты готов помочь бесплатно? — усмехнулся я. — Брось, Альберт Иванович, хватит паясничать. Девушку ты уже очаровал, поговори теперь со мной.

— Ладно, не сердись, — тут же вернулся к деловому разговору престарелый ловелас. — Рассказывай, что там у тебя?

ГЛАВА 5, в которой Алиса отдыхает в хорошей компании, а Клякса — работает

Людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может.

Никколо Макиавелли. Государь

Алиса Лесина

Обсуждение Кляксой и хозяином квартиры недавнего столкновения повергло меня в замешательство. Как можно было обыденную случайную встречу истолковать подобным образом?! Ладно, истолковать, но угадать?!

Оказалось, что женщины липли к моим спутникам совсем не с той целью, о которой говорили: в местах прикосновения их ладоней на одежде пиратов обнаружилась следящая пыль. Точно определить ее возможности Морецкий не сумел, но Кляксу они особенно не интересовали, ему было гораздо важнее избавиться от «мусора», а с этим крыс справился.

На Альберта Ивановича я продолжала поглядывать с опасением. Конечно, Кас в нем был уверен, но я слишком настроилась на то, что до возвращения домой не встречу ни одного приятного лица, и потому сейчас испытывала затруднения.

Морецкий был человеком весьма высоким и, как нередко случается с людьми такого роста, сутулился. Впрочем, может быть, и почтенный возраст сказывался: белоснежно-седой и отчего-то пренебрегающий косметическими процедурами крыс, видимо, давно уже разменял сотню лет. Хотя держался очень бодро и казался энергичным типом. Он обладал своеобразным обаянием престарелого ловеласа, который отлично помнит, что совсем недавно был грозой женских сердец, однако имеет мужество признать, что те времена безнадежно прошли. Эти манеры прекрасно сочетались с умом и остроумием, и приходилось поминутно напоминать себе, где я нахожусь: слишком легко было почувствовать себя в безопасности.

— Ну так что, ты знаешь, на кого работает этот киборг с

девочками? — поинтересовался Клякса.

— Та еще информация, — пренебрежительно отмахнулся крыс. — Их хозяин — Дрю Олафссон, не знаю, помнишь ты его или нет. У него здесь несколько борделей. Разного уровня, но относительно приличных.

— Припоминаю, — задумчиво кивнул пират. — Но даже примерно не могу представить, что ему от меня могло понадобиться...

— Если мне не изменяет память, он был весьма дружен с Толстым Диком, которого ты... — Крыс замялся, подбирая слова.

— По стенке размазал? — закончил Клякса. — Это кое-что объясняет. Только я все равно не понимаю, что ему могло понадобиться через несколько лет. Неужели они были настолько дружны?

— Не сказал бы. Признаться, я и сам озадачен, — развел руками Морецкий. — Олафссон не отличается чрезмерной мстительностью. Впрочем, ходят слухи, что он планирует расширяться. Может, просто хочет предложить вам работу?

Пираты задумчиво переглянулись, после чего Шон мрачно проговорил:

— Мне уже хочется с ним потолковать и наглядно объяснить собственную жизненную позицию. За одно только предположение, что я вообще могу согласиться на работу в борделе. Даже охранником, не говоря уже о чем-то еще.

— Признаться, никогда не понимал, почему работа охранника в борделе является настолько не уважаемой в ваших кругах, — тонко улыбнулся Морецкий. — Но в любом случае речь не о чем-то подобном. Олафссон где-то добыл неплохой корабль с оружием и набирает сейчас команду. Не то хочет податься в пираты, не то собирается какие-то грузы возить. Насколько знаю, капитана у него до сих пор нет. Полагаю, следилку вам подвесили, чтобы выиграть немного времени и подготовиться к разговору. Это не такая уж редкая практика: позволяет понаблюдать за интересным объектом, оценить реакции. Ну и, учитывая интеллектуальный уровень того киборга, который пасет девочек, ни один разумный человек не доверит ему сколько-нибудь серьезный разговор. Если я что-то понимаю в этой жизни, нам с вами стоит в ближайшем будущем ожидать гонцов от Олафссона.

— Комету ему в задницу с его проверками, — проворчал Клякса. — Только все планы в черную дыру и сплошные траты. Я вообще-то, Альберт Иванович, не к тебе шел, а к твоему коллеге по ремеслу.

— А вот это, Глеб Егорыч, было очень обидно, — назидательно воздев палец, сообщил крыс. — Нехорошо такие вещи людям говорить.

— А что, «Тортуга» теперь попадает в сферу твоих интересов? — Кас вопросительно вскинул брови.

— «Тортуга»? — задумчиво переспросил Морецкий. — А что ты хочешь о ней узнать?

— Все, что возможно.

— Забавно. — Крыс пожевал губами, глядя сквозь пирата. Помолчал. Его не торопили. — Знаешь, я давно уже пришел к мысли, что случайных совпадений не существует. Но все равно каждый раз, когда сначала попадает в руки нечто интересное, а потом приходит человек, ищущий именно эти сведения, я не устаю удивляться. Порой это почти пугает.

— Значит, у тебя есть что-то интересное? — задумчиво уточнил Клякса.

— Полагаю, да. У меня нет в полном смысле информации, но буквально несколько дней назад попала в руки некоторая любопытная сводка статистического характера. Как обычно: могу дать ее, могу дать ее с комментариями, а могу поделиться собственными выводами. Цена разная.

— Начнем с голых фактов, а там посмотрим, — подобрался пират.

— Факты... «Тортуга» появилась тридцать четыре года назад, до этого не найдешь ни единого упоминания о станции. Одновременно с ней появилось предположительно двенадцать кораблей вроде вашей «Ветреницы». Они почти не пересекаются, действуют независимо друг от друга. Однако регулярно, каждый стандартный год, по очереди, один из кораблей отправляется на эту станцию и отсутствует в сводках на протяжении десяти-пятнадцати стандартных суток. Пару раз именно в такие моменты происходила смена капитанов. В одном случае прежний капитан живет и здравствует, в другом — исчез. Также при обеих «кадровых перестановках» исчезла часть команды.

— Какая часть? — уточнил Клякса.

— Не могу выявить закономерность, недостаточно информации. В одном случае несколько механиков, каптенармус и пилот, в другом — старший механик, пара штурманов, пара бойцов. Все люди, ксеносов в тех командах не было.

— Твои выводы? — спросил Кас после короткой паузы. Мы со вторым абордажником притихли, в разговор не лезли, но слушали одинаково жадно.

— Раз в двенадцать лет капитан «невидимки» сдает некий экзамен на право управлять кораблем. Не все справляются. Ответ он держит перед настоящими хозяевами станции, а не перед кучкой пиратов, которая там живет.

— Настоящими хозяевами?

Морецкий еще немного помолчал, собираясь с мыслями, а потом неуверенно пожал плечами и проговорил:

— Я не знаю, кто это. Не стану повторять слухи и сплетни, ты наверняка сам их знаешь. Не стану гадать, чем платят пираты за использование этой техники. Лично я не стал бы совать нос в эти дела: поверьте чутью старого крысы, они очень дурно пахнут. Но вы же молодые, горячие, для вас тихая работа на одном месте — кара хуже смерти.

— Спасибо, — сказал Клякса, не комментируя последнее заявление. — Сколько с меня?

— Прими счет, — коротко ответил крыс и коснулся кончиками пальцев серебристого контакта на виске — части терминала, незамкнутым кольцом охватывающего лоб и скрывающегося под волосами.

Кас на мгновение прикрыл глаза, а Морецкий почти сразу удовлетворенно кивнул и улыбнулся.

— Приятно иметь дело с серьезными людьми. Если найдешь, чем дополнить этот рассказ, могу свести с заинтересованными лицами или выступить посредником в продаже информации, — предупредил он.

— А что, есть покупатели?

— На одну из самых интересных загадок века нетрудно найти покупателей. А почему я уверен, что ты сможешь разжиться чем-то особенным... С одной стороны, ты явно не просто так заинтересовался «Тортугой». Как я понимаю, именно туда вы направляетесь, значит, подошел черед Серого экзаменоваться. А с другой стороны — считай это проявлением крысиного чутья.

— Рад, что ты так в меня веришь, — усмехнулся Клякса. — Посмотрим, что из этого выйдет.

— Кстати, там посетители. По-моему, они ждут тебя, — сменил тему Морецкий.

— Давно ждут?

— Пару минут. Вас проводить через черный ход? — предложил крыс.

— Что, они настолько недружелюбно выглядят? — изумился Кас.

— Строго говоря, он там вообще один и выглядит достаточно миролюбиво, я для красного словца умножил. Но мой долг хозяина велел сделать это предложение. То есть я его впускаю?

Клякса кивнул, и Морецкий отправился встречать гостя.

Миролюбивым посетителем оказался худощавый крепкий мужчина лет пятидесяти с темными, коротко стриженными волосами и исключительно непримечательной внешностью, если не считать особой

приметой внимательный и неподвижный взгляд чуть раскосых глаз, который заставлял вспомнить о змеях. Нет, зрачки у него были обыкновенные, да и цвет радужки — вполне заурядный, карий, только выражение не менялось совершенно, словно круговые мышцы глаз парализовало.

— Здравствуйте, — плавно склонил он голову. — Господин Жаров, с вами желает говорить мой хозяин, господин Олафссон. Мне поручено проводить вас.

— А если я не желаю с ним разговаривать? Или как минимум куда-то идти ради этого, рискуя сунуть голову в ядерный реактор? — спокойно спросил Клякса, поднимаясь навстречу гостю.

То есть не Клякса, а Глеб Егорович Жаров. Ему подходило это имя — короткое, резкое, сухое. Больше, чем пусть и достаточно звучное, но несколько... игривое прозвище: имя было тверже и злей.

— На этот случай у меня есть инструкция, — кивнул посыльный. — Я прошу господина Морецкого быть свидетелем: мой хозяин обязуется не причинять вреда господину Жарову, не задерживать его, не препятствовать его возвращению на корабль тогда, когда он пожелает. Ни самостоятельно, ни при помощи каких-либо средств, включая сторонних лиц. Это просто разговор.

— А что с ними? — спросил Кас, кивнув на нас с Шоном.

— На их счет распоряжений не поступало, лучше, если они останутся здесь.

— Вот еще! — возмутился абордажник. — Раз уж вместе сунулись, вместе и разбираться будем!

— погоди, не мечись, — одернул его Жаров. — Альберт Иванович, не помешают тебе мои спутники? Дашь им приют на пару часов?

— Отчего же не дать, особенно такой очаровательной девушке, — разулыбался хозяин. — Ни о чем не волнуйся. И вы, Алиса, не волнуйтесь, — улыбнулся хозяин уже прицельно мне, заметив, с какой тревогой я проводила взглядом Кляксу. — Сейчас мы будем пить чай с шоколадными конфетами. Вы любите шоколадные конфеты?

Я глубоко вздохнула, когда за «моим» пиратом закрылась дверь, волевым усилием заставила себя собраться и с улыбкой кивнула крысу. Улыбка вышла натянутой, но еще через пару минут, когда мне в руки сунули изящную и, кажется, настоящую глиняную чашку, сумела успокоиться. Ну в самом деле, это даже неприлично — так откровенно цепляться за Каса! Понятно, что мысль остаться без его защиты меня пугала, но надо хоть немного держать себя в руках. Тем более что здесь,

судя по всему, тоже достаточно безопасно, а компанию можно назвать приятной.

Глеб Жаров (Клякса)

Олафссона я помнил: толстый разговорчивый негр с резким голосом и противной манерой коверкать слова. Трусоватый, жадный, он готов был стучать всем на всех, лишь бы за это достаточно платили. От разговора с ним я не ждал ничего хорошего, особенно от разговора, который начался таким образом. Нет, посыльный проявил себя с лучшей стороны, а вот следилка наталкивала на неприятные мысли. Да и обещанию его я не верил.

Скорее всего, целью умной пыли был сбор какой-то информации обо мне и моих контактах на станции — или даже за ее пределами, ведь возможностей шпионской субстанции я не знал. А явление посыльного и приглашение к разговору — уже попытка сделать хорошую мину при плохой игре: когда Олафссон почувал, что его вычислили, а следилку я сбросил, осталось действовать в открытую.

Вообще, конечно, куда проще было распылить на меня аэрозоль или прибегнуть еще к какому-нибудь средству в этом духе, я бы и не заметил, но тут сказывалась еще одна тонкость: за такое здесь обычно убивали. Аэрозоли, дистанционные управляемые микро- и наноботы — на все это очень чутко реагировала защита самой станции, и вот как раз на подобных вещах здешние хозяева не экономили. Просто потому, что такая вольница могла обернуться против них самих:пустишь раз, позволишь кому-то развлечься, а потом не заметишь, как сам окажешься под плотным колпаком имперских или каких-то еще спецслужб.

Так что анархия анархией, а определенные правила поведения и даже почти законы существовали и тут. И соблюдались более ревностно, чем в цивилизованных мирах: там и наказания обычно цивилизованные, а здесь могут кишки на шею намотать.

Олафссон жил неподалеку, в том же секторе, так что идти пришлось недолго. Занимал он несколько модулей, один из которых предназначался для развлечения особо ценных гостей. Во всяком случае, так было раньше.

— Прошу вас сдать оружие, — проговорил сопровождающий, когда мы вошли в... наверное, приемную.

— Может, мне еще и застрелиться? — мрачно спросил я. — Напоминаю, это ему хотелось поговорить, а не мне.

Сопровождающий помялся несколько секунд, а потом вид его сделался

отсутствующим — наверное, обратился к начальству за инструкциями. Я тоже не стал терять время даром: поменял приборчику в мозгах настройки, выводя его в сторожевой режим, и осмотрелся.

Вид помещения имело странный и нелепый. Безликий серый пластик стен, пола и потолка. Встроенные полосы и панели светильников, очевидно, были призваны подчеркнуть крутизну и богатство хозяина. Мебель не то «поддерево», не то по-настоящему деревянная, какие-то ковры — где он их, комету ему в задницу, вообще откопал! — декоративные предметы разных эпох и стилей, начиная с древних бронзовых канделябров и заканчивая неоновой объемной картиной в стиле середины уходящего двадцать третьего века. Логово безумного коллекционера или археолога. Подробности я помнил плохо, но мог поручиться, что за последние шесть лет хлама здесь изрядно прибавилось. Наверное, дела Олафссона и впрямь шли неплохо.

С другой стороны, одно неоспоримое преимущество у такого интерьера имелось: среди хлама можно разместить любые системы безопасности. В стены-то ничего серьезного не спрячешь, они здесь тонкие, а вот за истинное назначение той самой неоновой картины я не поручусь. Так что расставаться с оружием не хотелось совершенно.

— Хозяин согласен. Пусть это будет дополнительным свидетельством его добрых намерений, — нарушил наконец молчание сопровождающий. Юрист он, что ли? Уж очень своеобразно изъясняется. — Прошу следовать за мной.

Дверь обнаружилась за тонким ковром — или это был не ковер? Тьма^[7] его знает! А за дверью, очевидно, рабочий кабинет, который стилем оформления не отличался от предыдущей комнаты.

— Даров, Кляксий! — жизнерадостно осклабился Дрю, заполнявший собой просторное глубокое кресло. За прошедшие годы он совершенно не изменился, только, кажется, еще больше потолстел. — Иди, мы тут сами говорнем пичь,^[8] — махнул он рукой подручному.

— Здравствуй, — кивнул я в ответ, подходя к креслу для посетителей и опираясь на его спинку. Глубокое, закрытое, оно существенно ограничивало поле зрения и не давало простора для маневра, так что усаживаться я не собирался. — Чего ты хотел?

— Ну дык, говорнуть! — развел руками Олафссон. — Плюхай, не сциль.^[9]

— Лучше постою. Давай к делу, — оборвал я раздраженно. Да, он не изменился, только речь стала еще более невнятной.

— Ну, как хошь. Ощим, хочу я копнуть булыганов,^[10] пульку^[11] под это дело годную взял, ща мобилу^[12] найду, и норм.

— Поздравляю, — сказал я, потому что собеседник в этом месте умолк, продолжая ухмыляться и хитро поглядывать в мою сторону. — А чего ты хотел от меня? Что, другого кандидата на капитанскую должность нет?

— Ирпяку^[13] тебе, а не мобилой у меня сцилить! — радостно хохотнул Олафссон. — Я тя по-другому пользоваться хочу. От говорни мне, Кляксявый, шо те Серый наперво отожжет, ежели я ему о твоих хозяевах твикну?^[14] А шефы, ежели им твикнуть, что ты их на булыганы махнул? А? То-то! От и я мыслю, что станешь ты ваще кляксой! — Дрю ослабился совсем уж довольно. — Да ты не сциль, я не жлоб, я ж не Ригель,^[15] на стык^[16] не хочу! — Он расхохотался собственной шутке. — Мне тут твикнули, шо вы к «Тортуге» сцилите, вот я и хочу знать, шо там такое и где там можно булыганов копнуть побольше. Ну шо ты дыришь,^[17] лады али как?

А я разглядывал Олафссона и никак не мог определиться, что с ним делать. В принципе в нынешних обстоятельствах, именно сейчас, когда я получил от Серого интересное предложение, а потом от Морецкого — несколько ценных намеков на причины этого предложения, мне ничего не мешало спокойно согласиться. Олафссон со своим нелепым шантажом, стоит мне добраться до «Тортуги», потеряет всякий смысл: я либо сдохну там, разделив участь капитана-неудачника и других пропавших членов экипажей, либо достигну своей цели.

Не мешало ничего, кроме личного отношения. У меня руки чесались прямо сейчас раз и навсегда заткнуть эту мерзкую рожу, смердящую удушливо-сладкой ацетонистой вонью гнилой дыни.

— А ежели лады, то мы те ща контрольку поставим, шоб наверняка! — добавил Олафссон. На свою голову.

«Контролька» — это такой специальный агент, очередная разновидность «умной пыли». Колония наноботов, которую вводят в кровь и которая ограничивает свободу деятельности объекта. Вариантов масса, от смерти по команде до куда более тонких воздействий. Часто контрольки вводят рабам те, кто может себе это позволить. Хорошо настроенная контрольна способна сделать из человека послушную и весьма исполнительную куклу.

В принципе вычистить ее при необходимости можно, методики есть. Мне даже кажется, что с этим вполне способен справиться тот полезный приборчик, с которым я делю собственную черепную коробку.

Вот только проверять и испытывать судьбу совсем не хотелось. И позволять, чтобы *это* хозяйничало в моем теле.

— Кляксий, хорош дырить! Некада мне тут с тобой, делов на полгалаксии!

Не исключено, что именно эта «галаксия» стала последней каплей. Или все-таки то, что приборчик в голове наконец-то вычислил основные «блестящие точки» комнаты и, главное, расположение в теле Олафссона «информационных пучков» — чипов, способных связаться с инфосетью. Заблокировал их, перегрузил и сделал невозможной отправку каких-либо сообщений. Кроме того, комната была экранирована хозяином от проникновения извне любых информационных полей, и в данном случае это играло мне на руку: если ничто не может попасть внутрь, то и путей наружу немного.

Полезная все-таки игрушка, этот мой сосед по черепной коробке.

Первая пара выстрелов «Фена»^[18] пришлось не в Дрю, а в основной терминал инфосети и терминал охраны, только потом очередь дошла до самого Олафссона.

Сначала выстрел в руку, в один из информационных пучков — и Дрю лишился половины кисти. Но он даже заорать от боли не успел, потому что следующий выстрел пришелся в голову и полностью выжег мозг вместе с электронной начинкой. За это время я успел сделать несколько зигзагов по комнате, уходя с линии огня сторожевой системы, потому что излучатели были оставлены напоследок.

Пришлось задержать дыхание и активировать защитный экран для глаз, помянув добрым словом тех генетиков, которые работали над моей кожей. Тьма знает, что за газ пустили в комнату, но отравить меня не так-то просто.

Все это заняло от силы секунд пять, еще около тридцати понадобилось, чтобы пробиться к выходу. Удачно: автоматика даже не успела заблокировать дверь, ведущую из модуля. Так что я спокойно вышел, оставив позади два трупа и много паленой электроники. Вот за что люблю «Фен», так это за аккуратность: эффективность впечатляет, а разрушений никаких, он повреждает только органику — живую или искусственную, служащую основой всех электронных устройств.

Здесь, в переходе, было тихо, разве что загудела вентиляция — часть газа, видимо, просочилась наружу, и станция поспешила устранить проблему. Я отошел на несколько метров, миновал пару переходов и, остановившись, выровнял дыхание. Если я неправильно просчитал Олафссона, узнаю об этом в ближайшую пару минут.

Ожидая вызова от Серого, подключился к инфосети, пробежал несколько новостных сводок, просмотрел рекламные рассылки, пытаясь отыскать что-то нужное — тишина. О пропаже транспортного корабля, идущего с Роолито, новостей не было — видимо, его еще не успели хватиться. В местном информационном пространстве «Зеи» проглядел рекламу заведений Олафссона. Потом старательно потоптался в поисковиках с запросом «„Тортуга“. Местоположение». Предсказуемо не обнаружил ничего путного.

Минут через пять Серый все так же молчал, и я двинулся обратно к Морецкому. Все же Дрю оказался именно таким, как я и ожидал: самоуверенным и наглым. Мысли, что наш сегодняшний разговор закончится подобным образом, он, судя по всему, не допускал, иначе заставил бы меня сдать оружие. И на случай своей смерти явно не подстраховался, тогда компромат сразу ушел бы к капитану.

Если он вообще был, этот компромат, в чем я здорово сомневался. Знать или подозревать Олафссон мог все что угодно, вопрос что он мог доказать. Или просто пытался взять на испуг, что вполне в его духе?

Пока, не торопясь, дошел до жилища крыса, успел проанализировать ситуацию и сделать пару выводов. Один — несомненный, о том, что я повел себя верно: по всем местным негласным правилам это было закономерное и равнозначное воздаяние не просто за шантаж, а за попытку подмять под себя. Рискнул сожрать кусок, который в горло не пролазит, — сам и расплачивайся.

А вот второй вывод, продиктованный чутьем и жизненным опытом и не имеющий пока весомых доказательств, заключался в том, что не по собственному почину Дрю начал этот разговор. Дожил же он как-то до своих лет, значит, конченным дураком не был. Он знал мою репутацию, знал негласные правила, но все равно попер в лоб, будучи уверенным в полной собственной безнаказанности. Конечно, нельзя совсем исключать вариант, что он попросту зажрался и оборзел, но куда вероятнее присутствие за его спиной другой фигуры. Причем дело даже не в том, что Дрю попытался сожрать меня, а в том, что он вознамерился выступить против очень большой и опасной силы — «Тортуги» и ее кораблей-невидимок. Фактически против самого могущественного преступного синдиката в этой галактике.

Заполучить стукача в этой среде мечтал каждый, но прибегать к подобным способам не рисковал никто. Так что кое-какие весомые подозрения насчет личности, организовавшей мне столь жаркий разговор, появились.

Алиса Лесина

Шон и Альберт Иванович оказались чудесной компанией. Я очень быстро забыла, где и с кем нахожусь, и с удовольствием проводила время, попивая чай с шоколадными конфетами. Чай был — настоящим, конфеты — хорошими, и это лучше всего доказывало финансовую состоятельность крыса: такие продукты в космосе весьма дороги.

Мы сидели возле стола, очевидно, в рабочей комнате: об этом говорил крайний минимализм обстановки. Низкий серебристый круглый стол посередине — не то металлический, не то пластмассовый. Вокруг него — удобные голубоватые прозрачные эргономичные кресла, на серо-голубых стенах несколько световых картин, сдержанные краски которых успокаивали и исподволь настраивали на рабочий лад. Все, чем нас угощали, хозяин прикатил на сервировочной антигравитационной платформе из соседней комнаты, категорически отказавшись от помощи.

Единственным, что нарушало обезличенно-деловую атмосферу, был вытянувшийся вдоль одной из стен стеллаж с разнообразными безделушками, в которых я не сразу опознала коллекцию старинных носителей информации. И если некоторые из них были мне известны — книги, например, по-прежнему не исчезли из обихода, хотя и стали почти предметом роскоши, а в нескольких брелоках я угадала популярные модели басок,^[19] — то опознать и хотя бы примерно датировать тот большой черный диск или вон ту черную коробочку размером с книгу не удалось.

Болтали о разной ерунде. Морецкий с удовольствием травил байки. Да и Шон оказался отличным рассказчиком, и хотя истории его в основном касались любовных походов, характеризующих пирата не с лучшей стороны, проще говоря, он был бабником без малейшего признака совести, слушала я все равно с удовольствием. Наверное, потому, что истории эти подавались очень легко и весело, а бабником Шон был вдохновенным, то есть увивался вокруг женщин из любви к искусству и самим женщинам, а не из желания кому-то что-то доказать. Да и обаяние пирата играло свою роль.

Клякса вернулся быстро, прошло меньше получаса. Спокойный, собранный и немного хмурый. Не знаю, как именно я это определила, но отчетливо поняла, что мужчина чем-то крепко озабочен.

— Альберт Иванович, еще один вопрос, — с порога спросил он. — На кого мог работать Олафссон? Интересуют любые сведения, слухи и даже твои собственные идеи. В качестве оплаты прими вот что: Дрю мертв. Если

кто-то из твоих постоянных клиентов желает подмять его дело, сейчас самое время.

— Хорошо поговорили! — хохотнул Шон, а Морецкий слегка нахмурился.

— Тогда я, с твоего позволения, на пару минут отвлекусь, заодно отыщу ответ на твой вопрос. Садись пока, выпей чаю.

Крыс прикрыл глаза, видимо, отправился бродить по инфосети. А Клякса спокойно уселся к столу, но вместо чая схватил пару бутербродов — тарелка с ними тоже стояла на столе, но до сих пор никого не интересовала.

Я же настороженно притихла в ожидании развития событий, вновь пытаюсь принять ту спокойную будничность, с которой эти люди относились к смерти. Очень хотелось спросить Кляксу, за что он убил незнакомого мне Олафссона, но никак не могла набраться смелости. А спросить стоило, потому что сама я, если продолжу думать об этом, непременно придумаю Глебу какое-нибудь оправдание: если у меня так и не получилось возненавидеть его за смерть экипажа грузовика, что уж говорить о каком-то незнакомом типе, наверняка преступнике!

Несколько минут прошло в тишине, только Клякса сосредоточенно жевал, опустошая тарелку. Шон тоже не рвался расспрашивать своего друга, а, кажется, последовал примеру крыса.

Наконец Морецкий открыл глаза. Выглядел он весьма довольным.

— Глеб Егорыч, я твой должник, — сообщил крыс. — У такой информации очень короткий срок годности, но свежая она стоит крайне дорого. Что до твоего вопроса... насколько ты в курсе основных раскладов в «Темных секторах»? ^[20]

— Если за последние пару месяцев ничего кардинально не изменилось, то в общих чертах знаю. Но я с удовольствием послушаю, что можешь сказать ты. Или боишься сболтнуть лишнего?

— Боюсь утомить дорогих гостей подробностями, — с укором в голосе возразил Морецкий. — Но если хочешь поболтать со стариком, я только за, ты же знаешь. Впрочем, сильно углубляться не придется, речь опять, как это ни забавно, пойдет о коллегах вашего капитана. У «Тортуги», при всей ее мощи и влиянии, достаточно ограниченный круг интересов. С одной стороны, станция — патрон полусотни едва ли не самых мощных пиратских кораблей галактики, костяк которых, безусловно, составляют «невидимки». С другой — это солидный и, пожалуй, самый уважаемый посредник в крупных сделках любого профиля. На этом все. Больше никакими делами «Тортуга», насколько мне известно, не интересуется или слишком ловко замечает следы. Лично я склоняюсь к первому варианту. Но

это, так сказать, преамбула. Фабула же в том, что к нам на «Зею-17» зачастили «невидимки» «Тортуги». Неделю назад был корабль, его сменил другой, вчера он улетел, а сегодня явились вы. «Невидимок» не так много, а мы находимся не в столь популярном месте, чтобы «невидимки» в таком количестве могли случайно здесь оказаться.

— Хочешь сказать, Олафссон работал на «Тортугу»? — удовлетворенно проговорил Клякса.

— Ну, ты же просил любые предположения? Вот тебе моя версия, — развел руками Морецкий. — Напрямую они, конечно, не контактировали, но «невидимки» имели дело с одним весьма достойным уважения посредником, находящимся здесь, который, в свою очередь, несколько раз после этого общался с Олафссоном, хотя прежде они совместных дел не имели. Стопроцентной гарантии тебе, конечно, никто не даст. Даже сам Олафссон, полагаю, не знал, на кого работал посредник: он находился на своем месте и выше забраться не мог, недостаточно данных, особенно ума. Самостоятельно сопоставить факты и догадаться, кто к нему обратился, Дрю не сумел бы, а у крыс совета не спрашивал. Возвращаясь к теме разговора, восемь к одному, что ответ на твой вопрос — «невидимки». А вот чего хотели от этого типа, я даже предположить не берусь. Попробуй задать этот вопрос Джеймсу: «Зея» не относится к числу привычных интересов «Тортуги», а я не особенно слежу за тем, что происходит за пределами станции. Надеюсь, я не слишком тебя разочаровал и тебе не придется подаваться в бега, спасаясь от собственного капитана?

— Не думаю. — Глеб слегка поморщился, разглядывая последний оставшийся бутерброд с таким видом, словно тот занимал его куда больше предмета обсуждения. Пару секунд мужчина помолчал, потом все же освободил тарелку и проговорил: — Не разочаровал, напротив, здорово помог.

— Подробностями, что же там у вас произошло, ты, конечно, не поделишься? — спросил Морецкий.

— Извини. — Клякса качнул головой. — Сказал все, что мог.

— Ладно, но хотя бы удовлетвори мое любопытство... Просто по старой дружбе, не для продажи. Девушка-то откуда? — улыбнулся крыс, бросив на меня веселый взгляд, а я на всякий случай еще больше наострила уши: интересно было все, что они обсуждали, но когда речь шла обо мне — особенно.

— А что, ты еще не успел узнать подробности? — Белые брови измененного удивленно выгнулись. — Алиса — моя добыча, взятая в последнем абордаже.

— Позволь, но ведь Серый не берет пленных? — Кажется, это известие озадачило Морецкого куда сильнее всех предыдущих.

— Серый — не берет. Я же говорю, она — моя добыча, — выделил Клякса, насмешливо покосившись на меня.

— Занятно, — чуть нахмурился крыс, глядя то на меня, то на пирата с каким-то особенно задумчивым и сосредоточенным выражением лица, словно решал важную задачу.

— Что именно? — уточнил Глеб.

— Видишь ли, я не страдаю провалами в памяти, — после короткой паузы медленно начал Морецкий. — И помню, как светлой памяти старик Фишер несколько лет назад учил тебя, дурного и полудикого, играть в пиллум.^[21] И он тогда припомнил в твой адрес одну старую картежную присказку... А, вижу, тоже не забыл? Вот я в который раз убеждаюсь, что Фишер был умнейшим из всех, с кем меня сводила жизнь. Во всяком случае, в людях он всегда видел главное. И мне очень интересно, к чему это твое неожиданное милосердие приведет.

— Я бы тоже не отказался узнать все заранее, — сказал Клякса.

— А что за присказка? — не утерпела я.

— «Интеллект против форта бессилён», — ухмыльнулся абордажник. — Играть я так толком и не научился, но умудрился несколько раз выиграть у Фишера. Причем я чуть ли не единственный человек на «Зее-17», которому это удалось.

— Ну, не преувеличивай, он хорошо играл, но не настолько, — качнул головой Морецкий. — Но вот так, чтобы на чистом везении, да еще несколько раз — и впрямь уникальный случай. Глеб Егорыч, что называется, человек фартовый.

— Ладно, хватит языки чесать. Пойдем, у нас еще есть парочка дел, — засобирался Клякса.

Мы, конечно, не стали спорить, тепло распрощались с Морецким и нырнули в хитросплетение переходов станции. Ощущение спокойствия, уюта и защищенности осталось в светлой и тихой гостиной крыса, и я инстинктивно придвинулась поближе к Кляксе.

— А кто такой Фишер? Если не секрет, — любопытствовала осторожно. Разговаривая, я чувствовала себя увереннее, чем в тишине.

— Не секрет, был тут такой старый крыс. Эта братия обычно очень дружна, они предпочитают делить клиентов любовно и решать спорные вопросы в разговорах. Им опасно ссориться: хоть они и уважаемые люди, но одиночки, и в случае проблем им не к кому обратиться, остается рассчитывать друг на друга. Занятный старикан. Жалко, что умер.

— Тоже какая-нибудь кровавая история? — неприязненно уточнила я.

— Нет, для разнообразия вполне мирная, — ответил Клякса. — Ему уже было, насколько знаю, хорошо за полторы сотни, так что смерть вполне естественная. Говорю же, крысы обычно живут достаточно спокойно.

На станции мы провели еще несколько часов, целенаправленно занимаясь покупками. Медикаментами и медицинскими товарами торговали всего две точки, и худо-бедно в них я собрала почти все нужное. Расширенную аптечку, необходимый для диагностики и генетических анализов (Кляксе это не требовалось, но мне самой было любопытно) комплект препаратов и устройств и оборудование для обслуживания протезов, производителя которых Клякса назвал без возражений. На всякий случай добавила пару ящичков для хранения и транспортировки всего этого богатства и медицинскую разгрузку — удобную систему сумок с кармашками, которая крепилась на теле. Последняя была скорее баловством и на практике требовалась исключительно редко, я вообще с трудом могла представить условия, подходящие для ее применения, но не удержалась. Уж очень давно хотела занять эту забавную вещицу, только повода не было.

На этом этапе от нашего общества устал Шон и отбыл на корабль в сопровождении небольшого транспортного антиграва. Задерживаться на корабле он, кажется, не собирался, все же планировал вернуться на «Зею-17», поискать развлечений, но просьбу Кляксчл о доставке медицинского оборудования выполнил без ворчания.

И хорошо, что ушел, потому что выбирать одежду при нем было неловко. Покупать ее удаленно мы не стали, зашли в один из магазинов — на удивление приличный, кстати, там даже имелся сканер. Это такая удобная штука, которая сама измеряет покупателя со всех сторон, а потом генерирует голограмму, на которую «надеваются» вещи.

Наглеть я особенно не стала, но и излишне скромничать — тоже. Несколько смен белья, практичный рабочий комбинезон, почти неотличимый от моего, еще один комбинезон потоньше и полегче, несколько полезных мелочей. Потом не удержалась и одела голограмму в эффектные туфли на каблуке и легкое летнее платье в крупную клетку, пару секунд полюбовалась и сбросила изображение. За прошедший год я ужасно устала от комбинезонов и удобной, но громоздкой обуви, и отчаянно хотела наконец-то примерить что-то вот такое, легкое и изящное. Но сейчас точно не время для таких нарядов, и на «Ветренице» им не место.

— Уверена, что не хочешь взять? — со смешком уточнил Глеб.

— Уверена, что мне не стоит его брать, — ответила, чуть

поморщившись. — Я не дома.

Настаивать мужчина, конечно, не стал, и мы двинулись к кораблю. Шли молча: пират думал о чем-то своем, а у меня совершенно испортилось настроение. Проклятое платье опять вернуло меня в реальность, напомнив, где и с кем я нахожусь, а главное, что шансов вернуться к нормальной жизни у меня не так уж много.

ГЛАВА 6, в которой Алиса гадает, а Клякса ждет экзамена

*Дайте-ка вспомнить: сегодня утром, когда я
встала, я это была или не я? Кажется, уже не совсем я!
Но если это так, то кто же я в таком случае?..*

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес

Глеб Жаров (Клякса)

После откровений Морецкого выгуливать Алису не было никакого желания, куда больше хотелось сесть и серьезно поговорить с Серым. Вернее, я с самого начала предположил, что он может что-то знать, но после беседы с крысом интуитивное подозрение переросло в стойкую уверенность.

Нет, вру, хотелось сначала хорошенько двинуть капитану в морду, даже пару раз, и только потом — разговаривать, но это было желание из разряда зряшных и пустых, вроде мечты получить с неба миллион терров. Так что я волевым усилием тормознул себя и отправился за покупками, чтобы остыть и тщательно все взвесить. Разговор с капитаном можно начинать только с холодной головой и с конкретных вопросов, а не с истерического вопля: «Что это было?»

Неторопливая прогулка по станции сделала свое дело, и уже через полчаса я знал, что именно и как скажу Серому.

К этому моменту успел пожалеть, что прихватил с собой Шона: на абордажников я мог положиться только в бою, там, где нас связывала общая цель, отчасти — на корабле, где никто из нас не желал уступить собственные проценты возможным конкурентам. А в остальном... Да, они почти друзья, пока считают меня командиром, но поручиться, что кто-то из них вдруг не передумает, я не мог, особенно это касалось Шона. У ксеносов своя логика. Таймарен с его электронными мозгами равнодушен к власти, а вот этот парень вполне мог захотеть на мое место. На какую-нибудь крайнюю подлость не пойдет — он не настолько гнилой, да и свои не поймут, — но по случаю стукнуть капитану или кому-то еще может.

А с другой стороны, именно сейчас опасаться было нечего. Ну твикнет, как говорил покойник, Серому, что я порешил Олафссона, так сам дурак будет. Он же не знает, о чем я с толстяком разговаривал. Да и толку дергаться, если все равно назад не отыграешь!

— Сейчас я отдам команду, корабль перешлет тебе медикаменты, можешь заняться ими и разбором вещей, — обратился я к Алисе. — Стеллаж вот здесь, все незанятые полки в твоём распоряжении. А я отлучусь на пару часов. Инструкции прежние.

— Нет-нет, я никуда не пойду, мне и здесь неплохо! — поспешила заверить девушка.

И я, предварительно заручившись согласием на разговор, направился к Серому. Приходить он велел в кают-компанию, чему я не удивился: в свою каюту капитан не звал никого, а на командную палубу имели доступ только несколько членов экипажа, к числу которых я не принадлежал.

— Серый, удовлетвори мое любопытство: чем «Тортуге» помешал мелкий делец Олафссон? — спокойно спросил я, устраиваясь в кресле напротив капитана. — Обязательно было идти настолько сложным путем?

Собеседник смерил меня взглядом, хмыкнул насмешливо:

— Ишь, воинственный какой. Как надо было, так и решили проблему. Помешал... Сыграл грязно, вот и поплатился. Должен был думать, с кем связался.

— В каком смысле? Я по-прежнему не понимаю, как он перешел дорогу «Тортуге». Корабль, что ли, не тот купил?

— Плевать — какой. Важно — как, — возразил Серый, покосившись на меня с явным одобрением. — Одного нашего он подставил, чтобы кораблик занять. Нехорошо подставил, под конговских^[22] безопасников.

— Ну и пристрелили бы. К чему сложности?

— А мы и пристрелили, — хмыкнул Серый. — Видишь ли, твоя кандидатура вызывает много вопросов, вот и решили проверить, насколько ты серьёзный человек. Заодно. Раз уж так все совпало, что «Зея-17» оказалась по пути. А подтолкнуть Олафссона к нужной линии поведения было несложно: кое-как слепленная фальшивка и доброжелатель, которому «Тортуга» стоит поперек горла, и он радостно вцепился в брошенную кость. В целом все удовлетворены результатом проверки. Можешь считать, что этот экзамен ты сдал. Сам понимаешь, человек, чья совесть чиста, на такое не повелся бы и поступил бы именно так, как ты сейчас. А начал бы Юлить и изворачиваться — значит, испугался, и деза попала в точку.

— И сколько ещё проверок предстоит, если я соглашусь? — спросил, поминая про себя пару хитрых крысов с «Зеи-17». Вот уж точно, Фишер

был прав: фартит. Да так, что это уже почти неприлично.

— Достаточно, но, думаю, ты их выдержишь, — усмехнулся капитан. — Да ладно тебе, хватит ломаться. И ты знаешь, и я знаю, что от таких предложений не отказываются.

— Положим, да. Я соглашусь. Что ждет меня на «Тортуге»? И почему именно я? Только давай уже без сентиментальной чуши, тошнит. Мы оба прекрасно знаем, что это не просто корабль и не просто станция и летим мы туда не просто так.

— «Положим» или «согласен»? — уточнил Серый.

— Согласен, — кивнул я с тяжелой душой. Да ладно, кого я обманываю, будто у меня есть выбор!

— Прекрасно. На месте узнаешь. Ну не смотри так, словно я тебе деньги должен! Не могу я тебе подробности рассказать, да и готовиться бесполезно. Считаю индивидуальным и совершенно уникальным экзаменом на профпригодность. Почему ты... Ну, мне уже сил не хватает на эти развлечения, стар я для них, а из всей команды у тебя одного есть шансы сладить с «Ветреницей», да и вообще выжить.

— Нормально, — хмыкнул я. — То есть вот о каких ставках речь?

— Всегда, — развел руками Серый. — Мы всегда ставим жизнь, свою или чужую — как повезет. Впрочем, сейчас ты будешь играть не только за себя, но за всю команду. Ладно, может, не за всю, но за добрую половину. Поверь мне, выигрыш того стоит.

— Ну да, выжить — это определенно хорошая плата, — усмехнулся в ответ. — Ладно, я тебя понял, сыграем.

— Вот и молодец.

Теперь я узнал, кажется, все, что можно было выяснить за пределами самой «Тортуги». Вот что значит удачное стечение обстоятельств: за один день получить все то, чего не мог добиться долгие годы. Впрочем, а толку было бы от этих сведений, получи я их раньше? Разминка для ума, занятный факт, не больше. А вот сейчас — самое время.

«Экзамены», которыми пугал Серый, меня тревожили мало. Не думаю, что там есть нечто такое, с чем я не сумею сладить: я крепче капитана во всех смыслах, и если он сам, как я понимаю, прошел когда-то это испытание, то и я выдержу. Гораздо любопытней было все-таки добраться до секретов «невидимок» и выяснить личности экзаменаторов, которыми вряд ли являлись другие пираты. Сложная автоматика? Или впрямь чересчур развитые ксеносы? Может быть, вот только зачем им это?

От ответов меня отделяла неделя пути до «Тортуги». По сравнению с годами — срок недолгий, но что-то подсказывало, что они будут самыми

тяжелыми. Сложнее всего ждать, когда цель близко и пальцы подрагивают от нетерпения, но одновременно с этим трудно поверить, что все на самом деле так.

Впрочем, ерунда это, глупые мысли для заполнения пустоты. В любом случае я буду ждать столько, сколько потребуется, и так, как будет нужно. Тем более что у меня, вон, и развлечение появилось. Только что с ним делать на «Тортуге»? И как распорядиться девчонкой в случае, если я все же провалю экзамен?

Мысли о благополучии ценного приобретения были странными и непривычными, но на удивление уместными: лучше отвлечься на такие мелочи, чтобы не гонять в голове возможные сценарии развития событий, для построения которых у меня не имелось ни малейшей базы.

Алису я застал в полумраке под «звездным небом» — девушка давно догадалась, как можно вывести картинку на потолок вместо стены. Под адажио бессмертной токкаты ре минор Баха девушка лежала на кровати, на спине, раскинув руки, и бездумно пялилась в потолок. Кажется, на этот раз ее настроение полностью отвечало моему видению мизансцены.

Коробки с лекарствами остались неразобранными.

— Это еще что за серость минорная? — насмешливо спросил я.

Алиса, не заметившая моего появления, дернулась от неожиданности, резко села и, поймав мой взгляд, поспешно сползла с постели.

— Прости, мне вдруг стало как-то тоскливо, — смущенно отмахнулась она, изображая бурную деятельность: уселась на полу между свертками, открыла пару ящичков для хранения этого богатства и принялась перекладывать коробки с места на место. Хотя, может быть, в действиях и имелась какая-то система.

Я приблизился, сел на край кровати, стал с интересом рассматривать разномастные контейнеры, а девушка, кажется, не выдержав тишины, принялась торопливо пояснять:

— Я тебе верю. Почти. Ты хороший и очень добр ко мне, не подумай, что я этого не вижу и не понимаю. Но тут накатило вдруг, захотелось почувствовать свободу, а этот вид — он как-то настраивает, дарит ощущение...

— Иллюзию, — поморщившись, оборвал я. Бросил взгляд на потолок и скомандовал убрать картинку. Музыка по моему приказу смолкла еще раньше.

— Что? — в замешательстве переспросила Алиса.

— Звезды дают иллюзию свободы, — пояснил я. Подобрал какую-то коробку, повертел в руках, глянул название, чтобы тут же его забыть,

аккуратно положил на место и спросил, нарушив повисшую тишину: — Когда будем ставить надо мной эксперименты?

— А сколько у нас на них времени? — спросила девушка.

— Ну, до «Тортуги» неделя, было бы неплохо управиться. Заодно какое-никакое развлечение будет на это время.

— Ну, нет, на неделю вряд ли удастся растянуть, — отстранение улыбнулась она, сложила спаянную цепочку крошечных пластиковых капсул с какой-то жидкостью в один из отсеков большого контейнера, выставила температурный режим. Потянулась за следующей упаковкой и, покосившись на меня, осторожно уточнила: — Ты поэтому их не любишь? Звезды.

Я непроизвольно метнул взгляд на стену, которую большую часть времени украшало почти живое изображение, и, пожав плечами, ответил:

— Можно сказать и так. Если смотреть шире, то я не люблю их за лживость. Как сказал один давно покойный романтик, звезды похожи на глаза жестоких ветреных красавиц: подмигивают издали, а стоит приблизиться — делаются холодными и насмешливыми, — проговорил задумчиво и подытожил: — В общем, не складывается у меня с ними.

— Ты совсем не похож на пирата, — наконец высказалась девушка.

— Что, экипаж транспортника больше не снится? — уточнил я со спокойной насмешкой.

Алиса ответила быстрым непонятым взглядом, но продолжать разговор не стала. Обиделась? Ну, это к лучшему, не стоит забываться. И ей, и мне.

Начинаю понимать Серого и задумываться о справедливости его пророчества — о том, что женщина на корабле к беде. Что-то я совсем с этой рыжей расслабился и размяк. Еще немного — начну с апломбом цитировать стихи, хорошо, если не писать. *«И душа моя из тени, что волнуется всегда...»*^[23] Впрочем, последним недугом я никогда не страдал, а сейчас начинать уже поздно.

А с другой стороны, что в этом странного и столь уж ужасного? Ну, потянуло на лирику. Что поделать, многолетние привычки, да еще детские, почти невозможно вытравить, как ни старайся. И совсем уж неудивительно, что случилось все это из-за присутствия Алисы: за последний год это первый... простой человек в моем окружении. То есть некто, от кого мне ничего толком не надо, кто не несет угрозы и с кем меня связывают не срочные важные дела, а пустая болтовня и одна комната на двоих. Можно расслабиться немного перед последним решительным рывком.

Конец дня мы провели в тишине. Алиса не то чтобы дулась, но была

хмурой, задумчивой и явно не желала разговаривать, а я не настаивал: через корабль подключился к инфосети и лениво пополнял запасы развлечений. Такие запросы, в отличие от прямых, не несли отпечатка личности, но сейчас меня это вполне устраивало.

О разговоре с родными девушка не напомнила, я сам у нее спросил. Отказываться, конечно, не стала, терминалом воспользовалась. Правда, на вызов никто не ответил, что, впрочем, не удивило: если корабля еще не хватились, то и беспокоиться родне не о чем. Моя абордажная доля, кажется, обрадовалась молчанию отца и рассказала о своих приключениях, записав голографическую проекцию. Соврала, что полетела на другом корабле и вообще решила начать новую жизнь в космосе.

А наутро она не то оттаяла, не то переосмыслила что-то, не то взял свой характер — Алиса производила впечатление человека неунывающего и не способного подолгу сохранять пасмурное настроение, — но в целом девушка вела себя обычно. Уже знакомое чувство вины, правда, иногда ее покусывало, отзываясь у меня в горле легким перцовым жжением, но было ненавязчивым и недолгим, так что не утомляло, а разнообразило жизнь.

Правда, после знакомства с Морецким Алиса, обращаясь ко мне, постоянно сбивалась с имени на кличку, но я не одергивал. К прозвищу я привык, а все остальное тоже не являлось секретом. Хотя слышать свое имя из уст девчонки, да еще на корабле, было непривычно и странно: я слишком отвык от него и не сразу начал реагировать.

Алиса Лесина

Меня преследовало странное и до крайности мерзостное ощущение, что я вот прямо сейчас, сию минуту, тронусь умом. Все происходящее было дико, в корне неправильно: этот корабль, путь на «Тортугу», Клякса с его поведением... Всего этого не могло, не должно было быть! Во всяком случае, со мной. Я никогда не желала приключений, и вообще я трусиха и домоседка, я просто хотела немного отдохнуть в тишине!

Но все это можно было бы перетерпеть и пережить, если бы не одно главное, неразрешимое противоречие. Нравственный тупик, замкнутый круг: симпатия и интерес к Кляксе, которому не могли противостоять шестеро мертвых мужчин. Умом я понимала, что эта команда — капля в море, и крови на руках пирата гораздо больше, но это меня почти не заботило: тяжело переживать за тех, кого ты никогда не знала и кто остается в воображении только цифрами.

Я забывалась и расслаблялась, потом вспоминала и дрожала от

отвращения к самой себе, потом опять уютно устраивалась под боком у тихо и медленно дышащего измененного.

Но хуже всего было то, что я понимала: заботливый и необычный Клякса постоянно рядом, а мертвый экипаж грузовика — в памяти, и рано или поздно пират вытеснит их полностью. Я одновременно и хотела, чтобы это случилось поскорее, и боялась окончательно утратить страх и горечь потери: казалось, что стоит этому произойти, и я исчезну, перестану быть собой, как в сказке, мгновенно превращусь в чудовище.

Или, может, уже перестала быть собой? Ведь я — хорошая, правильная домашняя девочка — не должна столь спокойно и уютно чувствовать себя рядом с убийцей...

Пережить пик этих тревог помог все тот же измененный, хотя и опосредованно: я полностью сосредоточилась на своем единственном пациенте.

Я не стала объяснять мужчине, что при отсутствии каких-либо симптомов искать болезнь — довольно бестолковое занятие. Думаю, он это и сам прекрасно понимал, а лишний раз напоминать, что он легко обойдется без моей помощи, было попросту глупо. Мне велели сделать полный общий осмотр? Вот его я и сделаю. Начать это обследование, конечно, стоило с состояния психики или уж хотя бы с особенностей психологии, но в этих сферах я понимала совсем немного, так что действовать начала по шаблону: с основных общих анализов.

Впрочем, почти сразу, только взглянув на кровь Кляксы, споткнулась о большую и серьезную проблему: я представления не имела, что для этого типа является нормой. Начать уже хотя бы с того, что основные кровяные тельца у него были хоть и узнаваемыми и похожими на привычные, но все же отличались от них. Судя по тому, что тельца отличались, а пират был до сих пор жив, это не являлось признаком какой-то болезни.

— Глеб, а те люди, которые тебя сконструировали... они никакую инструкцию для твоего организма не оставили? — задумчиво спросила я, сидя в единственном кресле у стола и разглядывая на экране диагноста портреты тех монстриков, которые устройство обнаружило в крови измененного вместо кровяных телец. Приборчик воспринимал их как заразу и паниковал.

— Все плохо? — насмешливо уточнил Клякса, нависший надо мной и с любопытством глядевший на тот же экран.

Одна рука мужчины опиралась о стол, вторая держалась за спинку кресла, мне бы в таких условиях, наверное, следовало испытывать неудобство и как минимум опасение. Но близость Глеба за прошедшие

несколько дней стала настолько привычной и умиротворяющей, так прочно ассоциировалась с безопасностью, что никакого протеста я не ощущала. Даже наоборот, чувствовала себя защищенной, словно зверек в собственной норке.

— Ты вот про эти красные кружочки с восклицательными знаками и ругательные слова? — насмешливо уточнила я. — Не обращай внимания. Это ведь портативный рабочий инструмент, а не мощный лабораторный анализатор, он просто не понимает, что видит, вот и вопит об ошибках программы и вероятном неизвестном заболевании.

— Нет, подробной инструкции мне не дали, — ответил измененный на предыдущий вопрос, отодвинулся и присел на край постели. Собственному мимолетному разочарованию от этого его действия я не удивилась. — Только рекомендации для пользователя. В частности, про кровь говорили, что мне любую можно вливать, усвоится. Конечно, еще что-то было, но я сейчас уже и не вспомню.

— То есть, получается, ты в полном смысле другой вид? Воплощенная мечта генного инженера? Где же таких делают?!

— Все тебе расскажи, — хмыкнул Глеб. — Таких, подозреваю, нигде не делают: я единственный выживший из кучи подопытных.

— Тебя похитили и ставили опыты? — испуганно вытаращилась я. Что ж, это многое...

— Издеваешься? — Клякса глянул на меня как на идиотку. — Так бы меня и выпустили при подобном раскладе! Нет, все было добровольно, но уж больно потери велики для того, чтобы ставить на поток.

— погоди, но выходит, что ты в принципе не совместим с людьми? — Я нахмурилась.

— В каком смысле? — Белые брови озадаченно выгнулись.

— Ну, в прямом. Дети там, и все такое...

Под растерянным взглядом измененного я отчаянно смутилась, хотя ничего такого вроде бы не спрашивала.

Странно, но насмехаться и уточнять, было ли это предложением, Глеб не стал. Ухмыльнулся весело, качнул головой каким-то своим мыслям, а потом вдруг спокойно ответил:

— А Тьма его знает. Скорее всего, нет, но я не интересовался. Впрочем, чисто теоретически, если я все-таки доживу до того момента, когда мне вдруг захочется чего-то подобного, можно будет обратиться к тем же ребятам, что меня собирали, — пожал плечами мужчина. — Что-то мне подсказывает, от такой интересной задачки они ни за что не откажутся, а собрать эмбрион, наверное, проще, чем переkreить взрослого человека. Да

и возможностей для экспериментов существенно больше: одно дело, если гибнет уже взрослый человек, за это в цивилизованных мирах казнят. А тут клетка и клетка, можно даже к официалам обращаться, никто ведь не заставляет непроверенный материал сразу подсаживать женщине... Что? — осекся Клякса под моим взглядом. — Я где-то ошибся? Мог, я же не профи. Так, за время экспериментов кое-чего нахватался по верхам.

— Нет, в общем, логично. — Я тряхнула головой. Нашла, с кем разговаривать на подобную тему! И так понятно, что он крайне практичный и циничный тип, странно было ждать какой-то сентиментальности, да еще в подобном вопросе. — Забудь. Давай лучше для начала разберемся с твоим протезом, надеюсь, хоть там нас не ждет никаких сюрпризов, а потом уже попробуем разобраться в устройстве твоего организма. Я, правда, не верю, что из этого выйдет толк — тут должны работать специалисты с хорошим оборудованием, профессора, а не я на коленке. Но попробовать хочется.

Без сюрпризов не обошлось и тут. Протез у Кляксы оказался нестандартным. Впрочем, на процедуре это никак не сказалось, универсальное оборудование для названной Глебом фирмы вполне подошло. Да при большом желании мужчина мог бы и сам справиться с этой процедурой, никаких серьезных познаний она не требовала: протез был по-настоящему хороший и весьма современный, все происходило автоматически, нужно было только аккуратно подключить аппарат в месте крепления протеза. Проверка реакций, калибровка, замена синовиальной жидкости... Впрочем, даже не знаю, как правильно называть ее в этом случае: она все еще синовия или уже техническая смазка?

Любопытство мое насчет особенностей конструкции протеза в итоге осталось неудовлетворенным. Клякса отшутился, что достал бракованный по дешевке, а способа разобраться самостоятельно я не знала: тут кибернетиком надо быть, это их епархия, участие медиков в разработке протезов конечностей давно сведено к минимуму.

— Кстати, кто-то обещал мне танец, когда получит одежду, — напомнил Глеб, когда я отключила прибор. Мужчина сжимал и разжимал пальцы искусственной руки и с интересом наблюдал за процессом.

— Что-то случилось? — настороженно спросила я, не спеша комментировать его слова. — Все нормально работает?

— А? — Измененный с трудом оторвался от своего занятия и, сфокусировав взгляд на мне, опустил руку. — Да, более чем. Я даже не замечал, насколько он сильно сбоит, привык.

— А когда ты его последний раз проверял? — озадачилась я.

— Никогда. — Клякса улыбнулся и развел руками.

— Это за сколько лет? За шесть? Он же ровесник твоего изменения?

— Примерно. Так что насчет танца?

На несколько мгновений я замешкалась, не зная, как лучше поступить. С одной стороны, опасаться посягательств Глеба на мою честь я окончательно перестала, да и занималась я не каким-то из вариантов стриптиза. Вполне классический и скромный рок-н-ролл, причем на любительском уровне, вся акробатика — только с портативным антигравом. Но с другой стороны — все равно было неловко, я никогда не любила выступать, а в одиночестве еще и не пробовала.

— А давай лучше тебя научу? — вдруг предложила я. И только после этого сама осознала, что эта на первый взгляд нелепица и впрямь отличный выход: мне не грозит настолько пристальное внимание, а кроме того, это действительно может быть любопытно. — Только места нужно побольше...

— Хм. Почему нет? — неожиданно, кажется, даже для самого себя согласился Клякса. — А место сейчас освободим, это не проблема, — заверил он, и при этих его словах кровать бесследно провалилась в пол.

Что ж, это куда лучше любого тренировочного зала: никуда не нужно идти, каюта достаточно просторная, место на корабле явно не сэкономили.

Учеником мужчина оказался превосходным, немного практики — и хоть на профессиональную сцену. Гибкий и сильный, он великолепно подходил для танцев. Все движения ловил и повторял с лету, а главное, запоминал и воспроизводил с одного раза! То есть достаточно было просто показать, как и куда нужно двигаться, и Глеб сразу же уверенно все повторял. Собственным телом он владел безупречно.

А еще Клякса оказался изумительным партнером, надежным и ответственным. Он поднимал меня и крутил так, словно я совсем ничего не весила, но умудрялся делать это исключительно осторожно. Изумительное и неожиданное сочетание: человек сильный, мощный, полностью осознающий собственную опасность и разрушительную силу.

Не знаю, дело в нем или во мне самой, но довериться ему оказалось очень просто. Я и подсознательно не допускала мысли, что он может сделать что-то не так и причинить вред, а Глеб старательно оправдывал это доверие. Даже постоянный партнер, с которым я тренировалась почти десять лет, мог порой не рассчитать силы — слишком крепко сжать меня или, наоборот, не удержать, — а измененный не ошибся ни разу.

— Как у тебя это получается?! — не утерпела я наконец. — Ты как будто всю жизнь только этим и занимаешься!

К этому моменту я заметно взмокла и раскраснелась, а дыхание Кляксы оставалось спокойным и размеренным. Нет, я помню их

тренировку, это было намного сложнее, но... даже обидно. Тоже мне, нашлась учительница!

— Не совсем этим, — со смешком возразил он. — Танцы твои попроще. Движения размеренные, сбалансированные, на удобной скорости — не медленно и не быстро. Нагрузки почти никакой. А самое главное, малейшее неточное движение не будет стоить тебе жизни.

С ответом я не нашлась.

Вскоре я взмолилась о пощаде, потому что устала, а все такой же бодрый и энергичный Клякса оставил меня одну и отправился тренироваться. Уже «всерьез».

Глеб Жаров (Клякса)

— Ты сумел что-то вспомнить или выяснить о той базе и ее настоящих хозяевах?

О деле я заговорил только тогда, когда мы с Югером после тренировки устроились в его каюте в позах для разговора. Хотя про «Тортугу» капитан объявил всем почти сразу после отбытия с «Зеи-17», сделанное мне лестное предложение он, похоже, хранил в тайне. Я решил на всякий случай поддержать его в этом решении, поэтому посвящать остальных абордажников в последние события не спешил.

— Я освежил в памяти легенды, — уклончиво отозвался вериец и замолчал.

Я не торопил: если бы Югер не хотел что-то сказать, он бы не позвал меня сюда.

— Их немного, все же это произошло очень давно, еще до обретения разума, — продолжил он, кажется, собравшись с мыслями. — Как такового контакта с теми пришельцами из космоса не было, поэтому мы и не могли знать подробностей их жизни, каких-то особенностей и взглядов на мир. Однако они почти наверняка не считали нас животными и не охотились, как на животных, знали о наличии у нас интеллекта. Так вот, несколько закономерностей я все же сумел выявить. Первое: они не добивали раненых. Метали пламя, оставляли пустыни, но никогда не преследовали тех, кто чудом уцелел при нападении. Второе: они не только убивали, но и помогали. Есть история про то, как Белый освободил из западни детеныша, как они укрыли и защитили пытающегося сбежать от самки самца, даже просто, пролетая мимо, подхватили сорвавшегося со скалы бедолагу. Ну и третье: Белые порой устраивали жестокие испытания, но выжившего щедро одаривали, причем не материальными благами, а новыми навыками

и умениями. Интеллектом.

— И в какой степени можно опираться на эти факты?

— Других нет, — спокойно ответил вериец. — А как толковать эти — тебе виднее, все же вы с ними куда больше похожи.

— Теци тоже сейчас похож на нас, и что? — поморщился я. — Внешнее сходство — не аргумент.

— Справедливо, — согласился Югер.

— Кстати, как думаешь, может, стоит расспросить и тексанина? — уточнил я.

В разговорах с Теци я за пределы рабочих обязанностей не заходил, он всегда казался каким-то заторможенным и придурковатым, и именно поэтому светлая мысль поинтересоваться его мнением появилась сейчас. Я понимал, что глупость «ходячего протобульона», как порой неприязненно называли этих ксеносов, — просто слова, на самом деле это одно из проявлений огромной пропасти, что лежит между мировоззрением и обычаями двух наших видов, но все равно доверял ему даже меньше, чем Шону.

— Бесплезно, — отмахнулся Югер, тоже, кажется, неприязненно. — Он уже несколько месяцев погружен во внутренние процессы, затормаживает их очень редко и только по большой необходимости, так что с трудом контактирует с окружающим миром. Если на какие-то мелочи он еще способен отвлекаться, то спрашивать о событиях, столь удаленных во времени, без толку.

— Почему? — озадачился я.

— Фаза деления. — Югер вы разительно шевельнул педипальпами.

— И давно это с ним? — спросил я растерянно.

— Пару недель.

Я глубокомысленно кивнул: разницы между прежним и нынешним Теци я не улавливал, но спорить с уверенным в своих словах Югером не стал. И уточнять, как именно вериец диагностировал у боевого товарища эти изменения, — тоже.

Тексане, будучи колониями простейших, размножаются делением. Процесс это сложный и долгий, причем конкретного срока, как беременность у людей, не имеет: продолжительность фазы деления зависит от множества внешних факторов и может составлять от пары месяцев до нескольких лет. Постепенно формируются дублирующие системы, при этом масса тела почти не изменяется: становится меньше «рабочих» клеток, манипуляторов. В этой фазе тексане особенно живучи, но менее подвижны, чем обычно. А потом в какой-то момент — чпок! — и в мире

становится на одну разумную колонию простейших больше, то есть вместо одного Теци появится два совершенно одинаковых, только маленьких.

Интересно, а капитан в курсе грядущего пополнения? Впрочем, какая ему разница: результат деления станет моей головной болью — или чьей-то еще, если я не справлюсь.

Да и я ушел мыслями куда-то не туда. Гораздо важнее сейчас понять те детали, которые сообщил Югер, а сделать это не так-то просто...

— Скажи, существует ли у вашего народа какое-то объяснение, почему Белые вдруг начали вас убивать и почему они в итоге ушли?

— Кет, — коротко и исчерпывающе ответил вериец.

А жалко.

— Спасибо за то, что ты узнал. Если до «Тортуги» еще что-нибудь вспомнишь — скажи, даже если это мелочи.

Югер пообещал, и я неторопливо двинулся к себе в каюту по пустым коридорам «Ветреницы»: экипаж не имеет привычки здесь бродить. На корабле есть несколько общих комнат и единое информационное пространство, где обитатели могут общаться и развлекаться, чем и занимается тот костяк, который, собственно, составляет команду — группу достаточно дружных и даже сплоченных людей. Могут обитатели корабля и сидеть по своим норам, убивать время в одиночестве, как я: от налета до налета каждый предоставлен самому себе, и никто не станет выяснять, чем ты занимаешься в собственной каюте.

Никаких откровений и открытий слова верийца, увы, не содержали и совсем ничего не объяснили. Избирательность убийств могла быть продиктована десятком причин вполне человеческих и бездной иных, недоступных моему пониманию, а сказочные испытания перекликались с тем «экзаменом», которым грозился Серый. И все они вместе упирались в один, принципиальный и самый важный вопрос, не имевший ответа: зачем? Зачем нужны эти испытания, зачем вообще было нападать на верийцев? И куда, комету им в задницу, неизвестные пропали после?

А вообще, если подумать, то мотивы этих верийских легенд очень созвучны сказкам и мифам разных народов Земли. Льющийся с неба огонь, белокожие небожители, карающие и одаривающие по собственному усмотрению и никому не понятным мотивам...

Но все это имеет смысл, только если мои предположения верны и «Тортуга» связана именно с этими человекоподобными существами из сказок. А если нет, расспросы и выяснения окажутся совершенно бесплодными и заведут в тупик.

В любом случае лучше делать хоть что-то, чем молча ждать своей

участи. Этот принцип не раз спасал мне жизнь, да и по мелочи порой выручал, так что отступить от него я не собирался.

...И все же, как удачно сложилось, что я не пристрелил тогда Алису. Дело даже не в эмоциях, не в симпатии к ней — последнюю глупо отрицать, компания девчонки была мне на самом деле приятна, — а в том, что она здорово пригодились. Как минимум своевременно поправила мне руку, а я о такой возможности даже не задумывался. И отданных за девчонку денег в преддверии визита на «Тортугу» было совсем не жаль: в таких обстоятельствах за шанс улучшить главное собственное оружие — тело — можно отдать и что-то гораздо более ценное. Жалко только, что мне больше нечего отдавать. И некому.

Да и ожидание благодаря Алисе оказалось не столь изматывающим: она отлично меня развлекала, одни эти ее генетические изыскания и танцы чего стоили! По-моему, за последние семь лет я никогда не был настолько спокоен, бодр и даже, можно сказать, умиротворен. Впрочем, возможно, и за большой промежуток времени.

При этом девчонка доставляла удивительно мало хлопот, если точнее — не доставляла вовсе. Не пыталась найти приключения себе на голову на самостоятельных экскурсиях по кораблю, не испытывала пределы моего терпения, даже к андроиду привыкла, хотя, стоило мне открыть нишу, тут же пряталась в уборной. Но этот вариант полностью устраивал нас обоих.

Сама она, хоть и проспала эту ночь крепко и спокойно, теперь отчаянно трусила. Сейчас вот, например, нервно металась по каюте туда-сюда, пока я натягивал подложку — эластичный комбинезон под броню. Металась, металась, а потом, когда я потянулся за защитой, быстро приблизилась и вдруг, обняв за пояс, прижалась к моему боку, норовя спрятать голову под мышкой.

— Ты чего? — растерялся я и неуверенно предположил: — Опять паук, что ли?

Хотя такого пожирающего, цепящего ужаса в ней не ощущалось, но выглядело похоже.

— Лучше бы паук, — судорожно вздохнула она, чуть отстранилась, подняла на меня полный тревоги взгляд. — Не хочу я идти на эту «Тортугу». У меня дурное предчувствие. Да, понимаю, что я сама себя накручиваю, и вообще интуиция моя оставляет желать лучшего, ведь нападения на транспортник я не ожидала, но... Я очень боюсь, что с тобой что-то случится. Что ты не справишься. Прости, — смущенно закончила она и неуверенно попыталась отстраниться, хотя — я чувствовал —

состояние и настроение ее не изменились.

Я удержал. Осторожно обнял одной рукой, прислушался к давно забытому ощущению мягкого, теплого, живого рядом. Вроде и спали вместе, и во время танцев я ее обнимал, но чувство все равно странным образом отличалось. Впрочем, разбираться в этом не хотелось.

— Не волнуйся, в случае чего о тебе позаботится Югер. Конечно, придется немного побороться со своим страхом, но верицец — хорошая защита.

— Спасибо, — чуть отстраненно проговорила она и медленно кивнула, хотя ни выражение лица, ни настроение так и не изменились. — Только я ведь о тебе говорила... Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Неожиданно, — заметил растерянно. — Интересно, и чем я заслужил такую благосклонность? Что, воспоминания о транспортнике отпустили?

Так же медленно Алиса качнула головой, а потом неуверенно пожала плечами:

— Не знаю почему. Просто не хочу. Мне все равно кажется, что ты хороший, хотя я и сама не понимаю, как это возможно. То есть я знаю, что при необходимости ты легко меня убьешь или даже что-то похуже сделаешь, и это совсем не соответствует моему представлению о хорошем человеке. Но все равно ты совсем не такой, как остальные пираты. Тот же Шон, он вроде бы и не особенно плохой, только в нем чувствуется какая-то гниль. А ты... Не знаю. Тебя не должно здесь быть.

От необходимости отвечать на это или, вернее, уходить от ответа меня спас капитан: его голос, прозвучавший как будто со всех сторон одновременно, велел всем явиться на стыковочную палубу в течение пяти минут, иначе...

На этом Серый связь оборвал, предоставив экипажу возможность додумать самостоятельно. А о том, что «все» — это в полном смысле все, включая мою абсолютно бесправную добычу, капитан предупредил меня раньше, когда я вновь попытался вытянуть из него немного информации.

Понятливая Алиса отстранилась сама, и я молча и быстро облачился в броню. Тоже, кстати, продукт и детище корабля, не знаю уж, каким местом и как он это все производил. Ну или где-то в недрах «Ветреницы» имелся солидный запас этих костюмов.

На технической стыковочной палубе, с которой мы уходили на абордаж и через которую производилась погрузка, собрались уже почти все обитатели корабля. Алиса дернулась и вцепилась в мой локоть, обдав знакомой горечью страха: Югер тоже уже был здесь.

Я никогда не любил толпу, особенно толпу плотную — все мое существо протестовало против ограничения собственной подвижности. Поэтому в таких случаях держался у стены. Не изменил этой привычке и сейчас, только еще и Алису задвинул за спину. Та, кажется, после этого бояться стала меньше.

— А шлюха-то живая, — насмешливо заметил старпом Герман, углядевший меня первым. Жестокий садист, имеющий самую нейтральную и мирную наружность. У меня с ним вооруженный нейтралитет: нечего делить. Хотя при случае я бы с удовольствием сжег его большие мозги.

— Так не тебе же досталась, — заметил чернокожий Майк, наш каптенармус.

До крайности хмурый и нелюдимый тип. Я пять лет летаю на этом корабле, но знаю о нем ничтожно мало. Ни предпочтений, ни жизненных ценностей. Вот разве что с капитаном они, кажется, знакомы очень давно и даже дружны. А еще есть ощущение, что Майк испытывает при виде нас всех с трудом сдерживаемое отвращение. Не знаю уж, говорит это о его презрении к пиратам или об общей мизантропии.

— Что, Клякса, не пожалел еще о потраченных деньгах? — ехидно спросил Сопля, но я даже не стал отвечать.

Сейчас видеть все эти лица было как-то особенно противно. Я никогда не питал к обитателям «Ветреницы» симпатии, пусть они и были не самым мерзким из экипажей, но сейчас словно увидел их впервые. Общество Алисы на меня так повлияло, что ли, если разом смахнуло несколько лет жизни не только с нормально заработавшего протеза, но и с меня самого?

Впрочем, плевать. Меня ждет «Тортуга».

— Значит, слушаем сюда. Непонятные предметы руками не трогать, ничему не удивляться и не делать резких движений, — напутствовал капитан, обведя нас всех оценивающим взглядом и на мгновение подольше задержавшись на мне. Ну, или на боязливо выглядывающей из-за моего плеча девчонке.

Послышался протяжный вздох, вместе с которым выравнялось давление между кораблем и внешним пространством, а потом створки шлюза, вздрогнув, раздались в стороны, открывая путь в неизвестность.

ГЛАВА 7, в которой Алиса и Глеб знакомятся с «Тортугой»

Мне казалось, что еще миг — и я все пойму, а теперь мне кажется, еще миг — и я запутаюсь совсем.

Евгений Шварц. Тень

Алиса Лесина

Поначалу было чудовищно страшно — и паук рядом, и остальные мои персональные страшилки во главе с мордатым басом Зуром. Но последний вел себя на удивление прилично, не обращал на нас внимания и вообще казался напряженным и даже напуганным, а многоногий ксенос держался от меня подальше.

Но когда мы выбрались наружу, я напрочь забыла о них.

Трап корабля спускался в небо. Сентябрьское, синее, совершенно земное, чуть припудренное тонкими перьями облаков — оно было везде, корабль словно парил в нем. Густо замешенный на страхе восторг накатил, заставив дрожать колени, голова закружилась. Лазурная бездна заполнила сознание целиком, вытеснив не только прочие переживания, но, кажется, саму личность.

Так и стояла бы я среди пиратов, которые не спешили следовать за капитаном, если бы не Клякса, тащивший меня за собой. Нервы измененного отличались завидной крепостью: он, не замешкавшись ни на секунду, уверенно попирал ногами синеву, шаг в шаг ступая за Серым.

Даже видя, что капитан уверенно идет впереди, я приготовилась к падению. Казалось, что нас, чужих и лишних, небо не удержит, стряхнет, уронит в собственное бескрайнее нутро. Сердце подскочило к горлу и замерло — столкновение с твердой, слегка пружинящей поверхностью оказалось полной неожиданностью. Колени снова подогнулись, и опять меня удержал Глеб.

Только через десяток шагов я сумела немного перевести дух и частично побороть наваждение. В этот же момент я различила среди облаков тонкую, чуть мерцающую сетку с шестигранными, словно соты,

ячейками. Оценить расстояние до нее не получилось, но мне все равно стало немного спокойней: не такое уж оно и бескрайнее, это небо. Обернувшись, чтобы сравнить с единственным реальным ориентиром, кораблем, вновь вздрогнула и попыталась на ходу прижаться поближе к измененному.

«Ветреницы» позади не было, и трапа, и шлюза вместе со всей командой. Все та же безбрежная синева, оплетенная едва видимой паутиной.

— Глеб! — едва слышно позвала я, потеревив мужчину за локоть.

Он хмуро глянул на меня, но тяжелый взгляд пирата не пронял, сейчас этого типа я боялась меньше всего. Так что вместо ответа кивнула назад, сделала страшные глаза. Клякса бросил взгляд через плечо, тонкие губы его сжались плотнее, однако прочесть что-то по лицу было невозможно. Мужчина на ходу кивнул мне и поудобнее перехватил ладонь.

А вот Серый не оглянулся ни разу: судьба команды его, похоже, не беспокоила.

Шли мы несколько минут, и за это время подавляющая душу мертвая тишина неподвижной синевы вокруг совершенно вывела меня из равновесия, и успокаивающие мысли о том, что это на самом деле не бездна, а просто красивая реалистичная картинка, уже не помогали. Я крутила головой, пытаюсь хоть за что-то уцепиться взглядом, и чувствовала возрастающий и крепнущий страх. Он бы меня, наверное, парализовал, если бы не твердая прохладная ладонь измененного — единственный якорь, удерживающий от обморока. И хорошо, если только от него! Терять сознание было очень, очень страшно: откуда-то я точно знала, что проснуться после этого вряд ли получится.

Никогда не думала, что небо — обыкновенное чистое небо — может быть таким жутким.

У меня уже шумело в ушах и ломило в висках, когда путь вдруг закончился. По-настоящему «вдруг»: мы шли и шли, словно оставаясь на месте, а потом один из шестигранников сетки просто растворился в синеве, открыв зыбкую дрожащую черноту, которая разверзлась буквально в метре от нас. Серый, не оборачиваясь, нырнул туда, следом Глеб потянул меня. Судорожно вдохнув, как перед прыжком в ледяную воду, я не выдержала и зажмурилась, хотя упираться и спорить не рискнула.

Шаг, другой — никаких неприятных ощущений, даже под ногами такой же пол.

— Это еще что за?.. — грубо ругнулся чуть в стороне незнакомый мужской голос, и почти одновременно с этим мы остановились.

Рискнув открыть глаза, я с облегчением выдохнула: синяя бездна осталась позади, мы стояли в просторной круглой комнате с матово-белыми стенами и сводчатым потолком, испускающим мягкий, приятный глазу свет. Из мебели — только большой круглый стол, за которым сидели абсолютно незнакомые мне типы. Однако я была почти рада их видеть: несмотря на то что некоторые рожи вызывали подспудное отвращение, это были обыкновенные, понятные живые люди, одетые кто во что горазд. Не знаю, кого я ожидала увидеть на их месте, но такой поворот меня пока полностью устраивал.

Впрочем, все эти ощущения и эмоции не помешали мне отступить за широкую спину бронированного Кляксы и продолжать наблюдать за происходящим уже из этого надежного укрытия. Например, посчитать присутствующих. Помимо нас, их оказалось тринадцать.

— Астероид тебе в задницу, Клякса, ну какого?! — проговорил наш капитан, только получилось у него не зло и не возмущенно, а скорее растерянно, даже брови удивленно взметнулись.

— Что именно? — спокойно уточнил Глеб. Лица его я не видела, но была уверена, что взгляд измененного внимательно изучает пространство и находящихся в нем людей.

— Ты на кой сюда эту шлюху потащил? И как?!

— Ты сам распорядился, чтобы все покинули корабль. — Клякса слегка пожал плечами. — И команды оставить ее где-то по дороге тоже не давал.

На последних словах я на всякий случай еще ближе придвинулась к Глебу и свободной рукой покрепче уцепилась за его локоть. Мужчина не возражал или, может, вообще не заметил.

— Пристрелили ее уже, — проворчал капитан.

— Или я сейчас пристрелю обоих, — добавил, поднимаясь с места, какой-то лысый здоровяк средних лет. По-настоящему огромный, он без труда мог одной ладонью обхватить мою шею и свернуть ее одним движением пальцев.

— Уймись, Смит, — одернул его еще один мужчина — седой, узколицый, с монголоидными чертами лица и аккуратной бородкой, он больше походил на ученого, чем на пирата. — Серый правильный вопрос задал. В дыру — то, зачем он ее сюда привел, главное — как ему это удалось? Я вижу только один вариант: ее разрешили пропустить. А если разрешили, то я бы не советовал поднимать на эту девку руку. Давайте перейдем к делу, недосуг языками трепать. Значит, ты вот этого молодчика прочишь на свое место? — спокойно обратился узколицый к нашему

капитану.

— «Ветреница» его признала, — ответил тот явно нехотя и добавил с нажимом: — Только его.

— Ну что ж. Садись, мальчик. — «Ученый» кивнул, явно имея в виду единственное свободное кресло. На меня этот тип поглядывал с любопытством и затаившейся в уголках глаз усмешкой.

Глеб приблизился к столу, на мгновение замешкался перед креслом, но возражать и уточнять не стал. Мою ладонь положил себе на плечо, и я осталась стоять, одной рукой вцепившись в броню мужчины, второй — в темно-синий материал спинки кресла. На ощупь тот совсем не походил на пластик: был чуть бархатистым, теплым и мягким, словно я касалась не мебели, а какого-то живого существа. Только последняя мысль отчего-то не пугала.

С другой стороны от кресла, сцепив руки за спиной, замер Серый.

Стоять под перекрестьем взглядов было страшно, но наличие какой-никакой опоры и, главное, Глеба придавало достаточно решимости, чтобы не трястись и не пытаться сползти на пол.

— Ишь ты, сообразительный. Я думал, бабу на колени усадит, — вставил еще один из мужчин, мелкий и шустрый светловолосый тип с вислыми усами.

— Значит, ты согласился на предложение Серого? — вновь взял слово седой. — Глеб Жаров, прозвище — Клякса. Землянин, измененный, сорок два года. Комиссован по ранению семь лет назад, спецрота космодесанта. Чуть меньше года отлетал на «Зеленой мечте», выжил единственный из всего экипажа, погибшего от эпидемии какой-то дряни, с тех пор уже пять лет — абордажник на «Ветренице». Родных и каких-либо привязанностей не имеет, — добавил он, насмешливо глянув на меня. — Как-то так.

— Ты мне сейчас кадровика напомнил, — мрачно проговорил Глеб. — Может, еще рассказать, чем меня привлекает работа здесь и кем я вижу себя через пять лет в вашей компании?

— Воздержимся, — весело ответил все тот же тип. Остальные молча разглядывали нас, не спеша принимать участие в беседе. — Ты с нами познакомишься, если выживешь. Никто не возражает против этой кандидатуры?

— Возражает, — подал голос Смит. — Против бабы. Что он, с ней и пойдет?

— Предлагаю оставить этот вопрос тому, кто принимает решения. А мы сейчас говорим только о личности претендента, — спокойно возразил седой.

— Да ладно, сворачивай уже. Все знают, что это формальность. Корабль принял, остальное не наша забота, — оборвал его усатый. — Я жрать хочу, у меня прыжок вот-вот закончится.

— Разумно, — согласился бородатый.

А в следующую секунду пол ушел из-под ног, и я, взвизгнув, провалилась во тьму.

Глеб Жаров (Клякса)

Падение было недолгим и весьма мягким — хозяева станции заботливо подкорректировали гравитацию. Я бы и внимания на него не обратил, если бы не Алиса: ее вопль временно оглушил меня на одно ухо и хорошо, если не контузил.

Поморщившись, я поддержал под локоть пытающуюся упасть девушку. Насколько было бы проще, оставь я ее на корабле под надежным присмотром! Но, увы, возможности такой мне не дали, да и Серый почему-то не догадался сплавить ее в тихое место перед сходкой. Нет, за девчонку можно только порадоваться, что она не потерялась и не осталась с капитанами: вряд ли ее там ожидало что-то хорошее. Но мне-то что делать с таким балластом?

Впрочем, судя по обмолвкам и удивлению Серого, он рассчитывал, что моя добыча отсеется естественным образом, как остальной экипаж. Однако этого по какой-то причине не произошло, и исправлять ситуацию капитаны — вроде бы хозяева станции и кораблей — не стали, потому что не имели права. Какие еще нужны доказательства того, что здесь заправляют совсем не пираты? А кто — это мы сейчас, похоже, выясним.

Мы стояли посреди полупрозрачного куба с ребром в пару метров. За его пределами метались неясные тени и мутные цветные пятна. Появилось неприятное ощущение, что мы находимся внутри какой-то витрины или даже небольшой декоративной вещицы, стоящей на этой самой витрине.

Как и в остальных местах станции, воздух был стерильно-чистым и безвкусным во всех смыслах. Зато чип в голове опять сбоил из-за неспособности определить мое положение в пространстве, и это раздражало: ощущение сродни головокружению, только противнее, потому что дезориентирован орган чувств, которого у тебя вроде бы и нет.

— Что, опять? — с тоской пробормотала Алиса, глухо стукнулась лбом о броню у меня на груди, да в такой позе и замерла. — Мол, отдохнули — и хватит?

Что именно «опять» и какой отдых имелся в виду, я спросить не успел.

— Два разумных объекта. Объект один распознан как человек, соискатель, наименование «Клякса». Объект два не опознан. Соперники? — проговорил механический безликий голос. Поначалу показалось, что звучал он у меня в голове, но Алиса его, судя по реакции, тоже слышала.

— Нет, — поспешил заверить я. — Партнеры.

— Недопустимое состояние. Уточните статус неопределенного разумного объекта, иначе он будет устранен.

— Устранен? — придушенно выдохнула Алиса.

— Собственность, — предупреждая сжав ее локоть, сообщил я в потолок. К счастью, добыча спорить не стала, напряженно затихла под моей рукой.

Несколько мгновений мы тревожно прислушивались, ожидая вердикта: кажется, ответ получился нестандартный.

— Неопределенный разумный объект подтверждает статус собственности? — наконец отозвалось окружающее пространство.

— Подтверждает, — дрогнувшим, севшим голосом сообщила девчонка, не замешкавшись ни на секунду.

Впрочем, я бы на ее месте тоже не думал, если единственная предложенная альтернатива — устранение.

— Принято, — ответил все тот же голос. — Уточните цель испытания.

Я замешкался на мгновение, выстраивая ответ, а в это время Алиса тихонько пробормотала себе под нос со смесью интереса и опасения:

— А что, у них тут много вариантов?

— Любопытная мысль, — хмыкнул я и обратился уже к местной автоматике: — Прошу перечислить возможные варианты.

Занятная, кстати, деталь. При общем весьма высоком уровне развития технологий управление у них голосовое. Специальная версия для отсталых чужаков, не способных освоить иные способы? Или просто для чужаков, а для своих здесь имеется что-то еще?

— Оператор исследовательского челнока, плановое тестирование. Обслуживающий персонал схрана, плановое тестирование, — принялся перечислять тот же электронный голос. «Схран» сразу зацепил внимание: жаргонное словечко в речи примитивного искина царапнуло диссонансом. — Оператор схрана, внеплановое тестирование. Координатор схрана, внеплановое тестирование. Варианты заданий перечислены в порядке возрастания.

— Возрастания чего? — уточнил я озадаченно.

— Понятие не определено, — отозвался интерфейс.

— Почему-то меня это не удивляет. Ну что, Алиса, рисковать — так последним? — пробормотал я. Вопрос был риторический, и задать его я с тем же успехом мог собственному оружию, но девушка все равно решительно кивнула. — Координатор схрона.

— Заявление принято, — прозвучало со всех сторон. — Первая фаза — стандартный пакет испытаний, вторая фаза — индивидуальные испытания координатора схрона.

За этим последовала короткая фраза на непонятном, но словно бы смутно знакомом языке, и мы опять провалились сквозь пол.

Девчонка испуганно вскрикнула, я — уже почти привычно поймал ее, на этот раз подхватив под локти и удержав на весу. После мгновения темноты окружающее пространство вновь кардинально изменилось: теперь мы стояли на краю широкой ленты дороги или чего-то вроде нее. Над головой синело небо, отделенное сеткой — или, вероятнее всего, состоящий из шестигранников купол, отображавший нужный пейзаж. Внизу клубилась серая дымка. По бокам от нашей дороги из дымки в синеву тянулись неопределенные остроконечные конструкции — ледяные иглы, окутанные лентами тусклых огней. Все это вместе напоминало странный город, созданный повернутым на киберпанке архитектором.

— Ура, земля! — Алиса, которую я поставил на ноги, вдруг мягко бухнулась на колени, впечатав ладони в гладкое серебристое покрытие.

— Ты чего? — Я опустился рядом на корточки. Напряжение Алисы схлынуло, оставив после себя громадное облегчение и почти эйфорию.

— А? — Кажется, она смутилась. — Да ничего, просто я не представляю, как ты сохранял такую невозмутимость в той бездне.

— Какой бездне? — уточнил я.

— Ну, в этой синей, вроде неба. Никогда не думала, что обыкновенное чистое небо может так пугать... Еще когда ты шел, я удивлялась, а уж висеть там, в нигде, безо всяких ориентиров, да еще слушать этот потусторонний голос — брр!

— Бездна, значит? Интересно, с чем это связано... — повторил я медленно и, поднявшись, протянул девушке руку. — Пойдем, я не думаю, что нас сюда выкинули отдыхать.

— Логично, — кивнула она. От опоры не отказалась, машинально отряхнула комбинезон, хотя покрытие выглядело чистым, и спросила: — Что с чем связано?

— Мы с тобой видели разное, — пояснил я. — У меня сначала были широкие белые коридоры, потом белая же комната с круглым столом, потом какой-то стеклянный куб, внутри которого мы стояли.

— А у меня вот синяя бездна, потом круглый стол с комнатой и мужиками, и потом снова бездна. Сейчас этот город. Выходит, дальше опять будет бездна? — встревожилась Алиса и вцепилась в мой локоть.

— Если мы до этого «дальше» доберемся, — пробормотал я, выбирая направление.

Лента в обе стороны тянулась совершенно одинаковая, вокруг царило безмолвие — никакого движения воздуха. Пресного, безвкусного, пустого. А впрочем...

— Ваниль или апельсин? — спросил я.

— Апельсин, — не раздумывая, отозвалась моя добыча. — А что?

— Да, я тоже ваниль не люблю, — кивнул и двинулся в выбранном направлении.

Это был не запах, ощущение пульсировало в затылке. Слева — апельсин, соль мажор, справа — ваниль, ля минор. Кажется, очередные выверты измененного восприятия. Знать бы еще, что именно его подстегнуло?

Окружающая тишина — плотная, тяжелая — напрягала и держала на взводе. В резком абрисе шипов-зданий читалась неясная угроза, ее же привкус наполнял воздух и звенел тревожной нотой.

— Алиса, ты умеешь стрелять? — негромко спросил я через несколько секунд.

— Нет, откуда? — Девушка глянула на меня ошеломленно и тряхнула головой.

— Смотри. — Я вынул излучатель из кобуры. — Здесь, под большим пальцем, предохранитель, нажимаешь — загорается красным. Здесь, под указательным, спуск. Нажимаешь — выстрел. Вот здесь, видишь, ползунок? Регулирует мощность импульса. Вот здесь — индикатор заряда. Прицельная дальность небольшая, метров двадцать, пучок — широкий, даже особенно целиться не надо.

— Что, никакого подвоха? А то есть ведь умное оружие, которое работает по генетическому коду владельца, — хмурясь, спросила она, а потом чуть смущенно добавила: — Я в кино видела.

— Есть, но это не тот случай.

— И ты не боишься доверять мне оружие? — недоверчиво уточнила Алиса.

— А что, ты хочешь пристрелить меня прямо здесь и сейчас? — со смешком уточнил я, возвращая излучатель в кобуру, и добавил: — Кроме того, я пока просто инструктирую тебя, на случай каких-то непредвиденных обстоятельств, и ничего не даю.

— Не доверяешь? — противореча себе самой, с ноткой обиды проговорила она.

— Не доверяю, — кивнул, не сдержав ухмылки. — Еще себя поджаришь по неосторожности. К тому же тебе его банально положить некуда, а кобура — часть брони. Нет, чисто теоретически я могу отдать броню целиком, она подстроится под твои габариты, но не буду. Ты не умеешь в ней двигаться и бесполезна как боевая единица, мне гораздо проще тебя прикрыть, да и таскать в случае чего — тоже.

— Да я ничего такого не имела в виду, — стушевалась Алиса и поспешила перевести тему: — Как думаешь, что это за испытания?

— Пока они явно испытывают наше терпение или усыпляют бдительность, — отозвался я, имея в виду безмолвие и запустение, царящие вокруг. — А затем... Узнаем. Может, даже выживем.

Некоторое время мы шли молча, напряженно вглядываясь в окружающий мир. Дорога изогнулась, постепенно приблизилась почти вплотную к строениям, и стало видно то, что издалика только угадывалось или казалось задумкой архитектора. В этом «городе» царили запустение и разруха, причем раны нанесло не время: в стенах зияли кривые оплавленные дыры, очертания некоторых строений несли печать незавершенности — кажется, исчезли целые здания или их части.

— Странно, — пробормотала Алиса. — Неужели эта станция настолько огромная, что здесь поместился целый город? Или нас перенесли на какую-то планету?

— Я бы поставил на то, что это просто картинка, виртуальная реальность. Не знаю, как они нас в нее незаметно запихнули, но не удивляюсь: по части обмана разума здешние хозяева — профи.

— Ну ничего себе, — присвистнула девушка. — Погоди, но ведь если это все понарошку, то и умереть здесь нельзя?

— Не думаю, вряд ли они столь гуманны, и в любом случае не собираюсь проверять. Да и вообще, гораздо интереснее, почему эта виртуальность пропустила тебя, да еще срабатывала с тобой совершенно иначе, чем со всеми остальными. Эта твоя небесная бездна очень напоминает какой-то сбой.

— Лично меня это только радует, — проворчала она. — Я все-таки лучше тут, с тобой, побуду, чем с этим твоим пауком...

— Это временно, пока самое интересное не началось, — отрезал я. — Сомневаюсь, что для получения высшего статуса в местной иерархии достаточно прогуляться по пустому городу.

— Наверное. А почему ты на него замахнулся? Почему не корабль?

— Жадность, — фыркнул я в ответ. — Терять мне нечего, так почему не рискнуть?

Девушка угрюмо покосилась на меня. Пахнуло горечью, но от замечаний о том, что ей-то как раз рисковать и умирать не хочется, Алиса воздержалась. То ли спорить опасалась, то ли помнила, что формально она дала согласие на риск: кивнула же!

Дальше опять двигались молча, и это было очень кстати: я получил возможность сосредоточиться, настроиться и все обдумать. Конечно, строить планы на будущее сейчас бесполезно, но вот оценить прошлое и настоящее — самое время.

По поводу своеобразного восприятия Алисой местных реалий у меня имелась пара предположений.

Во-первых, среди пиратов вообще большинство мужчин, и о присутствии в экипажах «невидимок» женщин я никогда ничего не слышал. Так что не исключено, что Алиса — первая. А что бы там ни говорили борцы за равные права, разница между нами есть, как минимум генетическая. И тот факт, что ее не опознала местная автоматика, может быть результатом именно этого отличия, а не того, что ее не занесли в память системы.

Ну и, во-вторых, не стоит исключать морально-психологический аспект: наивная и светлая девушка явно выделялась на нашем фоне. Если создатели станции — те же существа, что терроризировали в древности планету Югера, может, их оборудование дает сбой при столкновении с совершенно иным психологическим типом.

Ну и, конечно, всегда остается место для чего-то третьего, чего я не могу даже предположить.

Дорога нырнула в дыру между «домами» и разделилась на две, «апельсиновую» и имеющую странный сладковатый привкус. Последний был тоже достаточно приятен, но я, мгновение подумав, свернул за знакомым запахом.

Здесь угрюмая тишина, кажется, еще больше уплотнилась. Стены сблизилась и будто склонились, порой смыкаясь в вышине. Коридор превратился в ущелье, разве что прямые линии и голубоватый, полупрозрачный материал стен нарушали это подобие. Щель заполнял синеватый густой сумрак. Дорога начала разветвляться гораздо чаще, но дальше я не мешкал, уверенно двигался за апельсиновым запахом.

Алиса жалась ближе, хотя старалась держать себя в руках и не цепляться за меня. Она испуганно озиралась, норовила замереть перед каждым провалом и поворотом и вообще едва не тряслась от страха. Не

панического, как при встрече с Югером, но сильного, резкого, который неприятно щекотал горло.

— Чего ты так боишься? — все-таки не удержался я от вопроса.

— Ну ничего себе! А как тут можно не бояться? Такой постап, ^[24] того и гляди, из щелей мутанты полезут...

— Вот когда полезут, тогда можно и пугаться, — пожав плечами, ответил ей. — Какой смысл бояться сейчас? С другой стороны, судя по тому, как этот антураж на тебя действует, это одно из испытаний на выдержку и хладнокровие, помимо собственно выбора пути в лабиринте. Я сразу как-то даже не сообразил. Интересно, местных не устраивает твой страх, нужен именно мой? Как думаешь, если я начну бояться, мутанты действительно полезут?

— Давай не будем проверять? — с надеждой покосилась на меня девушка. Кажется, объяснение повлияло на нее благотворно, страх несколько отступил. Или дело в разговоре, который ее отвлекал? — Кстати о мутантах, а как тут вообще с радиацией?!

— Я не думаю, что у здешних хозяев есть цель гарантированно угробить всех кандидатов. Это не так трудно, и для этого совершенно не обязательно идти сложным путем с долгим облучением и лучевой болезнью.

— Глеб, а мне вот еще что непонятно... Если эти существа так хорошо понимают устройство человеческого мозга, что способны создать столь совершенную виртуальную реальность без вспомогательных средств и играть на страхах, зачем это все нужно? — Она широко повела рукой. — Ведь можно просканировать мозг, быстро проверить необходимые реакции и понять, кто на что годится. Даже у нас, насколько знаю, такие технологии разрабатывают, а здешние создатели явно выше по уровню развития!

— А это и мне непонятно, — ответил я. — Может, они развлекаются за наш счет. Или, может, им религия и моральные нормы запрещают копаться в головах подопытных. Сложно сказать, мы ведь ничего толком не знаем об этих существах. Неизвестно даже, живы они или давно вымерли: совершенная автоматика способна пережить своих создателей.

— Ну да, я в книжке похожее читала. Там тоже была такая станция, только она все развивающиеся цивилизации на корню уничтожала, чтобы избежать конкуренции. И читала всякое про деградацию, когда разумные существа так развивали технику, что она их полностью заменяла, а они существовали как тепличные растения, не приспособленные к жизни. А еще...

Я не перебивал Алису, хотя слушал вполуха, больше сосредоточился

на наблюдении за окружающим. Ничего нового я от нее услышать не мог: почти все версии, касающиеся происхождения «Тортуги», вплоть до нелепых и смешных, я и так знал, их авторы не хуже моей добычи разбирались в фантастике. Меня устраивало, что увлеченная собственной болтовней девушка почти перестала бояться. Конечно, бдительность она потеряла, но это было куда лучше, чем привкус ее страха в горле. Порой я даже что-то отвечал на слова рыжей, и, судя по тому, что пересказ многочисленных фантазий старых и новых авторов не прерывался, отвечал удачно.

Шли долго. Через какое-то время Алисе надоело болтать, да и бояться она устала. А потом и не только бояться: девушка кидала все более заинтересованные взгляды на редкие провалы, ведущие в дома. Для меня оттуда тянуло пылью и плесенью, и любоваться внутренним устройством «ледяных небоскребов» совершенно не хотелось, так что я делал вид, что не замечаю интереса спутницы.

Потом Алиса то ли окончательно устала, то ли просто набралась решимости и предложила возле очередного пролома:

— Может, заглянем туда?

— Зачем? — спросил я, не останавливаясь.

— Ну... вдруг там есть вода или еда? — вздохнула она. — Очень пить хочется. И я почти не завтракала... Кто же знал, что все вот так получится. Да и, честно говоря, присесть, передохнуть очень хочется.

— Туда мы заходить не будем, — твердо сказал я. Заметив тоскливый взгляд девушки, все же решил пояснить, чтобы она не наделала глупостей: — Во всяком случае, пока не попадетсЯ пролом, не вызывающий подозрений. До сих пор такие не попадались, чутью своему я доверяю. Насчет воды и еды — придется некоторое время потерпеть, пока хозяева не решат помочь нам с этим. А что касается отдыха... Когда есть такая возможность, нужно идти. Если станет совсем невмоготу, мне проще тебя нести.

— Это что у них, испытание на выносливость такое? — тяжело вздохнула Алиса.

— На выносливость, выдержку. Любопытство опять же, — глянул я на нее с усмешкой.

— Так я же не претендую на должность хозяйки диковинных космических кораблей. Понятно, что это испытание я завалила бы сразу, — отмахнулась она. — Только жажда от этого меньше не становится.

Дальше опять шли молча. Алиса, один раз высказавшись, больше не жаловалась, и это заслуживало уважения: что для меня легкая прогулка, для

этой домашней девочки — трудное испытание. Я в очередной раз пожалел, что не удалось оставить ее с Югером, да и сама она, наверное, сообразила, что вляпалась в проблемы не по своим силам. Дальше ведь будет только хуже, а варианта «вернуться домой» никто не предлагал.

Алиса упрямо плелась рядом, не прося о помощи, и в конечном итоге я сам остановился, опустил перед спутницей на корточки и велел залезать на спину. Девушка не сразу сообразила, что именно от нее требуется, но потом послушно устроилась у меня на закорках, обхватила ногами за пояс, а руками — за шею. Я подцепил одной рукой ее лодыжки, другой придержал за локоть и, выпрямившись, сделал на пробу несколько шагов. Вес почти не чувствовался, идти с таким я мог долго — и именно это мне, кажется, предстояло.

Наверное, разумней всего девчонку бросить, лучше бы пристрелить, чтобы для нее все закончилось быстро и безболезненно. Но сдаваться сразу, даже не попытавшись вытянуть обоих, было противно. Я, может, заочно приговорен к смерти в Солнечной империи, к тому же за дело, но своих не бросал никогда. А Алиса, как это ни нелепо, уже стала для меня «своей»: слишком привык я к ее присутствию и, что скрывать, привязался к ней самой.

Секрет прост: рядом с ней я чувствовал себя... другим. Сбрасывал разом те лет пятнадцать-двадцать, которые долгим и запутанным маршрутом привели меня на борт «Ветреницы», дышал свободнее и расслаблялся. На удивление, даже после этого возвращаться в прежнюю шкуру было легко: я не перекраивал себя, а словно надевал рабочую униформу.

Я мог бы пресечь процесс этого привыкания раньше, он проходил совершенно осознанно, при полном попустительстве со стороны разума. В другое время, наверное, так и поступил бы, но когда жизнь вышла на финишную прямую, можно позволить себе некоторые поблажки. Я на «Тортуге». «Alea jacta est», жребий брошен. Осталось дойти до конца, и кто обратит внимание на странности в поведении Кляксы?

Или, может, все куда проще, и дело совсем не в привязанности и живом характере Алисы, а просто в том, что я впервые за несколько лет выпался? Комету мне в задницу, знал бы, что это так просто, давно бы уже завел какую-нибудь девицу вместо андроида!

Впрочем, нет, «какую-нибудь» я бы сам вскоре придушил, потому что не смог бы долго находиться с ней в одной комнате. А здесь... Скорее всего, этим и объяснялось мое изначальное милосердие к Алисе: где-то на подсознательном уровне почуял, что она поможет решить проблему.

Коротая время за подобными размышлениями (они скользили по краю сознания, не мешая сосредоточенности), я шел еще довольно долго. Алиса задремала, пристроила голову на плечевом щитке брони и щекотала мне волосами шею. Это был лучший для нее выход: во сне не так хочется пить, да и дорога кажется короче. Время здесь словно замерло, никакой смены дня и ночи, да и пространство было настолько однообразным, что казалось, будто я иду по кругу. Даже несмотря на то, что местность я запоминал прекрасно и был уверен, что ни один из поворотов до сих пор не повторялся.

Было любопытно, что же там, внутри домов, такое и не оно ли является главным испытанием, но не настолько, чтобы сворачивать с выбранного пути. Апельсиновый соль мажор вел меня надежнее любого навигатора, и с каждым шагом, несмотря на вертящиеся в голове вопросы, уверенность в правильности этой дороги крепла.

Однако перемены, несмотря на всю мою к ним готовность и бдительность, все равно начались внезапно. В последнюю секунду, когда мир вокруг уже пошел волнами, я успел дернуть взвизгнувшую Алису вперед, чтобы обхватить обеими руками и прикрыть, и, кажется, повредил ей при этом руку. А потом дорога под ногами выгнулась, опрокинула меня, пошла волной, словно хлыст во время удара. Проскользив на спине несколько метров, я с разгона взлетел в надвинувшуюся со всех сторон темноту — и, на мгновение зависнув в высшей точке траектории, рухнул в неизвестность.

ГЛАВА 8, в которой Алиса танцует, а Глеб — убивает

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно, не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес

Алиса Лесина

Из мутного болота тяжелого, обрывочного сна выдернула боль, прострелившая плечо и вырвавшая из пересохшего горла крик. Меня сдавило, словно тисками, свернуло в позу эмбриона и прижало к чему-то жесткому. Я скорее интуитивно догадалась, чем поняла, что это Клякса перехватил меня поудобнее.

А потом мы упали.

Сердце подскочило к горлу и встало там комом от ощущения перегрузки, потом — ухнуло в пятки от чувства свободного падения. Распахнув глаза, я увидела тьму и задохнулась от ужаса.

Следующий удар пришелся сбоку, потом — снова в спину измененного, а дальше я уже перестала понимать, где верх, где низ, падаем мы или летим. Мы были щепкой, которую ураган, запертый в каком-то лабиринте, трепал, швырял и бил о стены.

Не знаю, как ориентировался в происходящем Глеб, но каким-то чудом он всегда умудрялся принять удар на себя, словно чуял, откуда тот последует. Я же сжалась в его руках, стараясь сгруппироваться и стать как можно меньше. Зажмурилась и горячо молилась, чтобы все это поскорее закончилось. Я уже отчаянно жалела не только о том, что не осталась с Югером, но даже о завершении той бесконечной дороги через мертвый город.

Не знаю, сколько это продолжалось. Показалось, что прошла вечность, прежде чем очередное падение оборвалось вязким всплеском, и мы рухнули в какую-то густую жижу с тошнотворно-сладким запахом гнили. Я чудом умудрилась не хлебнуть от неожиданности этой дряни, а потом с

облегчением почувствовала на лице воздух.

— Погоди, не открывай глаза, это достаточно едкая дрянь, — предостерег меня Клякса.

Я только и сумела, что нервно кивнуть. Мужчина поднялся сам и попытался поставить на ноги меня, однако вышло это далеко не сразу: мышцы свело. Но терпения измененному было не занимать. Он опустился на одно колено, усадил меня на другое и принялся молча разминать сначала локти и плечи, потом — лодыжки. Это и так-то больно, а по свежим синякам, которые покрывали, кажется, добрую половину моего тела, и вовсе почти невыносимо.

Но я, стиснув зубы, терпела, только всхлипывала порой и шипела. Глеб делал то, что необходимо, а времени ждать, пока само пройдет, не было: малейшее промедление могло обернуться очередными неприятностями. Кажется, я начала привыкать к этому месту.

И только когда пытка прекратилась, оставив лишь ломоту в мышцах и ноющую боль в местах ушибов, я заметила еще одну деталь помимо мерзкого гнилостного запаха: лил дождь. Я в первый момент не поверила своим ощущениям и только поэтому не запрокинула лицо, чтобы поймать ртом хоть несколько капель, и тут мой затылок обхватила ладонь Кляксы. Я зажмурилась крепче, ожидая чего-то плохого — не знаю, чего именно и почему, а он вдруг начал тщательно вытирать мне лицо какой-то мягкой тканью. И было в этом простом действии столько отеческой, ласковой заботы, что стало одновременно неловко, смешно и очень тепло на душе.

— Можешь открывать, — наконец разрешил Глеб.

Я с трудом разомкнула слипшиеся веки, заморгала, пытаюсь привыкнуть к свету — тусклый, сероватый, он здесь все же был. Правда, толком не успела оглядеться, а измененный уже вложил мне в руки черную скорлупку собственного шлема — она оказалась легкой и неожиданно тонкой.

— Пей, только медленно, очень маленькими глотками, задерживая воду во рту. Насколько я могу судить, она вполне пригодна.

— А ты? — смущенно спросила я: на дне плескалась пара глотков. Клякса не ответил, лишь выразительно выгнул бровь, и я, стусевавшись, приникла к «чаше».

Очень хотелось не удовлетвориться парой глотков, а осушить по меньшей мере половину такой посуды, но я с трудом заставила себя выполнить указания мужчины.

Наверное, это была самая вкусная вода в моей жизни, даром что тоже отдавала гнильцой. Конечно, хотелось еще, но и эти несколько капель

принесли облегчение.

— Как ты? Цела? — спросил Глеб, забирая у меня посудину.

— Да, более-менее. Спасибо тебе большое! И за вот это падение, и за воду, и за... спасибо, в общем. Мне кажется, я сама точно покалечилась бы!

— Сама бы ты сюда не попала, — поморщился он. — Пойдем, а воды по дороге наберем.

— А... куда? — растерянно спросила я, оглядевшись. — Мы не будем ходить кругами?

От горизонта до горизонта раскинулась плоская угрюмая равнина. Ее устилала та самая буро-зеленая масса, в которую мы плюхнулись, где-то более светлая, разбавленная водой, где-то — собирающаяся в комки. Плотная пелена дождя свисала с низких, желтовато-серых, тоже словно бы грязных облаков. И все. Ни камня, ни дерева, ни какого-то другого ориентира.

— Что-то мне подсказывает, что именно здесь разницы нет, — со смешком ответил Клякса. — А идти надо. Ты не чувствуешь? Если стоять на месте, начинаешь вязнуть, так что нужно шевелиться.

— Ой! И правда, — пробормотала я, с усилием выдергивая ногу из вонючей трясины, и добавила с нервным смешком: — Какое неприятное ощущение, как будто кто-то за ногу схватил.

А в следующее мгновение мое бедро опалило жаром от скользнувшего совсем рядом энергетического сгустка — выстрела.

— Ты чего? — выдохнула я, испуганно уставившись на Глеба.

Тот без объяснений рывком придвинул меня ближе, опять выстрелил. Развернулся вполоборота, пальнул еще раз.

Кажется, началось то, ради чего нас сюда бросили. Из жижи под ногами поднимались... существа. Зеленоватые змеи-щупальца, волосатые твари, похожие на огромных облезлых собак, и человекоподобные образины, от одного вида которых к горлу подкатывала тошнота: они напоминали ходячие гниющие трупы.

Клякса опять повернулся, дернул меня, выстрелил снова.

— Шевелись! — рявкнул коротко.

— Но как?.. Куда?! Я же не знаю... — промямлила беспомощно.

Новый рывок, опять выстрелы.

— Танцевать умеешь? Тогда танцуй! — процедил мужчина.

Не веря, что все это происходит на самом деле, я постаралась выполнить короткий приказ. Неуверенно положила ладони Глебу на плечи и попыталась представить, что вокруг нет ничего — ни липкой жижи под ногами, ни омерзительных тварей, ни бесшумных вспышек выстрелов.

Просто такой странный танец на три вальсовых счета, которые я, как заклинание, шептала себе под нос.

Получилось не сразу, но совместные занятия на корабле пошли впрок, за эти несколько дней я научилась чувствовать Глеба как партнера. С ним было легко в танце: наши тела понимали друг друга, и оставалось вынудить разум отступить, не мешать. Вскоре мерный ритм начал управлять движениями — и моими, и Кляксы, и даже, кажется, поднимающихся из жижи под ногами существ. Сердце в груди стучало размеренно, в такт, не поддаваясь пульсирующему где-то в горле страху — глухому, тусклому и обыденному, вроде застарелой утомительной привычки.

Восприятие сделалось обрывочным, разум цеплялся за отдельные яркие детали. Ощущение твердой прохлады брони под ладонями. Щекочущие кожу струйки воды, сбегаящие по рукам, лбу, щекам, шее. Облепившие лицо волосы. Бьющий в нос запах гнили и гари, дерущий небо и скручивающий пустой желудок в узел. Срывающиеся с подбородка Глеба капли — совсем рядом, перед глазами. Плотно сжатые тонкие губы мужчины — неподвижные, спокойные, словно высеченные из мрамора.

Раз — шаг, два — поворот, три — выстрел. С двух рук, спокойно, механически. Проходили минута за минутой и складывались в вечность: казалось, что этот безумный танец никогда не закончится.

О том, что это «никогда» неприменимо к зарядам излучателя, я старалась не думать. Ведь Клякса был уверен, что это испытание, а не изощренный способ убийства, — значит, до рукопашной с тварями не дойдет. И ведь кто-то проходил эти испытания раньше, а они наверняка уступали моему измененному — совершенной машине для убийств.

Все закончилось неожиданно. Сделав очередной шаг, Глеб просто остановился, придержал меня за талию одной рукой. Мои ноги в то же мгновение подогнулись от усталости, словно именно этого сигнала и ждали. Я повисла на мужчине, вцепившись в броню.

— Живая? — уточнил Клякса с легкой насмешкой в голосе.

— Сложно сказать, — пробормотала, прислушиваясь к ощущениям. К боли от синяков добавились гул в ногах и тик правой икроножной, которую свело от усталости. — Ведь если что-то болит, значит как минимум нервная система существует и даже работает...

— Логично, — легко рассмеялся Глеб, возмутительно спокойный и свежий, как будто произошедшее было для него легкой разминкой и жизнью он только что не рисковал.

А впрочем, что я знаю о его прошлом? Умение убивать без колебаний бывает врожденным только у психов, а Клякса даже слишком нормальный,

особенно в сравнении со своим окружением. Может, для него это и впрямь рядовое событие, далеко не самое страшное в биографии.

— Ты молодец, хорошо держалась, — похвалил Глеб, осторожно пытаясь утвердить меня на ногах. — Сможешь постоять немного? Мстить, так до конца.

— Кому? — растерянно уточнила я. Ноги, конечно, тряслись, но вроде бы больше не подгибались.

— Вот этим всем. — Он неопределенно кивнул в сторону.

Я первый раз за последнее время оторвала взгляд от мужчины и осмотрелась. Лучше бы я этого не делала! Пейзаж вокруг заметно разнообразился новыми деталями: торчащими из бурой жижи трупами. К горлу подступила тошнота, и я поспешила зажмуриться, дав себе возможность привыкнуть и перетерпеть. Конечно, в морге нам всякое показывали, и тухляков — в том числе. Может, если бы я пошла учиться на патологоанатома или судмедэксперта, меня бы и такой пейзаж не задел, но сейчас это было все-таки слишком.

— И как ты собрался им мстить? Ты вроде и так их убил.

— Они-то нас явно не просто убить собирались, но еще и отобедать.

— Ты что, серьезно?! — Я от неожиданности открыла глаза и уставилась на измененного, который невозмутимо разглядывал ближайšie останки волосатой твари. — Ты это есть собрался?!

— Сначала нужно уточнить, насколько оно съедобно. Если все нормально, то — да, не вижу причины этого не сделать, — невозмутимо ответил Глеб, что-то переключил в настройках излучателя и с его помощью отделил от туши лапу. Я поспешила отвести взгляд и уставиться в небо: оно в нынешних обстоятельствах оказалось единственным, на что можно было смотреть без отвращения. А еще оно дарило крупные капли дождя, которые можно было ловить губами и катать на языке.

— Да лучше вообще ничего, чем это!

— Не согласен, — возразил Клякса. — Все эти развлечения отнимают много сил, нужно восстанавливать энергетические потери организма. Других источников у меня нет. Хм, вроде бы не ядовито... Точно не будешь? Есть два варианта: сырое и слегка подгорелое. Эта пушка на малой мощности плохо подходит для готовки.

— Точно, — проворчала я. — Ты специально издеваешься, да?

— И да, и нет. Я действительно собираюсь это есть и действительно рекомендую тебе перешагнуть через собственную брезгливость, потому что неизвестно, когда еще представится возможность съесть хоть что-то. Но твоя нервная реакция меня веселит. На, попробуй. Представь, что это дичь,

какая-нибудь утка.

Глеб подошел вплотную и протянул мне небольшой бесформенный кусок мяса, слегка подгорелого, но ничего ужасного в нем и вправду не было — если не вспоминать об источнике происхождения этого продукта.

— А как ты определил, что оно съедобно? И воду раньше признал пригодной?

— Эта броня очень удобная и многофункциональная, — пояснил он. — Есть встроенные анализаторы — и среды, и объектов, и продуктов.

— Но ведь это получается не очень честно, — задумчиво заметила я, забирая у Кляксы предложенную еду и делая вместе с ним шаг в сторону: трясина продолжала засасывать, если стоять неподвижно. — Времени на подготовку совсем не было, а если бы у тебя не оказалось при себе оружия и такой полезной брони?

— А Тьма знает, — пожал плечами Глеб. — Может, выдали бы какое-то снаряжение. А может, не выдали бы. Вроде как первая проверка: всегда будь готов к неприятностям, а если не готов — то и для службы здешним хозяевам не годишься.

Мясо оказалось жестким, с привкусом угля, словно я жевала горелый пластик. Утешая себя тем, что могло быть гораздо хуже, я с отвращением сжевала предложенный кусок и запила водой из шлема, понимая, что больше не смогу запихнуть в себя ни грамма. Теперь оставалось надеяться, что анализаторы пиратской брони вполне исправны и я не умру в муках от употребления этого продукта.

Тошнота же отступала, если не смотреть по сторонам, а разглядывать, например, измененного. Видимо, подсознание мое тоже понимало, что другой пищи не будет.

Спустившись взглядом к креплению с излучателем на правом бедре мужчины, я вдруг вспомнила одну деталь, зацепившую внимание несколько минут назад, во время драки, и спросила:

— Глеб, а мне показалось или ты правда стрелял с двух рук?

— Не показалось, — после короткой паузы ответил он. Выставил перед собой правый локоть, протез; только теперь я обратила внимание, что броня эту руку не закрывала. На моих глазах псевдокожа раздалась в стороны вместе с защитными тканями, и из руки выдвинулось... нечто. Наверное, оружие.

— Ничего себе, — озадаченно пробормотала я. — Так вот почему этот протез выглядит так странно и отличается от стандартной модели! Я слышала, что проводились эксперименты по созданию таких вот штук, но не знала, что они увенчались успехом.

— О таких вещах не заявляют публично, — отмахнулся Глеб. Излучатель скрылся, и мне захотелось протереть глаза: псевдокожа выглядела гладкой и ровной, никаких намеков на стык тканей.

— Выходит, ты вооружен всегда? А зачем тогда вот этот излучатель?

— Во-первых, встроенный слабее, заряд у него меньше, да и других недостатков хватает. А во-вторых, это нечто вроде джокера в рукаве, о нем даже в команде никто не знает.

— То есть это тайна? И ты ее почему-то мне доверил? — Я подняла озадаченный взгляд на лицо мужчины.

— А какой смысл в ней сейчас? — Он усмехнулся уголками губ. — Если выживем, все это будет уже не важно, а если не выживем — тогда тем более. Ну и — да, ты вряд ли как-то используешь эту информацию против меня, так почему бы не доверить. Тебе не холодно?

— Нет, терморегуляция костюма пока работает. — Я качнула головой. — Глеб, а почему ты меня до сих пор не бросил, возишься со мной? Я ведь обуза, совершенно бесполезная сейчас...

— Помнишь, в детстве сказки были? «Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе еще пригожусь!» — писклявым, кривляющимся тоном передразнил Клякса. — Вот и ты — вдруг согласишься? Да и привык я к тебе, привязался. Жалко. — Он улыбнулся, чуть насмешливо, тепло и искренне, так что смысл сказанного почти ускользнул. Да, не признание в любви, не обещание выжить и бороться до конца, но от этой улыбки стало легче дышать и теплее на сердце. В это мгновение мне верилось, что все закончится хорошо.

— Ладно, пойдем, лисеныш, это явно еще не конец, — позвал Глеб.

И вот странно: меня всегда раздражало это «лиса-Алиса» и то, что фамилию мою порой писали через «и». Но у Кляксы сейчас получилось так уютно и по-доброму, что я и сама невольно улыбнулась.

— Куда? К следующей порции вот этих? — Я кивнула в сторону. Видимо, уже притерпелась, потому что тошнота к горлу больше не подкатывала, да и съеденный кусок мяса не рвался наружу.

— Не думаю. Что-то мне подсказывает — повторяться они не будут. Ты не обратила внимания?

— На что?

— Пейзаж меняется.

Я вновь огляделась и не сдержала нервного вздоха. Равнина вокруг уже не была столь монотонной, хотя менее унылой выглядеть не стала. С одной стороны вдали небо и землю разделила светлая полоса, словно там заканчивались тучи и выглядывало солнце. Там над трясинной поднялись

низкие, лысые и корявые уродцы-деревца, которые вдали как будто становились выше.

— Туда, к свету? — уточнила я.

— Ну да, нас явно приглашают дальше, на следующий уровень. Только иди-ка сюда, я лучше еще немного побуду выючным животным, а то с твоей скоростью мы будем плестись еще долго.

— Честно говоря, с радостью!

— Кто бы сомневался.

Прижиматься к твердой броне мужчины свежими синяками было не совсем приятно, но все равно лучше, чем идти своими ногами: они с трудом держали, и я бы в самом деле еле плелась. А Глеб шагал твердо и уверенно, словно был выспавшимся и отдохнувшим. Пугающая выносливость. Главным образом, конечно, пугающая не сама по себе, а ценой, которая за все это заплачена...

Деревья приближались медленно, и различать их с каждым мгновением становилось все сложнее: дождь превратился в сплошной поток. Кляксу вода не тревожила совершенно, он убрал шлем, оказавшийся складным, и преспокойно мок. А у меня не было вариантов, оставалось только прижимать подбородком воротник комбинезона и радоваться, что сделана моя одежда из хорошей современной ткани, которая защищает от перепадов температуры, дышит и при этом не пропускает воду, иначе к синякам я рисковала добавить пневмонию.

— Какое-то странное испытание, — проворчала я. — Почему нельзя сразу выдать всех монстров, ты бы их расстрелял, и мы бы вернулись на корабль?

— И какой смысл тогда в этих монстрах? — со смешком ответил Глеб. — Сражаться бодрым и отдохнувшим или после долгого изнурительного перехода — большая разница. Первое — скорее подвижная игра, просто с высокими ставками, а второе — жизнь. Реальный противник не станет ждать, пока ты выспишься, разомнешься и настроишься на драку. Застать врага врасплох — вымотавшимся и уставшим или, наоборот, расслабленным и безмятежным — уже половина победы, это азы тактики, аксиома. Очевидно, расчет здесь именно на одно из двух, и остается выбирать что-то из этих вариантов, по самочувствию. У меня после изменения проблемы с фазой, так что я предпочту устать, чем рисковать не проснуться вовремя, тебе я караул не доверю. Ну, не просто так в задницу никто не ходит поодиночке.

— Чего? — ошарашенно переспросила я, решив, что не так расслышала. — С чем проблемы? Куда не ходит?

Клякса в ответ рассмеялся:

— Прости, это привычка. Когда начинаю разговаривать на армейские темы, машинально перехожу на жаргон. Фаза — это сон, а второе — это задание особой важности.

— Глеб, а почему ты все-таки ушел из армии после ранения? — набравшись наглости, спросила я. — Инструктором не остался и даже в полицию не пошел...

— Инструкторам столько не платят, — отозвался Клякса.

— Наверное. Только мне все равно не верится, что ты пошел на это ради денег.

— Почему?

— Ну... Если бы деньги столько для тебя значили, ты бы не отдал такую огромную сумму за мою жизнь, руководствуясь при этом каким-то там чутьем. Мне так кажется. А еще мне кажется, что люди столь резко и сильно не меняются: шесть лет назад ты пошел в пираты за деньгами, а теперь вдруг передумал. И вообще, ты совсем не похож на человека, который отчаянно любит деньги. Наоборот, относишься к ним легче подавляющего большинства моих знакомых.

— А может, у меня альтернативы не было? — спросил Глеб. Похоже, разговор этот его забавлял.

— Не знаю. Не думаю... — неуверенно пробормотала я. — Мне кажется, ты и до изменения был очень хорошим и талантливым бойцом, вряд ли такой не сумел бы устроиться. Отец говорил, что в учебках постоянно нехватка компетентных кадров с боевым опытом, а ранение ведь ты не просто так получил, не уснул пьяным в сугробе...

Несколько шагов Клякса сделал молча. Я уже начала думать, что он вообще ничего не ответит, но он вдруг насмешливо хмыкнул:

— Забавно.

— Что именно?

— Ты забавная, — пояснил он, хотя понятнее не стало. — И еще забавно видеть, насколько выводы зависят от призмы восприятия. Серый, капитан «Ветреницы», при всей его подозрительности не выказал сомнений. И почему я, по твоему мнению, пошел в пираты?

— Ты кому-то мстишь? — ткнула я пальцем в небо. — Ну, конфликт какой-то серьезный был со старшими по званию, или, может, кто-то еще как-то сильно тебя обидел... В общем, это точно что-то личное!

— Забавно, — со смешком повторил Клякса. — Можно сказать и так, да. Личное, — уронил он тяжело, веско, явно вкладывая в это слово какой-то особенный смысл.

Дальнейших пояснений не последовало. Несколько секунд я еще ждала — может, Глеб передумает, — но мужчина явно посчитал тему закрытой. Очень хотелось все-таки выяснить правду, но настаивать я не стала, не до того.

Тем более что предположение у меня после этого его «личного» появилось — простое и очевидное, и странно, что раньше оно не пришло в голову. Наверное, все дело в какой-то женщине. Может быть, она бросила Кляксу после ранения или, хуже того, ушла к другому, попрекая его деньгами, вот он и разозлился. Наверное, он сильно ее любил...

Не знаю почему, но Глеб, несмотря на его хладнокровие и сдержанность, все равно казался натурой страстной и увлекающейся. Это мнение сложилось после наших совместных танцев: Клякса не механически двигался, а чувствовал и любил музыку, и процесс доставлял ему удовольствие.

А еще в пользу этой версии говорили андроид и рассуждения Кляксы о женщинах, когда он рассказывал, какие они вызывают у него эмоции. Он ведь ни словом не упомянул о близости по взаимному согласию, словно для него подобного варианта не существовало! Очень похоже на последствия обиды: воспитание, привычки, глубоко въевшийся кодекс чести офицера не позволяли ему измываться над слабыми и высказываться о них совсем уж уничижительно, вот он и выбрал вариант, который устраивал со всех сторон, — приобрести андроида и вычеркнуть любые чувства из собственной жизни.

От этих рассуждений любопытство разгорелось еще больше, ужасно захотелось узнать, какой женщина была. А еще на примерах из жизни доказать, что не все такие, и вообще, жизнь на этом не кончается, — но я, к счастью, сдержалась. Вряд ли Глеб захочет выслушивать такие рассуждения от кого бы то ни было, а уж тем более — от девчонки, у которой опыт близких отношений сводится к чтению книжек про любовь.

Так что я решила поступить мудро и сменить тему, направив и собственные мысли, и мысли Кляксы в другую сторону.

— Какие странные деревья, — заметила, взглядываясь в скрытые дождем силуэты, которые были уже достаточно близко.

— Деревья? — переспросил Глеб чуть рассеянно. — Да уж, деревья те еще... Может, тебе глаза прикрыть? — предложил он с сомнением.

— Зачем? — опешила я. — Что там не так?

— С головой у хозяина этого места что-то не так, — проворчал Глеб. — Зрелище крайне неаппетитное.

— Еще хуже, чем те монстры, которых ты расстрелял? И которых мы

потом ели? — не удержалась я от иронии.

— Да. *Вот это* даже я в здравом уме съесть не смог бы. Ну или надо очень, очень долго голодать.

— Ты можешь толком сказать, что там такое?! — возмутилась я, потому что слова Кляксы возымели обратный эффект: я начала вытягивать шею, чтобы рассмотреть изломанные силуэты повнимательнее. Любопытство зудело все сильнее.

— Хм. Наверное, правильнее всего будет назвать это «расчлененкой».

— Чего?!

— Изуродованные фрагментированные трупы. Человеческие или кого-то, очень близкого к людям. Так понятнее? — с нотками сарказма уточнил он.

— Это я поняла, но как это может выглядеть деревьями?! И как ты вообще это видишь, у тебя там бинокль встроенный?!

— Да, — усмехнулся он. — Встроенный в броню.

Только теперь я наконец обратила внимание, что глаза измененного закрывала прозрачная полоса защитных очков. Видимо, не только защитных.

— Так, может, стоит это обойти? Если даже тебе неудобно, — пробормотала я. Фантазия, к счастью, оказалась бессильной представить нечто, способное впечатлить пирата, но здравый смысл подсказывал, что мне это понравится еще меньше.

— Я уверен, что такая возможность местными творцами не предусмотрена, и даже пытаться не стану. Поэтому и предложил тебе закрыть глаза, это самый простой вариант.

— Зная себя... Не поможет, я все равно не удержусь. Если только завязать, и руки еще за спиной, для надежности, — вздохнула я. — Но все равно ведь нечем.

— Это было бы... весьма интригующе, — с расстановкой, каким-то непонятым тоном проговорил Глеб, больше себе под нос, чем отвечая на мои слова.

— Что именно? — не поняла я.

— Вин! — насмешливо фыркнул он. — Не обращай внимания, мысли вслух. А что до пейзажа — может, тебя-то как раз не проймет до рвоты, все-таки врач.

И сразу после этих слов я наконец-то смогла сообразить, что именно приняла за деревья. То ли мы подошли достаточно близко, то ли дождь пошел на убыль, то ли объяснения Кляксы сдвинули что-то в моем восприятии, заставив связать картинку и суть.

— Да они, по-моему, больны на всю голову, — пробормотала я.

Нет, тошнить меня от увиденного не начало, тут Глеб оказался прав. Но это было настолько странно, настолько чудовищно, что не вызывало никакого эмоционального отклика, кроме отрешенной растерянности и недоверия к собственным глазам. А наличие во всем этом какой-то извращенной, безумной логики одновременно завораживало и вызывало холодок, бегущий по спине.

«Деревья» состояли из разделенных на части тел, натянутых на какую-то серую основу — или сросшихся с ней. Кости-ветки, скрепленные вытянутыми, разобранными на волокна мышцами и сухожилиями; листья — ошметки желтоватой с просинью кожи; внутренние органы — плоды и гирлянды из кишок на ветках. Каждое дерево явно состояло из нескольких трупов, но у каждого имелось по одной целой голове, и неподвижный взгляд остекленевших глаз пугал по-настоящему. Не зря покойникам всегда закрывают глаза...

— Кем нужно быть, чтобы придумать *вот это*?!

— Ну, для этого определенно нужно иметь фантазию, — флегматично ответил Глеб.

— И что, интересно, они этим проверяют? — продолжила я негодовать. — Брезгливость?

— И ее тоже, но не только. Видишь ли, эти лица мне знакомы, — невозмутимо пояснил он. — Родные, друзья — все близкие люди.

— И ты говоришь об этом так спокойно?! — поражено уточнила я.

— Вот именно на это испытание рассчитано, — кивнул Клякса. — Я ведь знаю, что это просто картинки, вынутые из моей головы. Большинство этих людей давно уже умерли, кого-то я хоронил сам. Судьба остальных мне, конечно, неизвестна, но это не повод думать, что передо мной именно их трупы. Понимаешь, здешние хозяева с их технологиями легко способны заставить любого человека поверить в правдивость происходящего, как обманывают сейчас наше зрение, осязание и остальные чувства. А если они так не поступают, значит, это просто испытание, цель которого — отсеять слабых и психически неустойчивых.

— Но почему именно так?!

— Спроси что-нибудь полегче. — Он чуть пожал плечами. Пару мгновений помолчал и добавил задумчиво: — Вообще, все это что-то напоминает, но я никак не могу вспомнить, что именно.

Меня передернуло.

— Я такого точно никогда не видела! А то бы запомнила, — пробормотала угрюмо. Мне даже не хотелось представлять, что где-то

существует место, подобное этому.

— Хорошо, что ты не закрыла глаза, — вдруг ровно заметил Клякса.

— Почему?

— Когда придется бежать, все это не станет неприятным сюрпризом.

— «Когда»? Не «если»? Что за пессимизм? — растерянно спросила я. — Может, отстреляться получится!

— Потому что они начали моргать и шевелиться вне зависимости от ветра. И мне совсем не верится, что они ограничатся исключительно психологической атакой, — разъярил Глеб и сбавил шаг. — Слезай, приехали.

Я страдальчески вздохнула, но ничего не сказала и неловко сползла по спине мужчины.

— К хорошему быстро привыкаешь? — усмехнулся он и выдвинул меня вперед.

— Что, теперь ты на мне поедешь? — нервно хихикнула я, оглянувшись через плечо.

— Боюсь, это будет слишком медленно, — возразил он и одной рукой ухватился за задний карман моего комбинезона. — Двинулись.

Я поспешила отвернуться, радуясь, что Глеб не видит моих вспыхнувших щек: почему-то это прикосновение ужасно смутило. Карман-то на ионе, и рука мужчины, получается, там же...

По-моему, это была самая глупая и неуместная мысль в моей жизни. Клякса — убийца, он не интересуется «живыми женщинами», на корабле мы спали вместе, тут он всю дорогу тащил меня на себе, обстоятельства тем более ни к чему такому не располагали — и нате вам!

Может, я уже умом тронулась от всего этого безобразия?

— А почему мы идем именно так? — поспешила спросить я, старательно вытряхивая из головы всяческие глупости и пытаясь сосредоточиться на дороге.

— Так мне проще контролировать обстановку и тебя, — пояснил Глеб.

Ступала я осторожно, морщась при каждом шаге: ноги успели затечь, да и синяки беспокоили. Но, к счастью, идти здесь было гораздо проще, чем плюхать по болоту: почти ровное каменистое плато обеспечивало надежную опору. Тяжело дались первые несколько шагов, а потом мышцы немного разогрелись, и я зашагала уверенней.

Вот только пейзаж вызывал нервную дрожь и желание оказаться как можно дальше от этого места. «Деревья» впрямь... моргали. А еще чуть поводили головами (в самом деле, а не в моем воображении), провожая нас мутными мертвыми взглядами. Тихо, пока бессистемно, двигались ветви-

руки, мерно постукивая костяшками. Звук напоминал бамбуковый ветряной колокольчик. От него шевелились волосы на затылке.

«Музыка ветра» постепенно становилась громче и богаче оттенками, заполняла окружающее пространство и понукала, подбивая перейти на бег. Края этого проклятого «леса» не было видно, а расстаться с ним хотелось как можно скорее. Разумом я понимала, что убежать отсюда не получится — все это только вступление, и без «основной части» никто нас не выпустит, — но разум пасовал. Держали только твердая рука пирата и прочная ткань комбинезона.

Глеб Жаров (Клякса)

Страх Алисы в этот раз был... бодрящим. Как кофе с хорошей щепотью перца. Он пек в горле и заставлял смотреть на мир широко раскрытыми глазами, смывал не критичную пока, но накопившуюся усталость. Неожиданный эффект, но очень уместный. Хотелось немного поэкспериментировать и выяснить, чем этот испуг отличается от всех прочих, но сейчас я не рискнул: еще собью девчонку со столь полезного настроения.

Да и нехорошо ее дополнительно мучить, и так несладко приходится. А ведь она молодец, продолжает держаться. Выносливости, правда, никакой, ну да откуда ей взяться: Алиса же не боец десанта, чтобы тренироваться совершать марш-броски.

Окружающий пейзаж уже примелькался и перестал вызывать какие-либо эмоции, остались только чувство настороженности и готовность к грядущим неприятностям. Хитровыгнутые трупы я уже рассматривал не как изуродованные останки, а как странных опасных тварей, готовящих нападение. Больше того, они уже потихоньку начинали вызывать чисто гастрономический интерес, но я не спешил идти на поводу у тела, жаждущего восполнить энергетические потери за счет любого условно подходящего для этой цели вещества. Все же не настолько я еще оголодал, чтобы совершенно терять человеческий облик.

Ну а потом вовсе стало не до чувства голода.

Напали твари примерно так, как я ожидал: несколько «веток» когтистыми лапами с размаху хлестнули по тому месту, где должна была в этот момент оказаться Алиса. Я метнулся вперед, подхватив девчонку за талию, уводя с линии удара. Лапы-плетки просвистели вхолостую, лишь слегка чиркнули по спине брони и противно хрустнули о камни.

Моя абордажная доля на этот раз даже не пикнула. Наверное, начала

привыкать.

Выстрелил я на пробу, не особенно рассчитывая на результат: вряд ли в этот раз удастся отделаться так же легко, словно на тренировке в тире. Эффект оказался чуть лучше, чем никакой. Главное достоинство «Фена» обернулось недостатком, органики в этом «нечто», несмотря на внешний вид, было немного, и выстрел скорее раззадорил существо, чем повредил. А на «Сюрприз»^[25] из протеза и вовсе не стоило надеяться. Эх, «Фугу»^[26] бы сюда!

Удостоверившись, что отстреляться или хотя бы расчистить путь не получится, я двинулся вперед. Два шага вперед. Шаг назад. Шаг с поворотом. Уклониться, подставив под когти защищенную спину. Шаг, шаг, поворот...

Мы опять танцевали. Не знаю, сознавала ли это Алиса, или просто бездумно подчинялась моим движениям, но выходило хорошо. Главное, эффективно.

Смешно. Последний раз, до вот этой дорогостоящей покупки, я танцевал, кажется, лет в десять. Мать вбила себе в голову, что именно это — достойное и полезное занятие, а отец не стал спорить, просто заодно сдал меня на боевые искусства. Вот только я не помню, когда, чем и почему эти танцы закончились. Наверное, я сорвал какое-нибудь важное мероприятие или с кем-то подрался. Как обычно.

Посторонние мысли совсем не сбивали настрой и не отвлекали. Даже наоборот: занятый своими проблемами разум не мешал телу действовать.

Будь я один, не стал бы так изгаляться, броня вполне защищала от ударов. Заманчиво было также попробовать прикрыть собой девчонку и отдохнуть, но я не мог обеспечить ей столь же полную защиту, а рисковать не хотелось. Не удивлюсь, если эти существа еще и ядовитые, так что одна царапина — и путешествие Алисы закончится. Поэтому я двигался вперед, внимательно глядя по сторонам в поисках какой-нибудь расселины, способной повысить наши шансы на жизнь. Пока без толку — шаг за шагом, минута за минутой.

Девчонка держалась на одном упрямстве, ну и на мне и полностью отрешилась от действительности. Я пока еще не так вымотался физически, но однообразие происходящего раздражало.

А когда весь этот сюрреализм начал всерьез злить, мы вдруг снова рухнули во тьму.

ГЛАВА 9, в которой Алиса вспоминает о своей профессии

Для воевавших война никогда не кончается.

Курцио Малапарте. Эссе

Глеб Жаров (Клякса)

Полет оказался недолгим, а приземление — неожиданным. Я готовился сразу действовать, отбивать очередное нападение или быстро двигаться, но вместо всего этого просто рухнул в кресло. Следом на меня упала Алиса и зашипела от боли, с размаху ударившись о броню.

Я придержал девушку за талию и огляделся, не убирая ладони с рукояти «Фена».

Комната была безликой, очень похожей на тот зал, откуда меня «проводили на экзамен». Гладкие белые стены, светящийся потолок, небольшой круглый стол и пара кресел возле него. Единственным оживлявшим обстановку предметом была непонятная объемная конструкция из трубочек и светящихся нитей, росшая из пола чуть в стороне. Я даже не пытался понять ее назначение: это с равным успехом могло быть и украшением, и жизненно важным прибором.

В момент нашего появления комната была пуста, но стоило отвести взгляд — и в кресле напротив возник... человек. Сам момент его появления я пропустил, но почти сразу среагировал на изменения в окружающем пространстве.

— Предсказуемо. Но хорошо, что ты все-таки не выстрелил, — заметил незнакомец.

Был этот тип настолько никаким, что внешность его больше подошла бы какой-то программе, чем живому существу. Тонкий, бледный, с тусклыми сероватыми волосами, редкими и коротко остриженными, одет во что-то светло-серое и бесформенное. Во всем его облике привлекала внимание только небольшая подвеска на какой-то полупрозрачной, почти незаметной нити, надетая на шею и лежащая поверх складок одежды. Явно символ — может, некой планеты, а может, чего-то еще. Широкое кривое

кольцо сантиметров пяти в диаметре, кажется, завернутое лентой Мебиуса, охватывало небольшой золотистый шарик — не то светящийся, не то опалесцирующий.

От того, чтобы признать незнакомца программой, меня удерживали два обстоятельства: он воспринимался как живой человек, то есть со своим цветом и запахом — коричнево-сладким, а еще обладал слишком живой и выразительной мимикой. Хотя вторую деталь сложно было счесть весомым доказательством: кто знает, какой логикой могли руководствоваться его создатели!

Алиса вздрогнула от чужого голоса, прижалась ко мне и, оглянувшись на незнакомца, замерла настороженным зверьком.

— Кто ты? — спросил я ровным голосом. Агрессии тип пока не проявлял, но именно — пока.

— Можешь звать меня Акро, — отозвался он. — А ты хорош. Правда, хорош. Наверное, лучший, кто приходил сюда за все годы. Даже скучно было наблюдать, словно программа работает: ни ошибок, ни неверных шагов... Ты знаешь, что твоя меткость стремится к единице? Три девятки после запятой, результат отличной автоматике, а не живого существа.

— Ты не ответил. Кто ты? Один из хозяев этой станции?

— Хозяев, обитателей. Да. — Он усмехнулся — жестко, недобро.

— А капитаны кораблей?

— Руки, глаза и другие источники информации и удовольствий. А еще... как это у вас называется? Страховка. Даже когда противники слабы, а автоматика безупречно надежна, стоит помнить о Нем, — проговорил мужчина, явственно выделив интонацией последнее слово. — Должны быть те, кто в случае сбоя выступит щитом. Твои сородичи прекрасно для этого подходят.

— И чем человеческие капитаны превосходят ваших? Ведь если вы отдаете им предпочтение, значит — превосходят.

— О, это просто, — рассмеялся Акро. Резко, неприятно, да и глаза остались холодными. — Своим наличием. Желанием быть капитанами и играть с оружием. Но это они, они обычные, а ты... Ты — другое дело. Сам-то понял, на что замахнулся?

— Догадываюсь, — кивнул я. — И, судя по тому, что я сейчас разговариваю с тобой, догадка правильная. Координатор схрона — это тот, кто может управлять станцией, верно? Не так, как сейчас делают это обитающие тут пираты, просто перегоняя с места на место, а по-настоящему.

— Верно, — медленно кивнул Акро. — Может, ты еще и

догадываешься, что тебя ждет?

— Не люблю гадать, предпочитаю факты и конкретные вопросы, — отозвался я спокойно и добавил со смешком: — Не передумаю.

— О, этого бы ты не сумел при всем желании, — пренебрежительно повел рукой Акро. — Три этапа, три узла, три точки... Хорошее число. Если Он поможет трижды — значит, так надо.

— Он — это кто? — Я слегка подобрался, хотя и предполагал, что внятного ответа не последует. Или последует, но ответ мне не поможет.

— Тот, кто управляет всем, от микромира до макромира. Впрочем, я отвлекся. Можно было обойтись без этого разговора, но я хотел спросить: зачем тебе *вот это*? — Он дернул головой, с непонятной брезгливостью указывая на Алису. — Не хочешь избавиться от этой обузы?

Девушка напряглась и вцепилась в мою броню крепче, я в ответ легко, успокаивающе погладил ее поясницу и, не вдаваясь в подробности, коротко уронил:

— Воздержусь.

— Глупо, — бросил Акро. — Нам нравится ваша цивилизация. Молодая и жадная. Но есть недостатки, свойственные вот этой самой молодости... Зачем таскать с собой инкубатор, да еще и не пользоваться им? Зачем вы вообще ими пользуетесь, если достигли достаточного уровня развития, чтобы отказаться от этого природного дефекта?

— Недостаток молодости, — отмахнулся я и предупреждающе сжал локоть Алисы, которая от таких высказываний забыла о собственных страхах и вскипела.

Какой смысл спорить о подобных вещах с существом, имеющим совсем другую мораль и одновременно с этим воспринимающим тебя отсталым дикарем, априори неспособным высказать какую-то дельную мысль?

— Значит, не терпится приступить к самому интересному? Хм. Я поставил на то, что первый этап ты все же пройдешь, так что не подведи.

И темнота нахлынула вновь, уже почти привычно.

Алиса Лесина

Мир раскололся. С грохотом и вспышкой, обдал одновременно холодом и жаром, ударил меня всей плоскостью и побарабанил по спине. Хлопнул по ушам, оставив в них звон.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями и осознать: мир цел, я тоже почти цела, и даже чувствую себя куда лучше,

чем несколько минут назад. Синяки как будто зажили, голод больше не мучил, жажда тоже пока не беспокоила. А грохот... просто где-то совсем рядом прогремел взрыв.

Успокаивая себя тем, что взрыв не обязательно говорит о чем-то ужасном, а может быть просто случайностью или порождением моей собственной фантазии, я приподнялась на локтях из смешанного с землей серо-коричневого, тяжелого, подтаявшего снега, чтобы оглядеться. От увиденного словно льдинка скользнула вдоль позвоночника.

В небе горели звезды — крупные, яркие, загадочно мерцающие, а над горизонтом трепыхалось зеленое полотнище полярного сияния. И если смотреть только туда, в небо, картина завораживала своей красотой, покоем и безмятежностью. Земля же была отражением неба — кривым и страшным.

Холмистая, черно-белая долина чашей лежала между высоких гор, и здесь, среди снегов, сейчас было почти жарко: тут и там полыхали чадающие белые огни, своей пляской и мерцанием словно передразнивающие звезды. Я так и не поняла, что именно горело, — казалось, будто сама земля и камни. В воздухе висел плотный запах гари, разбавленный сладковатым душком смерти.

Вокруг неподвижно лежали тела, вповалку — мертвые ли, живые — я не знала и не могла знать. Где-то в стороне гроыхало и сверкало особенно ярко, оттуда ветер вместе с грохотом доносил отзвуки голосов. Я лежала на краю воронки. Не от того взрыва, который опрокинул меня на землю: если бы оказалась *настолько* близко, меня бы уже не было.

Словно в подтверждение этих мыслей, возвращая меня к реальности, над головой низко, с оттяжкой, просвистело, опять гроыхнуло и опять где-то рядом. Там расцвел новый белый огонь. Я всем телом вжалась в дрогнувшую землю, зажмурилась и стиснула зубы. Страх подкатил к горлу, мешал дышать.

— Глеб, ну где же ты? — всхлипнула я почти беззвучно.

Но пирата рядом не было. Вообще никого живого не было. Только огонь и перемешанная со снегом земля.

Я хочу проснуться. Где угодно, как угодно, но сейчас!

Опять рвануло. Показалось, что еще ближе. Я закусила губу и тихонько заскулила от страха.

Вин! Пожалуйста, пусть все это кончится! В чем, когда я провинилась? Перед кем? Лучше бы Клякса согласился избавиться от меня сразу! Или пристрелил еще тогда, на корабле...

Вспышка. Грохот. Удары по спине — горячие комья земли, поднятые

взрывом.

Да что здесь вообще происходит?! Разве вот так воюют сейчас? Лучше бы они сожгли всю эту равнину вместе со мной, лишь бы не видеть, не слышать, не чувствовать на затылке пахнувшего тленом дыхания...

Не знаю, сколько я так пролежала, совершенно потеряв счет времени и тщетно пытаюсь отыскать в себе мужество еще раз подняться, еще раз оглядеться. Попытаться выжить. Ведь это тогда, при нападении пиратов, я ничего не могла сделать: не было времени, не хватило бы сил. А сейчас — пожалуйста, никто ведь меня не держит, и спасение в моих собственных руках. Тогда отчего я лежу и трясусь? Почему совесть, попрекавшая меня общением с Кляксой, молчит теперь? Или я только на то и гожусь, чтобы ныть и жаловаться?

Тоже мне, «дикий» врач! Специалист по освоению новых планет! Человек героической профессии!

Только уговоры и ругань не помогли: я отчаянно трусила, боялась даже глубоко дышать, чтобы не привлечь к себе внимания — не то тех, кто здесь воевал, не то самой смерти.

Но в конце концов я все же заставила себя шевелиться. Вернее, не я; мороз. Показалось нелепым и очень обидным — умереть от холода, даже не попытавшись с ним справиться.

Сложнее всего далось первое движение: упереться ладонями в землю, чуть приподняться и оглядеться. Некоторое время я откладывала этот рывок, а потом все же стиснула зубы и заставила себя его совершить. Осмотрелась, стараясь увидеть долину глазами не обреченной жертвы, но готового действовать человека.

Пытаясь не обращать внимания на огонь и смерть, я пригляделась и обнаружила, что горы не такие уж однообразные, да и равнина, кажется, не настолько дикая. Чуть в стороне, у подножия первой гигантской естественной ступени одной из скал, вдали от основного очага боя, виднелось какое-то строение, и именно его я выбрала в качестве цели.

Это был простой и, может быть, не самый умный план, и какой-нибудь опытный человек мог раскритиковать его в пух и прах. Но человека такого рядом не было, зато с появлением цели вдруг стало легче.

Собрав все силы и решимость, я оттолкнулась от земли, поднялась на четвереньки. Где-то неподалеку опять бабахнуло, но я закусила губу, втянула голову в плечи и все-таки встала на ноги. И побежала — низко пригнувшись, на полусогнутых, каждое мгновение ожидая, что следующий раз непременно грохнет прямо у меня под ногами. Что некто грозный и страшный — там, в темноте — заметит одинокую фигуру, подсвеченную

белым пламенем, и решит, что я зажилась на свете.

Но бег оказался недолгим. Сосредоточенная на единственной цели и борьбе с собственными страхами, подзуживающими лечь и накрыть голову руками, я недостаточно внимательно смотрела под ноги, за что и поплатилась. Зацепившись за один из трупов, вновь растянулась на земле. Напружинившееся от страха тело отозвалось болью, кажется, в каждой клеточке, а труп — болезненным стоном.

Я сначала шарахнулась, откатилась в сторону, но тут же шикнула на себя, поднялась и вернулась, чтобы осмотреть лежащего. Гордиться тут было нечем: вели меня не сострадание, не желание спасти чужую жизнь, приличествующее врачу, а смесь любопытства, вяло шевельнувшегося чувства долга, воспоминаний о строгом желчном старике, читавшем у нас курс этики, и затрепетавшей в груди надежды, что вдвоем с кем-то, наверное, будет не так страшно.

Я плюхнулась на колени в грязную снежную кашу рядом с телом.

Мужчина лежал навзничь. Легкую боевую броню пестро-серого камуфляжного окраса местами расцвечивали черные пятна копоти. Только теперь я вдруг сообразила, что различать цвета при таком освещении вроде бы не должна, да и так хорошо видеть — тоже. Но эта мысль скользнула по краю сознания, не отвлекая от осмотра.

Шлем незнакомца треснул, лицевой щиток отлетел и потерялся, значит — или сотрясение, или контузия обеспечены. Еще из видимых повреждений — травматическая ампутация правой кисти, на которой я и сосредоточилась в первую очередь, передавив артерию. Плохая рана, грязная, рваная. Удивительно, что этот человек вообще еще жив, потеряв столько крови! Может, его ранило совсем недавно?

Я растерянно ощупала свои карманы, соображая, что в них может быть полезного. Выходило — ничего, и я с тоской вспомнила об оставшихся на пиратском корабле медикаментах. Я же не могу вот так держать его руку, у меня надолго просто не хватит сил! Пальцы уже слабели, норовили соскользнуть с мокрой от грязи и крови кожи, еще несколько минут — и все. А перетянуть нечем. То есть совсем, и от комбинезона ничего не оторвешь, слишком прочная ткань, а с мужчины... Да я понятия не имела, что у него есть!

Может, попробовать прижечь? Это, конечно, варварство и безумие, но если нет другого выхода... Костров здесь навалом, вопрос, чем именно прижигать? Не совать же раненого в открытый огонь, ему только ожога не хватает для полного счастья!

Снова где-то рядом прогремел взрыв. Я опять втянула голову в плечи и

согнулась еще ниже, стараясь не выпустить руку раненого и прикрыть его от летящих комьев земли. И буквально носом уткнулась в небольшой красный крестик на грудной пластине брони.

Ну конечно, «айка»!^[27] Как я могла про нее забыть?!

Достать пакет из крепления оказалось несложно — он на то и рассчитан, чтобы боец мог воспользоваться в полубессознательном состоянии. Содержимое я знала и без подписей, этому тоже учили в институте. Для начала жгут — широкая и тонкая эластичная лента, потом — обезболивающее и противошоковое. А еще, поколебавшись, ввела зверский коктейль из стимуляторов и гормонов: в клинической медицине его не применяют из-за «побочки» и последствий, но там и необходимость поднять чуть живого человека на ноги, минуя стадию выздоровления, обычно не стоит. Самое место этой дряни в армейской «айке».

Не люблю военных. Не персонально, а вообще, в целом, армию и войну. Нормально это или странно для девушки, у которой все родные мужчины — военные?

Раненый явно начал приходить в себя, а я, чтобы осмотреть его голову, осторожно стащила со своего неожиданного пациента шлем и, охнув, едва его не выронила.

— Глеб?! — переспросила потрясенно.

Это был и он и не он одновременно. Или просто сбило чудесное зрение, которым меня наделили местные хозяева? Цвет коротко стриженных волос то казался темным, то привычно-белым, просто со следами грязи, да и черты лица неуловимо плыли, словно никак не могли определиться с окончательной формой.

— Вин! Кто ты? — прохрипел он, пытаясь сфокусировать на мне взгляд. — Откуда меня...

Договорить он не успел, рядом опять гроыхнуло, я опять упала на мужчину, прикрывая рукой голову.

— Давай сначала выберемся отсюда, — проговорила, пытаясь согнать с лица глупую улыбку и унять восторг узнавания, который поднялся в душе.

Несмотря на плачевное состояние мужчины, который не тянул сейчас на защитника и даже не помнил меня, я была счастлива его видеть. Плевать, какого и в каком виде, — главное, живой, вот он, совсем рядом. А с ним мне было совсем не страшно: наверное, это что-то вроде условного рефлекса, выработавшегося за прошедшие дни во время предыдущих приключений.

В этот момент подумалось, что меня не трясет от ужаса уже несколько

минут, с тех пор как я споткнулась о раненого бойца, но некогда было анализировать, откуда взялись эти странные скрытые резервы, адреналин во всем виноват или что-то еще.

Глеб не спорил; кажется, для этого у него слишком путались мысли. С моей помощью с трудом поднялся. Не стал возражать, когда я поднырнула под мышку, чтобы помочь пошатывающемуся мужчине идти. Сразу же, когда пират первый раз оступился, поняла, насколько переоценила собственные силы: рослый крепкий мужчина и сам по себе весил немало, а с броней и вовсе получалось за сотню кило, почти в два раза больше меня. Но я ругнулась сквозь стиснутые зубы и каким-то чудом устояла, удержав на ногах и своего пациента.

— Все-таки решил взыскать должок, да? — проворчала, пытаясь не думать о том, что путь наш только начался, а спина уже ноет от тяжести и колени подгибаются. И броня больно давит на плечи, упирается в бок, и еще хорошо, что она такой обтекаемой формы, без острых углов... — Покатал меня, теперь твоя очередь?

Клякса не ответил. Или не мог, или не хотел тратить оставшиеся силы на болтовню. А меня, напротив, успокаивал и подбадривал звук собственного голоса, помогал чувствовать, что я еще жива. Если слушать только треск пламени, грохот близких разрывов и отзвуки далеких голосов, лучше навсегда оглохнуть...

Путь казался бесконечным — во времени и пространстве. Словно всю жизнь мы вот так плелись под звездами в никуда и не было ни прошлого, ни будущего. Все прочее — просто сон, картинки, которыми развлекает себя разум, маясь от безделья.

Я уже даже не вздрагивала от взрывов. Настырно и зло упиралась ногами в землю — стылую, твердую, покрытую то мокрой льдистой кашей, то снегом. Шипела сквозь зубы ругательства, какие знала, и — говорила, вспоминая истории из своего прошлого. Мелкие, пустые, минувшие, призрачные, они лучше всего подходили сейчас, помогали держаться и заставляли помнить, что именно они реальны, а не вот это небо и осточертевшая земля.

Не трагедии, не великие тайны, просто фрагменты, из которых складывалась жизнь. Хрупкая, готовая оборваться в любое мгновение, но такая упрямая.

Рассказывала про то, как люблю ландыши, и грозу, и вообще позднюю весну с жаркими днями и ночными заморозками. Про учебу, про студенческие глупости и шутки, про посиделки в парке с пивом во время прогулянных скучных пар, про любимую скамейку с видом на реку. Про

старших братьев — вредных, которые жутко злили меня в детстве, но потом внезапно оказывались самым надежным тылом. Как Димка несколько километров тащил меня, разбившую коленку, до дома. Как Макс вытащил из реки, когда в апреле нас понесло прогуляться по льду; как Димка отчаянно ругал нас обоих, когда, мокрые и окоченевшие, мы вернулись домой, но отпаивал горячим чаем и покрывал потом перед отцом — тот, кажется, до сих пор не знает о нашем приключении.

Я, наверное, о половине своей жизни успела рассказать, пока мы брели по серой земле под черным небом, усыпанным кокетливо подмигивающими звездами и занавешенным кисеей полярного сияния. Огонь и взрывы остались позади — словно бы вовсе сгинули, стихли, из всех звуков я слышала только свой осипший голос и посвист ледяного ветра. Свалявшиеся, слипшиеся в сосульки волосы хлестали по онемевшим от холода щекам и непослушным губам.

Казалось, что вождеденное укрытие за все это время не приблизилось ни на метр, но я продолжала идти, не чувствуя ни спины, ни ног. Пока вдруг не поняла, что — пришли.

Приземистое грубое строение из камня с мохнатой от травы крышей, вросшее в скалу и угрюмо взиравшее на царившее в долине безумие. Я не знала, что это было и откуда здесь взялся этот домик с кособокой деревянной дверью, даже не задавалась этим вопросом. Я вообще уже не могла думать — казалось, что под ударами ледяного ветра голова промерзла насквозь, а все мысли в ней слиплись в один маленький снеговой комочек.

На наше счастье, дверь была заперта на крючок, зацепленный за вбитый в косяк гвоздь. Но на то, чтобы одеревеневшие пальцы справились даже с таким примитивным запором, у меня ушла примерно минута.

И вот мы наконец ввалились в темное нутро неизвестного пристанища.

В первый момент щеки обожгло жаром, я даже испугалась, но вскоре сообразила: просто здесь не было хлещущего по лицу ветра. Под ногами закрипело — кажется, пол устлала досками, на которые я еще через два шага уронила свою тяжкую ношу. И хотелось бы сказать, что положила, но я даже не попыталась действовать аккуратно: силы давно кончились, во мне оставались только злость на психов-инопланетян и неожиданное, несвойственное мне обычно упрямство.

Дверь, открывавшаяся внутрь, скрипнула и с тихим стуком захлопнулась за нашими спинами под собственным весом.

— Темно, как в... — пробормотала я, пошатываясь и слепо таращась в непроглядную черноту. Подходящее сравнение подобрать не сумела, и

неоконченная фраза повисла в воздухе.

— Плечо, — едва слышно выдохнул мужчина. — Фонарь.

Я несколько мгновений стояла на месте, пытаюсь сообразить, как связаны эти два слова. Наконец замороженный мозг осилил сложную логическую цепочку, и я тяжело рухнула на колени рядом с Глебом. Нащупала его ногу, добралась до плеча.

Сам пират, высказавшись, похоже, отключился, так что искать нужный предмет пришлось самостоятельно. На это ушло несколько минут, причем я упрямо продолжала поиски, скорее от безысходности, чем действительно веря в успех — почти сразу решила, что Клякса бредит. Но все же справилась — отчасти по наитию, отчасти благодаря обрывочным воспоминаниям. В голове крутились образы бравых бойцов из вирткино, которые вот в таких же защитных костюмах обследовали развалины городов древних цивилизаций, и я точно помнила белый луч света, вырывающийся из указанного места на плече.

Наконец победа осталась за мной. В холодном бестеневом свете я осмотрелась.

Своим видом комната напоминала все то же вирткино, только историческое или псевдоисторическое, повествующее о докосмических временах. Глухие каменные стены, дощатый пол, посередине — обложенное камнями кострище. Вверху, в крыше, над очагом, виднелась круглая дыра, в которую, очевидно, должен был выходить дым. В углу стоял большой грубый ящик, заполненный черными камнями. Все.

Не поднимаясь на дрожащие от усталости ноги, я на четвереньках доползла до этого ящика, взяла один из камней, понюхала.

— Как думаешь, что это? — спросила мужчину, но он, кажется, оставался без сознания. Я плюхнулась на пол рядом с ящиком, стала разглядывать камни, которые пачкали руки, и принялась рассуждать. Мысли в голове словно заиндевели и ворочались с трудом. — На еду не похоже, но если лежит в ящике — значит, что-то нужное. Здесь есть кострище — так, может, это для него? Мне кажется, что-то я слышала про твердое топливо, там еще вроде что-то про горячую воду говорилось... А! Паровой котел! Древний двигатель, точно, на физике же было! А топливо — уголь! — обрадовалась собственной сообразительности, но тут же погрустнела: — Только вот как огонь разжечь? Сомневаюсь, что уголь загорится, если просто положить в кострище...

О том, что есть древние способы добывания огня — кажется, надо что-то чем-то тереть или бить, — я знала очень смутно и понимала, что ни сил, ни желания экспериментировать у меня нет.

Взгляд зацепился за лежащего мужчину в броне, и в голове щелкнула идея.

— У тебя же должно быть оружие, да?

К счастью, оружие действительно нашлось. Не такое, как показывал мне Глеб, но недавние объяснения оказались очень кстати: логика у создателей излучателей была схожей, и я нашла и предохранитель, и регулятор мощности, и кнопку выстрела.

Вскоре холодный свет фонаря разбавился горячим и желтым светом заплывавшего в круге камней пламени. Я без сил рухнула на спину, головой к голове Глеба, и уставилась в потолок. Спина болела. И ноги, и плечи. Кожа лица и рук горела огнем, замерзшие и отходящие сейчас ладони простреливало болью.

Болели уши. Наверное, я их здорово отморозила, и по-хорошему стоило оказать себе первую помощь, а то будет некрасиво, если я останусь без них.

Но мысль о красоте чем-то мне не нравилась, было в ней что-то неуловимо неправильное. А еще не осталось сил шевельнуть хотя бы пальцем, не говоря о том, чтобы подняться и что-то сделать. Впрочем, странно, что меня вообще хватило на такой переход: никогда бы не подумала, что способна на подобное...

— Надо что-то сделать с твоей рукой, — пробормотала тихо. — Придется по локоть отнимать, жгут-то я наложила кое-как, да и холодно, а там уже точно некроз. А отнимать нечем. И пальцы дрожат, какой из меня сейчас хирург? Ты ее именно так потерял, да? Здесь? Или они опять что-то придумали? Мне кажется, все это выглядит не очень правдоподобно. Лачуга, взрывы... словно мы в каком-то историческом вирткино. И лекарства... тоже надо. Еще обезболивающего тебе, вроде бы в аптечке оставалось, да?..

Говорила я уже сквозь сон, почти бредила. Сознание ускользало, перед глазами плыли черно-красные пятна, которые в какой-то момент слились в разверстую темную бездну небытия — и она меня поглотила.

Проснулась я мгновенно, вдруг, вывалилась в реальность с испуганным вздохом и заполошными мыслями о том, что забыла про огонь, про своего пациента и бессовестно проспала целую ночь, иначе отчего сейчас так светло?..

Однако, открыв глаза, я поначалу себе не поверила.

Я находилась в чьем-то жилье. Необычное, незнакомое, но при этом наполненное привычными и понятными вещами. Просторная светлая гостиная в бирюзовых тонах была умело покрашена так, что создавалась

иллюзия толщи воды, а потолок казался ее поверхностью — близкой, пронизанной солнечными лучами. Впрочем, приглядевшись, я поняла, что лучи настоящие: потолок представлял собой большое окно с полупрозрачным голубоватым стеклом. Других окон в комнате не было.

Я лежала на удобном мягком буро-зеленом диване, похожем на подушку из водорослей. У стены стоял стол — светло-серый, гладкий, застеленный огромной светло-бирюзовой скатертью, кажется, связанной вручную какой-то умелицей. Хозяйкой комнаты?

Вдоль одной из стен вытянулась коралловым рифом цепочка шкафов и стеллажей, частью утопленных в стену, частью выступающих, закрытых или заставленных разнообразными безделушками, в основном затейливыми расписными вазочками. Пол устилало темно-синее покрытие с длинным и даже на вид очень мягким ворсом.

Красиво, с фантазией и наполнено ощущением уюта — здесь явно приложила руку женщина, любящая свой дом. Не знаю, как именно я это определила — не только по скатерти, просто... ощущение уюта наполняло комнату, казалось, что хозяйка только-только вышла и скоро вернется, и это непременно окажется добрая и жизнерадостная женщина, может быть, мать большого семейства.

Я села, ощущая неловкость оттого, что вынуждена топтать замечательный ковер тяжелыми грубыми ботинками. Но тут же отогнала это чувство: ощущения и впечатления ничего не значат, здесь явно имеется какой-то подвох. Нельзя забывать, что я совсем не дома, что все это очередное испытание, а значит, легко не будет.

Покрытие под ногами позволяло двигаться тихо; подчиняясь автоматике, бесшумно отъехала в сторону дверь. Я вышла в широкий и достаточно просторный коридор и замерла, принюхиваясь. В воздухе висел какой-то резкий, противный запах, очень знакомый, который я спросонья не могла распознать, а в остальном — царили пустота и тишина. Да и ощущение чьего-то светлого и радостного жилища исчезло, словно мерзкий запах вытеснил его.

За ближайшей дверью обнаружилась кухня, и вот тут первое приятное впечатление окончательно сошло на нет: здесь было чудовищно грязно, полно каких-то объедков, окурков и пустых бутылок. Очевидно, никакой доброй и рачительной хозяйки в этом доме не существовало, она не допустила бы подобного безобразия. Взглянув на погром, я сразу сообразила, чем пахнет: перегаром. Крепким, застарелым, тяжелым.

— Да ладно, — пробормотала недоверчиво. — Не может быть...

Предыдущее приключение помнилось прекрасно, как и его причина:

Глеб проходил испытания. Судя по тому, что в прошлый раз мне пришлось его спасать, чего-то подобного можно было ждать и теперь, вот только антураж здорово озадачивал. Положим, помощь солдату, умирающему от ран, в моем представлении вполне сочеталась с предыдущими приключениями и сложившимся образом Кляксы.

Но от чего предлагалось спасать его на этот раз? От алкоголизма?!

— Да вы издеваетесь, — растерянно проговорила я, заходя в следующую комнату.

Это, видимо, был чей-то рабочий кабинет, причем кабинет человека солидного и основательного, может быть, какого-то потомственного банкира или родовитого аристократа или кого-то, умело пытающегося им прикинуться, — темные сдержанные тона, стеллажи с самыми настоящими книгами, среди которых своеобразно, но достаточно органично смотрелся большой голопроектор. А за столом, в удобном глубоком кресле, сидел, вернее, частично лежал на этом самом столе мой пират. Здесь тоже хватало бутылок и окурков, и я со своего места у входа поняла, что источником неприятных запахов является как раз мужчина.

Морщась и зажимая нос, поскольку у меня уже начала кружиться голова от стойкой спиртовой вони, я приблизилась. Только, прежде чем рассмотреть самого Глеба, первым делом открыла окно за его спиной. Из окна, кстати, открывался вид на живописный парк и небоскребы вдали, а сам дом явно был достаточно невысоким. Совсем не бедное жильё.

С наслаждением, жмурясь на солнце, полной грудью вдохнула запах свежескошенной травы — кажется, где-то в парке только что подстригали газон — и волевым усилием заставила себя вернуться обратно, в грязную темную пещеру. Но тяжелые старомодные шторы все-таки отдернула и только после этого обернулась к Кляксе.

Последними штрихами в картине глубокого и давнего запоя оказались перечеркнутый черной траурной лентой портрет миловидной девушки с задорной улыбкой и золотисто-рыжими волосами, накрытый ладонью Глеба, и знакомый мне излучатель в другой руке.

Значит, та самая женщина не бросила его, а умерла?

Я еще раз обвела удручающую картину взглядом и вздохнула. Было противно и, скажем прямо, совсем не похоже на Кляксу. Он казался таким решительным и деятельным, а тут... Я бы скорее поверила, что Глеб станет мстить за смерть любимой, а не вытворять вот это. Сначала пить по-черному, а потом еще подумывать свести счеты с жизнью — и это мой упорный, решительный пират? Да не может быть!

А впрочем, я ведь не знакома с подоплекой. Легко осуждать со

стороны, даже толком не зная, что случилось! Не говоря уже о том, что все это может быть очередным видением, не имеющим ничего общего с реальностью.

Я тихонько приблизилась и аккуратно потянула за ствол излучателя. Пальцы мужчины дрогнули, но цепляться за рукоять не стали. Оружие оказалось у меня. Теперь главный вопрос: куда бы его спрятать, пока я буду возиться с хозяином?

Обходя квартиру в поисках достаточно укромного места, сделала пару открытий: во-первых, жилье это не имело выхода, а во-вторых, связь с внешним миром тоже не работала, так что заманчивый простой путь — вызвать коллег из «неотложки» — оказался недоступным. Поэтому оставался другой путь, сложный.

Вариант «плюнуть и оставить все как есть, пусть сам протрезвеет, если повезет» я не рассматривала даже в мыслях. Не из чувства самосохранения, уверявшего, что меня не оставят в живых, если Глеб не справится с испытаниями. Просто... Ответить предательством после всего, что сделал Клякса? Речь не только о спасении от пиратов; он ведь и в этих испытаниях тащил меня на себе, два раза отказался бросить, когда ему это предлагали. Даже перед последними «экзаменами», понимая, что я могу оказаться непомерно тяжелой обузой, не пошел на сделку с совестью.

А еще было горько и очень обидно видеть этого хладнокровного и решительного мужчину в таком жалком виде. Сейчас, немного успокоившись, я пришла к выводу, что происходящее — не галлюцинация вроде пути через лес из мертвых тел. Может быть, в искаженном виде, но я наблюдала сейчас еще одну картину из прошлого Глеба. Однако, невзирая на внутреннее подспудное отвращение, отчетливо понимала, что так просто Клякса не сломался бы. Не тот человек, чтобы топить в бутылке жизненные неурядицы, так что у этого состояния есть внятный, серьезный, весомый мотив. А еще — он ведь как-то справился с этим раньше, если это действительно фрагмент биографии. Значит, не слабак, а именно такой, каким я его знаю. Просто... никто не может всю жизнь быть сильным и негибким, у каждого есть своя боль и свой предел выносливости.

Был и еще один серьезный стимул помочь: этих существ, хозяев станции, я уже в полном смысле слова начала ненавидеть. Не за какой-то отдельный поступок, как могло быть, но не случилось с Кляксой, а — по совокупности. За то, что они больные извращенцы, которые придумали тот лес из трупов. За то, что именно они отдали такое опасное оружие, как их корабли, в руки преступников. За то, что развлекаются, наблюдая за тем, как претенденты на их благосклонность рискуют жизнью, да еще делают

ставки. И, наконец, все их заносчивое превосходство и это мерзкое «инкубатор» до зубовного скрежета хотелось забить тому типу в глотку, попрыгать сверху и прижечь излучателем.

Кажется, общение с пиратом все же сказывалось на моем мировосприятии: не могла припомнить за собой такой кровожадности...

Оружие я в итоге аккуратно затолкала под тот самый диван, на котором очнулась: там имелась хорошая, удобная щель, откуда его можно было достать, но пришлось бы повозиться. Мелькнула, правда, мысль выкинуть в окно, но победили аккуратность и воспитанное во мне родителями уважение к чужим вещам. Да и... мало ли кто оружие найдет и что сделает? Плевать, что это всего лишь виртуальная реальность! Не ломать же себя!

Избавившись от опасного (особенно в руках невменяемого мужчины) предмета, я еще раз осмотрела квартиру, на этот раз целиком и очень внимательно, пытаясь отыскать хоть какие-то медикаменты. Помимо кухни, кабинета и гостиной обнаружились просторная ванная комната, туалет и две спальни: одна — откровенно мужская, обставленная по-военному просто и аскетично, вторая — откровенно женская, кажется, принадлежавшая той самой особе, что «обживала» гостиную. Осмотревшись, я сделала два вывода: во-первых, последняя принадлежала совсем не той молоденькой и задорной девушке, с чьим портретом уснул Клякса, а во-вторых, хозяйки в ней не было не только те несколько дней, которые длился запой мужчины, а гораздо дольше — вязаные салфетки и безделушки оставались на своих местах, а шкафы для личных вещей пустовали. Если это квартира Глеба, наверное, той женщиной была его мать, которая уже умерла.

Лекарств я не нашла. На кухне, в шкафчике с красным крестом, обнаружилась фляжка с каким-то алкоголем — наверное, хозяин про нее и сам не помнил, а то давно выпил бы. И все. Это лишний раз доказывало, что здесь живет одинокий и совершенно здоровый холостяк, потому что даже у самой здоровой девушки или женщины найдется хотя бы пузырек быстросохнущего пластыря. Впрочем, тут вообще не было никаких пузырьков — ни кремов, ни других типично женских средств.

Холодильник тоже оказался почти пуст, если не считать нескольких коробок из разряда «просто разогрей» и пары яиц.

Я зашла проверить пациента и попыталась разбудить, но это предсказуемо оказалось бесполезным: спал мужчина крепко, и в ответ на то, что я его потормошила за плечо, лишь громко всхрапнул. Выглядел Клякса, к слову, как-то странно — вроде бы и он, и не он. Дело даже не в заросшей, мятой физиономии. Да у него даже волосы были пегими —

темными со светлыми пятнами, словно с густой проседью.

Как приводить в чувство человека в таком состоянии, я представляла смутно. Сама если и пила, то очень мало и скорее за компанию, мужчины мои тоже не злоупотребляли. Нет, порой кто-то из братцев приходил домой на автопилоте и страдал утром головой, но проблема обычно решалась парой таблеток. А без них, да еще в таком запущенном случае...

Плюнув на попытки вспомнить что-то околomedicalное, решила руководствоваться опытом развлекательных источников, то есть вирткино. А потому пошла набирать ванну холодной воды: с одной стороны, проснется, а с другой — может, перестанет так плохо пахнуть.

Нет, определенно, прежний Клякса мне нравился больше!

На мое счастье, кресло у мужчины оказалось на колесиках, поэтому отвезти его было просто.

— Знаешь, Глеб, мне кажется, после всего этого ты просто обязан на мне жениться, — мрачно проговорила я, толкая кресло по коридору. — Нет, ну ладно — спать вместе, ладно — первая помощь и перетаскивание раненых, но волочить твое пьяное тело?! Это уже, на мой вкус, чрезмерная степень близости...

Кресло подпрыгнуло на стыке, пациент всхрапнул и забеспокоился, похоже, заслышав шум воды.

— А с другой стороны, хорошо, что ты просто пил, а не пользовался чем-то позабористей, — пропыхтела я, перебрасывая ноги мужчины через высокий бортик и ногой пытаюсь удержать кресло, чтобы не откатывалось: не хватало мне еще покалечить Кляксу, приложив головой о каменный пол! — Там бы я без лекарств точно не управилась, а здесь есть шансы! — заключила оптимистично.

От прикосновения холодной воды Клякса начал просыпаться и бормотать что-то невнятное, но и только: окунания ног явно было недостаточно. И я, пыхтя, принялась переключать мужчину в ванну.

— Что ж ты тяжелый такой, а? И не говори, что ты меня тащил столько километров, я-то полегче буду!

В итоге, конечно, аккуратно у меня не получилось, рухнул пират в воду с плеском, стукнулся локтями, но хотя бы голову я успела придержать, чтоб не убился и не нахлебался.

— Какого... — Мужчина разразился руганью, стал цепляться за бортики и пытаться встать, но руки путались и соскальзывали. Я на всякий случай отступила вместе с креслом на пару шагов, спряталась за его спинкой, благо размеры ванной позволяли, и вжалась в стену.

Через несколько секунд Клякса проснулся, и в меня вперился вполне

осмысленный взгляд мутных с похмелья голубых глаз.

— Ты кто? — хмуро и хрипло спросил Глеб. — Какого... тебе надо?

— «Скорая помощь», — вздохнула я. — А надо мне достучаться до твоих мозгов, чтобы ты вспомнил, кто ты такой и зачем здесь находишься.

— Я помню, где я. Как ты попала ко мне домой?

— Если бы, — вздохнула я. — Ты Глеб Егорович, он же Клякса, грозный пират, измененный и убийца. И вообще-то, между прочим, мой хозяин.

— А не пошла бы ты, раз я твой хозяин? — процедил он, пытаюсь выбраться из ванны. — Была бы мужиком, я бы тебе за пирата и убийцу в морду дал.

— Глеб, это виртуальная реальность, — вздохнула я, понимая, что так просто дозваться до него не получится. — Мы сейчас на «Тортуге», это твое испытание... Хотя почему-то испытывают больше меня и мои нервы! В общем, если ты не возьмешь себя в руки прямо сейчас, мы умрем.

— Прекрасно, могу это ускорить. — Он перевалился через край ванны, придерживаясь за стену. — Где мой «Фен»?

— Э-э... а у тебя он был? — растерялась я, оглядывая ванную. — Не знаю, не попадался... Может, тебе переодеться? Мне кажется, тебе феном-то сушить особо нечего...

— Оружие! — огрызнулся Клякса, отодвигая меня с дороги. — Оно так называется!

Глеб поплелся в кабинет, я — за ним, тихонько радуясь, что догадалась припрятать опасную игрушку.

— Да уж, с фантазией подошли к выбору названия...

— Где оно?! — рявкнул Глеб, обводя тяжелым взглядом комнату.

— Зачем оно тебе?

— Избавиться от твоего общества, для начала.

— А потом и от своего? — уточнила я со вздохом, наблюдая, как мужчина обшаривает ящики стола и осматривает пол. — Послушай, я понимаю, терять близких тяжело, но это не повод...

— Понимаешь? — прошипел он, прерывая поиски и медленно, слишком твердо для того, кто пять минут назад спал сном мертвецки пьяного, пошел на меня. Я, столь же медленно и совершенно рефлекторно, начала отступать, уже в коридор. — Да ничего ты не понимаешь!

Я его недооценила. Наверное, стоило перед купанием Глеба связать, но я совершенно не предполагала, что, проснувшись, он станет вести себя... так. Сдержанный, невозмутимый, хладнокровный и циничный Клякса — и вот это?!

И все же даже в таком состоянии он не потерял способности двигаться очень быстро. Змеиный бросок, и пальцы мужчины ухватились за воротник моего комбинезона.

— Кто ты такая? Чего от меня хочешь? — прохрипел он мне в лицо. Я задышала неглубоко, через раз, ртом, очень жалея, что не могу надолго задерживать дыхание.

— Я хочу, чтобы ты все вспомнил и прекратил попытки самоубиться! Я что, зря тебя во время прошлого испытания на себе волокла?

Почему-то вместо того, чтобы испугаться нависающего надо мной и явно злого мужчины, я разозлилась сама, на этот раз уже на него. Может быть, просто устала бояться? Или все дело в обиде — это ведь его дело, его испытания, я к ним не имею никакого отношения, так почему именно я должна его вытаскивать?!

— Может, ты моя галлюцинация, а? — задумчиво процедил мужчина.

Несколько мгновений мы мерились взглядами, а потом Глеб совершил еще один странный и непредсказуемый поступок: он вдруг меня поцеловал. И при всей моей симпатии к тому Кляксе, который был на корабле, это было... ужасно.

Зажмурившись и стиснув зубы, я задержала дыхание, а когда мужчина через пару мгновений отстранился — кажется, моя реакция на поцелуй ему не понравилась, — от всей души, вложив всю злость и негодование, отвесила ему звонкую оплеуху.

Кажется, пальцы Глеб от удивления разжал. И, кажется, в первый раз в его жизни девушка отреагировала на поцелуй вот так — уж очень искреннее, какое-то по-детски обиженное удивление появилось на его лице.

Ждать дальнейшего развития событий на расстоянии вытянутой руки от опасного и явно пребывающего не в себе типа я благоразумно не стала и, пользуясь его замешательством, шмыгнула в ванную и заперлась там.

Пара секунд тишины, а потом мужчина несколько раз грохнул по двери кулаком. Я, сжавшись в углу, с тоскливой надеждой смотрела на хлипкую преграду, которая встала между мной и Глебом, явно намеренным сделать что-то очень плохое.

Однако ломать дверь пират почему-то не стал, хотя, я была уверена, мог.

— Открой, — через несколько секунд прозвучало из-за двери мрачное.

— Я еще жить хочу, — ответила честно.

— Это временно. Это всегда временно, — пробормотал он. Дверь как-то странно скрипнула — похоже, мужчина сел, привалился к ней спиной. И затих.

ГЛАВА 10, в которой Алиса негодует, а Клякса находит ответы

Шантажиста мы разоблачили бы, вора поймали бы, ловкача и хитреца перехитрили бы, а этот... Поступки простых и честных людей иногда так загадочны!

Евгений Шварц. Тень

Алиса Лесина

Выждав несколько секунд, я на четвереньках подползла к хлипкой перегородке и прислушалась. Сумела различить негромкое ровное дыхание.

— Глеб, давай ты все-таки не будешь себя убивать? Пожалуйста, — тихонько попросила я.

— Тебе-то что до этого, галлюцинация? — негромко отозвался он.

Кажется, успокоился и был готов к разговору, так что я облегченно перевела дух. Теперь главное — не спугнуть, а то вспомнит еще, что помимо оружия есть окна и много других эффективных способов прекратить собственное существование.

— Кроме того, что, если умрешь ты, умру и я? Мне кажется, это глупо и очень на тебя не похоже. Ты сильный, упрямый, идешь до конца. А все это... неправильно.

— Неправильно, когда не можешь спасти единственного близкого человека и он сводит счеты с жизнью, — угрюмо ответили из-за двери. — Из-за тебя. Вот это — неправильно. А все остальное... — Он осекся, а я похолодела от понимания происходящего.

Так вот что это за испытание. Чувство вины. Вины, которую сам он считал доказанной.

Несколько секунд я молчала, пытаюсь собраться с мыслями. Вин! Ну почему я никогда не любила психологию и учила ее кое-как? Знала бы, что она так пригодится!

— Это она сказала, что из-за тебя? — наконец, осторожно спросила я, отчаянно боясь услышать в ответ «да». Потому что если «да», то мы,

боюсь, обречены: переубедить его будет невозможно...

— Зачем, если и так все ясно? — вздохнул он, а я немного перевела дух.

— Никогда и ничего не бывает ясно просто так, — тихо возразила я. — Я не верю, что она сделала это из-за тебя. Ты надежный, заботливый и...

— Заботливый, — передразнил он зло. — Лучше бы я вообще не лез в ее жизнь, может, тогда она была бы жива! Она сбежала из-за меня, из-за этой проклятой заботы, — процедил с отвращением, — и желания сделать как лучше. А получилось как всегда.

Я же позволила себе тихонько и совсем немного порадоваться новой маленькой победе: он явно настроен поговорить, поделиться, а значит, у нас и правда есть шансы.

— Я ведь тоже сбежала из дома от родительской заботы. Отец и братья. Они за меня боялись и не давали ни капли свободы, — проговорила в ответ. — Только, знаешь, в том, что я влезла в неприятности, виноваты совсем не они. Что с ней случилось?

— Пираты, — с отвращением процедил он. — Захватили тот транспортник, на котором она летела. Ее нашли через три месяца. Живую. Оболочку... Пытались лечить, только без толку. Когда «контрольку» вывели, она повесилась прямо в палате, ночью. Недоглядели, не успели откачать.

Я некоторое время молчала, не зная, что на это ответить. Банальные «ты не виноват» и «жизнь на этом не кончается» застряли в горле. Вин! Да даже мне казалось, что сейчас это прозвучит глупо и до отвращения фальшиво, а уж как отреагирует сам мужчина...

— Глеб, — тихо позвала я, — давай я открою дверь, ладно? Ты не будешь никого убивать, умоешься, почистишь зубы, примешь душ и побреешься, а я пока приготовлю поесть. Горелая монстрятина отвратительна, честное слово, а я после нее вообще ничего в рот не брала...

Несколько мгновений тишины, потом дверь опять слегка скрипнула. И я, набравшись решимости, отомкнула замок.

Клякса стоял, привалившись плечом к дверному косяку, и задумчиво смотрел на меня сверху вниз. Потом протянул руку, предлагая подняться, и я с опаской уцепилась за жилистую ладонь. Когда встала, мужчина посторонился, пропустил меня в кухню, а сам шагнул в ванную. Судя по тому, что за закрытой дверью вскоре зашумела вода, он действительно занялся тем, о чем я просила.

А я отправилась готовить. То есть как — готовить? Разогреть. А еще — надо было немного прибрать тот свинарник, который развел мужчина.

Отмывать воображаемую кухню до блеска я не собиралась, но собрать мусор и стереть грязь с основных поверхностей хотелось отчаянно, все это вызывало глубокое отвращение, и находиться среди этого не было возможности даже в виртуальной реальности.

Тем более что, пока руки боролись за чистоту, голова могла немного подумать о происходящем и попытаться разложить все по полочкам. Правда, результат оказался не самым полезным, я всего лишь сумела сформулировать пару главных вопросов.

Первый — о том, что хозяева «Тортуги» все же очень странные существа. Почему они не вмешиваются и не пресекают мои попытки помочь? Не видят? Или на меня не действует их программа? Сомнительно, я ведь вижу ту же квартиру и те же последствия запоя, что и сам Клякса. Не способны вмешаться в ход испытаний и припомнят все это потом? Не лучше ли мне в таком случае отойти в сторону, чтобы не сделать хуже? Но, с другой стороны, если бы я действительно не имела права в это лезть, они ведь могли заранее предотвратить вмешательство! Я не инопланетный программист, но мне такая задача не кажется невыполнимой. Если же не предотвратили и даже не запретили, выходит, все их устраивает?

А второй вывод вполне привычно касался Глеба. Я окончательно перестала понимать этого человека и причины, побудившие его пойти в пираты. Если допустить, что происходящее сейчас хоть немного приближено к его прошлому, то человек, с такой ненавистью отзывающийся о людях, ставших причиной гибели... наверное, сестры, просто не мог сделаться одним из пиратов. Я даже представить не могла, что должно было случиться в его жизни, чтобы он так изменился! Скорее уж он должен был мстить пиратам. А если так... может, это именно месть? Добраться до «Тортуги», вызнать все ее тайны и обратить это оружие против тех, кто сейчас им пользуется...

Нельзя победить зло еще большим злом. Нельзя ради мести убивать ни в чем не повинных людей и превращаться в того, с кем ты сводишь счеты. Нельзя. Но боль потери вполне могла заглушить голос разума и совести, а потом стало поздно что-то менять. Все это куда больше походило на правду, чем Глеб, идущий на преступление ради денег.

Только делалось от этих мыслей еще горше и тоскливей. Неужели не было другого выхода? Ломать себя, ломать собственную жизнь, становиться убийцей...

Глеб появился на пороге кухни тогда, когда я уже начала беспокоиться и всерьез задумываться, а не решил ли он утопиться. Гладко выбритый, с мокрыми волосами, в легких спортивных штанах и футболке, он, хоть и

помятый, с отекающей физиономией, уже куда больше походил на знакомого мне Кляксу. А волосы, к слову, уже полностью стали белыми, да и протез был как будто на месте.

Интересно, он получил ранение и прошел изменение действительно до этих событий? Сомнительно. А если хронология нарушена, то это что-то значит, да?

— Извини меня, — задержавшись на пороге, негромко и хмуро проговорил Кас.

— За что? — на всякий случай уточнила я, старательно пытаюсь скрыть собственный восторг и облегчение: все же у меня получилось его расшевелить!

Конечно, не стоило присваивать себе эту заслугу полностью, Клякса явно принадлежал к числу людей, которым даже в очень тяжелой ситуации достаточно легкого толчка, минимальной поддержки, чтобы выбраться самостоятельно. Но все равно было приятно сознавать, что поддержала его именно я. А уж прямой и трезвый взгляд мужчины тем более несказанно радовал. Почти как в тот момент, когда я опознала моего пирата в раненом бойце.

— Как минимум за то, что поцеловал, — ответил Глеб, проходя к столу. — И грозился убить. Это было неправильно.

— Ну да, целоваться, когда несет таким перегаром, — сомнительное удовольствие, — хмыкнула я.

— А без? — Он слабо улыбнулся и еще чуть-чуть оттаял.

— А без — не знаю, не пробовала, — призналась честно. Выразительно пододвинула к мужчине тарелку и тихо спросила: — Ты, надеюсь, все же передумал самоубиваться? Просто... Мне кажется, она бы не одобрила такое решение, разве нет?

— Не одобрила бы, — мрачно кивнул Клякса.

Ели в молчании, если это можно назвать едой: я больше поглядывала на мужчину, а тот — вяло ковырялся в тарелке и ел явно без аппетита.

— Там яйца в холодильнике есть? — наконец спросил он, поднимаясь.

— Поджарить? — с сомнением спросила я.

— Не надо, — отмахнулся Глеб.

Яйцо было разбито в стакан, туда же — добавлены столовая ложка жидкости из фляжки, возвращенной мной в ящичек с красным крестом, и ложка растительного масла. С ненавистью глядя в стакан, Глеб размешал содержимое.

— Ты что, собираешься это пить? — не выдержала я.

— Лекарства редко бывают приятными на вкус, — криво усмехнулся

Глеб и залпом опрокинул в себя бурду. — Главное, чтобы помогало, а я с такого похмелья на еду смотреть не могу, тошно. Странно, что башка не трещит. Какое сегодня число?

— Понятия не имею, — вздохнула и ответила на озадаченный взгляд мужчины: — Я же тебе говорила, все это — видения. Виртуальность.

Сразу после этих слов мир опять померк, ознаменовав переход на новый уровень.

Глеб Жаров (Клякса)

Мысли путались. Воспоминания менялись местами, варианты множились. Я помнил только, что я — это я, а вот как стал таким и где сейчас нахожусь — понять не получалось. Зима, взрывы и боль — было или не было? Так или иначе? Мерзкий привкус во рту и мерзкий шум в голове, которую хотелось сжечь, чтобы только убрать оттуда бесконечные мысли о том, что могло бы быть, если бы...

А потом — темнота, наполненная болью.

Никогда не думал, что смерть может быть настолько разной. Я сгорал заживо и тонул, рассыпался на части, растворяясь в боли и бесконечном умирании и мечтая только о забвении. Я не помнил, кто я, жив ли я — или это то самое посмертие, которое обещали религии преступникам.

Порой через безумную круговерть вспышками пробивались отдельные бессвязные детали — не то воспоминания, не то грезы.

Но в какое-то мгновение сознание уцепилось за единственный ориентир, казавшийся реальным, настоящим: чужие карие глаза, глубокие, смешливые. И ярко-зеленые полосы на медно-красном — без привязки к какому-то предмету, просто образ, смесь цветов, которая казалась отчаянно важной.

На этих двух деталях я и сосредоточился, пытаюсь отрешиться от собственного тела, ставшего обузой.

— Глеб!

Тихий, приглушенный голос коснулся слуха — и словно выдернул меня из толщи воды на сушу, оставив наслаждаться отсутствием боли, накатившим волной покоем и возможностью дышать, смотреть, слушать и ощущать собственный сбивчивый пульс в висках.

Тело ломило, ныла каждая мышца, но именно сейчас это ощущение было приятным до головокружения. Потому что — я точно это знал — было настоящим. Не бесконечно длящаяся агония, в которой захлебывался отделенный от реальности разум, а ощущения моего собственного тела.

Хорошо знакомые ощущения: примерно такими сопровождался весь процесс изменения, и лишь иногда они сменялись чем-то другим, вроде пронзительной, острой боли.

Я поднял голову — и столкнулся с тем самым взглядом, который меня вывел. Губы сами собой изогнулись в улыбке, но взгляд Алисы оставался испуганным. Девушка что-то сказала, я не услышал, она прижала ладонь к губам. Вторая ее рука упиралась в воздух между нами; а вернее, как я сообразил через мгновение, в какую-то невидимую преграду.

Эта мысль побудила оглядеться и попытаться сориентироваться в окружающей реальности. Я обнаружил себя подвешенным за растянутые в стороны руки на торчащей из пола Т-образной стойке в небольшой, совершенно пустой белой комнате — не помещение, а абстрактное представление о нем. Попробовал двинуть руками, но охватившие запястья толстые темные браслеты держали крепко.

Тогда, стиснув зубы, я изо всех электронных сил напряг правую, искусственную руку. Плечо прострелило болью от места крепления протеза до шеи — из горла вырвался хриплый стон, а потом где-то сзади что-то хрустнуло, и я повис на левой руке.

Выругался, потому что браслет впился в кожу, а сил подтянуться и сломать его не было.

— Как же тебя скovyрнуть? — просипел я. Горло тоже саднило.

А потом вдруг откуда-то со стороны пришла откровенно чужая мысль: не нужно ничего ломать, достаточно просто захотеть.

Мгновение, и я рухнул на пол, преодолев оставшиеся до него полметра. На дрожащих руках поднялся на четвереньки, встал на колени — и в этот момент комната исчезла, а вокруг раскинулось бескрайнее синее небо. Наверное, то самое, о котором говорила Алиса. Небо держало прочно.

— Глеб!

Вместе с комнатой исчезла преграда, отделявшая меня от девушки, и через мгновение она оказалась рядом. К счастью, виснуть на шее не стала, а то я бы точно рухнул. Крепко обняла, прижала мою голову к груди, тонкие пальцы запутались во влажных от пота волосах. Я обнял ее в ответ — это движение потребовало почти запредельного усилия, потому что рук я сейчас попросту не ощущал.

Не знаю, сколько мы так простояли. Алиса нервно гладила меня по волосам и плечам, то и дело норовила вцепиться, словно боялась, что я исчезну, и негромко бормотала. Не то ругалась, не то что-то рассказывала — я не слушал. Не слышал. Полной грудью вдыхал запах, чувствовал торопливый, заполошный стук сердца и ощущал себя невероятно,

невозможно, отчаянно живым. Словно только что родился на свет и первый раз глотнул настоящего воздуха.

Через некоторое время начали возвращаться Мысли. Вялые, обрывочные, спутанные, их еще предстояло привести в порядок, разложить по полочкам, отделить реальность от вымысла, но — потом, сейчас на это не было сил.

Примерно в это же время справилась с собой и Алиса. Чуть отстранилась, осторожно потянула за волосы — я поддался, запрокинул голову. Глаза девушки припухли и покраснели, а ресницы были мокрыми — кажется, все это время она плакала.

— Глеб, все закончилось? Что теперь? — шмыгнув носом, спросила она.

— Теперь... — повторил я.

На мгновение замешкался, пытаюсь собраться с мыслями. Потом, продолжая одной рукой обнимать Алису, с трудом поднялся, опираясь второй рукой о собственное колено. Только теперь обратил внимание, что на мне нет не то что брони, но вообще хоть какой-то одежды — словно и правда заново родился.

— А теперь у меня нет сил со всем этим разбираться. Поэтому мы будем спать и решать все потом, утром.

Синяя бездна вокруг мгновенно сменилась привычной каютой «Ветреницы», с которой я за прошедшие годы сроднился и начал считать ее домом. Алиса испуганно ахнула, а меня не хватило даже на то, чтобы хоть немного удивиться вывертам окружающего пространства. Не выпуская девушку из рук, я просто рухнул на постель. Моя добыча пыталась что-то возразить и осторожно освободиться, но без толку: я держал ее крепко и уже спал.

Пробуждение получилось на удивление спокойным и приятным. Живое тепло стройного женского тела, бархат нежной кожи, не отделенной от меня одеждой, приятный, будоражаще-пряный запах. Не открывая глаз и еще толком не проснувшись, я коснулся губами плеча, легко провел языком к шее по солоноватой на вкус коже...

— Глеб, я надеюсь, ты сейчас проснулся? И в себе? — проговорила Алиса с непонятным напряжением.

— Не уверен, — ответил я. Голос звучал хрипло и надтреснуто. — Надо убедиться.

А для этого я вновь коснулся губами шеи, уткнулся носом во впадинку за ухом, шумно, глубоко вдохнул...

— Глеб, может, ты меня отпустишь? — жалобно пробормотала

девушка.

— Зачем? — уточнил я. Окончательно проснувшись, понял, что не ощущаю в ней ни страха, ни злости, только все тот же пряный привкус сильного смущения, кажется, смешанного с удовольствием.

— Потому что иначе случится непоправимое. И мне будет очень, очень стыдно!

— Но недолго, — ответил я, вновь касаясь губами шеи.

— Глеб, я не об этом! — почти простонала Алиса. — Пусти, ну, пожалуйста! Мне очень, очень надо, а ты спишь и ни на какие тычки не реагируешь! Я тебя уже часа два пытаюсь разбудить! Обещаю скоро вернуться, пусти!

Понятнее не стало, но я все же не стал ее удерживать. Девушка, даже не попытавшись прикрыться, шмыгнула в санузел, а я, беззвучно смеясь, упал на спину и прикрыл глаза. Да уж, вот тебе и приятное утро.

Впрочем, очень хорошо, что Алиса вот так удрала и дала мне возможность окончательно прийти в себя. Во-первых, сейчас совсем не до утреннего секса, есть гораздо более важные дела, а во-вторых, будет верхом подлости соблазнять ее теперь. Нет, скорее всего, она совершенно искренне ответит, и все случится к общему удовольствию и по взаимному согласию. Вот только... что потом? Скоро эта девочка вернется домой, в свой привычный мир, и, вероятнее всего, никогда больше не согласится лететь в космос, даже в пределах Солнечной системы. И лучше бы оставить ей о себе как можно меньше воспоминаний, уж приятных — так точно.

Алиса задержалась, чтобы умыться и принять душ. И это тоже было хорошо: за время ее отсутствия я не просто взял себя в руки, а даже более-менее разобрался в себе и странностях собственного вновь изменившегося восприятия.

Вернувшись, абордажная доля, как и обещала, несмотря на собственное смущение, юркнула ко мне под одеяло. Улеглась, прильнула к моему боку, подперла голову одной рукой, а вторую положила мне на грудь. Я в ответ обнял ее за талию — и этим ограничился, посчитав собственное действие достаточным компромиссом. Сложным компромиссом. Вин! Ее совсем не обнимать хотелось, а...

Впрочем, ладно, все это лирика. Эйфория. Я почти достиг своей цели, позади самое сложное, осталось совсем чуть-чуть — вот и расслабился. Благодаря вот этой самой девочке выкарабкался, почувствовал себя живым и начал думать о постороннем.

Срочно нужно это прекращать, пока не надумал чего-то непоправимого.

— Ну, теперь-то ты объяснишь, куда дел мою одежду и как мы оказались на корабле? — любопытствовала Алиса. Опять же, очень кстати: разговор отвлекал от всего лишнего.

— Одежду? — растерянно уточнил я.

— Когда я начала тебя будить, — с искорками веселья в глазах заговорила она, — ты невнятно бурчал, что еще рано, а потом сказал, что тебе так не нравится — и вся моя одежда просто исчезла. Вот мне и интересно, что ты с ней сделал?

— Убрал, — задумчиво ответил я. — А корабль... Нет корабля.

— То есть как — нет?

— Есть одна большая станция. Полуразумный полиморфный организм, способный делить себя на части. «Ветреница» — одна из таких частей.

— Погоди, выходит, и того мужика, который меня «инкубатором» обозвал, не существует? — Рыжие брови девушки удивленно выгнулись. — Только станция, никаких хозяев?! А зачем ей в таком случае...

— Хозяева... есть. Дерьмовые, — вздохнул я. — Кстати, надо бы с ними потолковать.

— Постой, куда ты? — Возмущенная Алиса придержала меня за плечо, не давая подняться. — Сначала объясни толком, что происходит! Что это было за последнее испытание? И чем оно завершилось? Все, мы победили?!

Мгновение подумав, я не стал бороться и спорить. В самом деле, куда проще один раз спокойно объяснить. Тем более что Алиса имела полное право знать: без нее я бы просто погиб, провалился еще на первом испытании. Правда, это помнилось смутно и путалось с реальными воспоминаниями, но разделить их можно будет потом, если выдастся такая возможность. А пока...

— Мы справились, — ответил коротко. — Координатор схрона, о котором шла речь, это фактически капитан всей станции. Именно капитан, а не разрешенный пользователь. Я... сложно объяснить это словами, но я ощущаю эту станцию. Вся неживая материя, попадая сюда, становится ее частью. Какое-то запредельно сложное и невероятное преобразование веществ. Мне удручающе не хватает мозгов, чтобы понять хотя бы общий принцип действия. У меня всю жизнь по физике и математике были притянутые за уши тройки, — хмыкнул я скептически.

— А живая материя?

— А живая... живет. Кстати, и вся биоэлектроника тоже существует где-то здесь. Похоже, всяческие связные модули корабля и станции —

приборы человеческого производства, внедренные в эту сложную структуру. Для удобства станция предстает в привычных нам формах и соответствует нашим представлениям, на самом же деле вот та синяя бездна куда ближе к ее подлинному виду. Нет, не подлинному, — поправил я самого себя. — Изначально, вроде программной заставки. Собственно, выглядит она как большой ртутный шар, просто способна менять и свои внешние очертания. А что до здешних... хозяев, у меня есть некоторые предположения, но подтвердить или опровергнуть их могут только они сами. Видишь ли, станция не умеет заглядывать в мозги разумных существ, такая функция просто не предусмотрена. Мне кажется, это что-то вроде одного из основных законов создателей этого чуда. Собственно, мне, как и тебе, хочется поскорее выяснить правду. Идем?

— Идем, — хмуро кивнула Алиса. Настроение ее отчего-то испортилось, но почему — я не разобрал. Да и не пытался, честно говоря.

— Чего изволите надеть сегодня? — спросил я с легкой насмешкой.

— Верни мне тот комбез, я к нему привыкла, — отмахнулась девушка. — Ладно, положим, с хозяевами мы сейчас разберемся. А что ты собираешься делать с этой станцией? Как ее капитан?

— Разберемся. Сначала с хозяевами, потом с ней. Идем.

Она нехотя кивнула и вложила руку в мою протянутую ладонь. Судя по всему, поняла, что я просто ухожу от темы, но настаивать не стала. Привыкла не перечить пирату и убийце или просто не хотела ругаться?

Строго говоря, идти никуда не пришлось. Пара секунд, и мы оказались в той же комнате, в которой разговаривали с Акро, и он тоже обнаружился здесь.

— Все же решил поговорить? — спросил задумчиво, спокойно и без насмешки, пока мы с Алисой усаживались в кресла напротив.

— Остались некоторые вопросы, — подтвердил я.

— Разумеется. — Акро вздохнул, обвел задумчивым взглядом Алису. — Кто бы мог подумать, что все закончится именно так. Он любит пошутить. Забавно, но... когда-то это должно было произойти.

— Кто этот «Он», о котором вы все время говорите? — Алиса смотрела на чужака прямо и хмуро. Уже не маленький напуганный зверек, а вполне себе зубастый.

Приключения определенно что-то в ней изменили; наверное, заставили повзрослеть. Плохо это или хорошо? Да Тьма знает!

— Полагаю, речь идет о случае, да? — предположил я, потому что Акро не спешил отвечать. — Ведь именно это — ваша религия?

— Я не назвал бы это тем, что вы определяете как «религию», —

проговорил тот, осторожно подбирая слова и поглаживая кулон на шее, напоминая не то планету с кольцами, не то простую модель атома. — Скорее «философская система» или «общественная идея».

— Откуда вы? — вновь не утерпела любопытная Алиса, приободренная тем, что ее никто не одергивает. — Из другой галактики? И зачем сюда прилетели? Что вам нужно от людей? И зачем это все? Зачем давать такое опасное оружие — головорезам?!

Акро раздосадованно поморщился: кажется, обилие вопросов его раздражало. Или то, что задавала их именно Алиса. Или скорее сам факт ее существования.

— Какая ирония, что Он выбрал себе *такое* орудие. Инкубатор, решивший нашу участь. Символично, — пробормотал чужак себе под нос, а потом проговорил уже в нашу сторону: — Это не нам, а людям от нас что-то нужно. Оружие, технологии. А нам плевать. Не было бы вас, нашелся бы еще кто-то.

— Нашелся для чего? — уточнил я и не удержался от смешка. — Ты ведь понимаешь, что на вопросы отвечать придется. Раз Он свел нас здесь и сейчас.

Акро глянул недобро, но спорить не стал: видимо, мотивы я угадал. Да и должность, которую я занял после испытаний, предполагала повинование не только станции, но и ее жителей.

Ксенос начал рассказ.

Картина их существования оказалась... убогой. Назвать это жизнью у меня язык не поворачивался. Могущественная цивилизация, которая исчерпала саму себя. Нет, они не уничтожили друг друга в войнах, не угробили собственную планету, они просто потеряли какую-либо цель в жизни. Победили смерть, избавились от инстинктов: зачем выживать и размножаться, если никто не умирает? А потом утратили желание познавать и творить. Утратили все стремления, кроме одного: развеять скуку.

Они изыскивали и пробовали всевозможные развлечения, а потом, когда удовольствия приедались, сознательно, от безделья и уныния, уходили в небытие.

Охотились на разумных и неразумных существ — как на Верье, играли в богов — как на Земле. Потом надоело и это, и жалкие остатки народа, давно уже потерявшего родную планету и скитающегося по Вселенной в поисках развлечений, погрузились в виртуальную реальность своего последнего пристанища. Та позволяла забыться, отвлечься от действительности, заново прожить какие-то события, по тысяче раз

испытывать одно и то же удовольствие и открывать для себя одно и то же развлечение.

По изначальной задумке создателей все те должности, которые мне предлагали на выбор, должен был занимать экипаж станции. Во времена ее создания еще существовали какие-то правила, недоверие к автоматике, цели перелетов. Потом обитатели отказались и от них: грезы были интересней действительности.

А потом Он столкнул станцию и терпящий бедствие пиратский корабль. Именно тогда появились «Тортуга» и «невидимки». Новое развлечение. Наблюдение за этими головорезами оказалось забавным. Ксеносы придумали испытания — в меру своей весьма бедной фантазии — и сначала с удовольствием наблюдали, как выживают претенденты, желающие получить суперкорабль.

Придумали тесты и для тех, кто претендовал на большее, даже для координатора, имевшего право принимать решения. Просто так, чтобы сохранилось единообразие. Правда, составили их так, что не в человеческих силах было выжить. Так, что спасти мог лишь случай — дань уважения старой философии, сохранившейся еще с тех времен, когда представители их цивилизации были разумными и обладали волей.

Моим счастливым случаем стала Алиса. Женщина, на которой сбила совершенная автоматика станции — просто потому, что она была женщиной. Станный, забавный и в чем-то символический сбой: на любых ксеносов станция действовала так, как задумывали создатели, а вот на этой рыжей девчонке — давала осечку.

— То есть вы дали такое оружие в руки этих уродов, просто чтобы развлечься? — потрясенно выдохнула Алиса. — Да вы больные! Лучше бы вы все умерли, чем... вот так!

Я осторожно сжал ее ладонь, успокаивая, а Акро криво усмехнулся.

— Я — последний, — коротко уронил он. — Лучше навсегда уйти, чем стать подопытным материалом в руках полумозговых животных.

— Да лучше быть животными, чем... вот этим! — Девушка гневно дернула ладонь из моей руки, вцепилась в подлокотники кресла. — Этим... убожеством, — выдохнула она после паузы, видимо, так и не сумев подобрать более емкое и точное слово.

Акро опять скривился — и исчез. Умер. А мы остались вдвоем.

— Вин! Что, вот это все — просто от скуки горстки не сумевших вовремя сдохнуть...

— Ну, тихо, не ругайся, — примирительным тоном оборвал я Алису и пододвинул девушку поближе к себе. Комната по приказу сменилась

привычной каютой, а мы оказались сидящими на кровати.

Забавно ощущать себя всемогущим и всевластным.

Алиса не стала упираться. Наоборот, уцепилась за воротник моего комбинезона, прижалась и, уткнувшись носом в шею, затихла.

— Все закончилось, — мягко проговорил я. — Их больше нет. И «Тортуги» больше не будет.

— А что будет? — буркнула она.

— Я же обещал вернуть тебя домой, — хмыкнул тихо и пожал плечами. — Так что скоро будешь на Земле. Эта штука летает очень быстро, хотя и не способна мгновенно перемещаться, поэтому придется некоторое время подождать. Забавно, она может менять направление движения, не выходя из гиперпространства...

— Что, вот прямо так и отпустишь? Несмотря на заплаченную за меня сумму? — Алиса чуть отстранилась, чтобы взглянуть мне в глаза. Правда, взгляд ее был не веселым и не предвкушающим.

Я провел кончиками пальцев по теплой девичьей щеке — и судорожно сглотнул, пытаясь избавиться от тоскливого, горько-соленого, как морская вода, привкуса в горле, таким был вкус у ее эмоций.

— Ну, думаю, долг ты мне вернула с лихвой. Я плохо помню подробности, но знаю, что без тебя не выжил бы. — Умолк, пристально разглядывая запрокинутое лицо девушки, глубокие, теплые карие глаза, которые спасли от безумия и которые, наверное, я буду помнить те немногие дни, которые мне остались. Пробормотал рассеянно: — А впрочем, еще одна, последняя, мелочь...

Осторожно, едва касаясь, погладил подушечкой большого пальца чуть приоткрытые губы. И добавил:

— Прости.

— За что? — выдохнула она почти беззвучно.

— Вот за это, — ответил — и поцеловал.

Я же преступник и сволочь, имею право на хотя бы одну — последнюю — гнусность? Поэтому целовал долго, вдумчиво, вспоминая, каково это вообще — целовать живые, теплые женские губы, восхитительно неумелые, но столь искренне и щедро отвечающие на прикосновение. Самозабвенно и жадно пил чужие чувства — нежность, робкую и неуверенную страсть, первую настоящую влюбленность. Чувствовал себя законченной мразью, но мразью счастливой и потому даже не пытался остановиться.

Не отступлюсь, не передумаю, не предам. Скоро все закончится, совсем все, так пусть перед этим будет что-то приятное. Наверное, я

заслужил. А если нет... да плевать, я же пират!

ГЛАВА 11, в которой Алиса возвращается домой, а Клякса отправляется в последний путь

— ...А ты что сделал из любви к девушке?
— Я отказался от нее.

Евгений Шварц. Обыкновенное чудо

Глеб Жаров (Клякса)

От разговора с Алисой я сбежал, трусливо и подло.

После того как все же совершил титаническое усилие и заставил себя прервать поцелуй, не заходя дальше, мы еще некоторое время, обнявшись, сидели молча. Девушка прятала пылающее от смущения лицо у меня на груди, и было хорошо просто сидеть и ни о чем не думать, чувствовать себя... гораздо, гораздо моложе своих лет — горячим юношей, который может влюбиться, может мечтать о долгой и счастливой жизни и строить грандиозные планы.

А потом Алиса начала задавать неудобные вопросы, и я сбежал, сославшись на то, что нужно сделать кое-что важное, и пообещав «поговорить потом». Врал. Знал, что этого «потом» уже не будет, но сил и желания объясняться с девушкой не осталось. Ей и в глаза было тяжело смотреть, не то что...

Впрочем, дело у меня действительно было, так что хотя бы в этом я не солгал. Зато имелся один важный и нужный разговор.

Присутствие экипажа «Ветреницы» и еще нескольких человек, обитавших здесь, я ощущал явственно, при желании мог взглянуть на любого из них и даже повлиять — в пределах возможностей станции. Последнего делать пока не собирался, а вот глянуть, чем занят Югер, и оценить возможность беседы — другое дело.

— Здравствуй. Прости, что без предупреждения. Мы можем поговорить? — обратился к верийцу, открыв дверь в его каюту.

Станция позволяла мне возникнуть в любой момент в любой точке, но пользоваться этой возможностью я не стал. В конце концов, я хотел поговорить мирно, по душам, а не нарываться на ссору или драку. А

внезапное появление на собственной территории постороннего ксенос, скорее всего, воспринял бы агрессивно. Не терпят верийцы таких вторжений.

— Рад видеть тебя живым, — искренне ответил Югер. — Почему ты хочешь говорить со мной одним?

— Я хочу предложить тебе шлюпку, — начал с главного, усаживаясь напротив ксеноса. — Она доставит туда, куда скажешь, — на планету, любую космическую станцию, да хоть в открытый космос.

— Занятно. — Хелицеры медленно шевельнулись, выражая замешательство, вериец умолк. Молчал долго, но я не торопил — у нас было несколько часов. — Значит, ты теперь не просто капитан «Ветреницы»?

— Я теперь хозяин «Тортуги», — хмыкнул в ответ.

Опять помолчали.

— Мне ты предлагаешь шлюпку. А остальным?..

— По совокупной тяжести совершенного, — ответил честно.

— А тебе... выходит, новое звание? — Он насмешливо щелкнул жвалами.

— По совокупной тяжести совершенного, — качнул я головой. А потом с нервным смешком добавил: — Так что... если только посмертно.

— Занятно, — повторил Югер. Еще немного помолчал. — Тебе настолько нечего терять?

— Теперь, кажется, есть что. — Я вновь хмыкнул. — Только лучше я все-таки честно сдохну, чем продолжу жить в бегах. До сих пор была какая-то цель, оправдывающая средства, а спасение собственной задницы — весьма сомнительный смысл жизни.

— Все же мы очень похожи, — задумчиво заметил вериец через несколько секунд. — Это странно при таких внешних различиях, но все же... все же интересно. И вдвойне странно, потому что... вы то обретае разум, то лишаетесь его, причем каждый из представителей вида проделывает это по многу раз в зависимости от обстоятельств и без оглядки на остальную популяцию.

— Я его, по твоей логике, только что лишился? — поинтересовался насмешливо.

— Напротив, — возразил ксенос. — Сознать причиненное зло и нести за него ответственность — это одно из основных качеств разума. Поэтому позволь мне также последовать его велению и остаться. Это был ответ на твой вопрос: нет, мне не нужна шлюпка.

— Твое право, — со вздохом согласился я.

Мог бы, конечно, запихнуть Югера в шлюпку и катапультировать принудительно, но... Вин! Я начал перенимать его разумный подход к жизни.

Мы еще некоторое время помолчали. Я уже сказал, зачем пришел, но спешить было некуда, да и уходить не хотелось. Стоило бы перед этим попрощаться, только я понятия не имел, что сказать. Не боялся взглянуть в глаза, как с Алисой, просто любые слова казались глупыми и незначительными.

— Ты вернешь эту забавную маленькую самочку домой? — заговорил вериец о том, чего я не мог ожидать. Словно мысли подслушал.

— Подброшу до Солнечной системы, — отмахнулся в ответ. — А там уже без меня разберутся и отвезут. Ей придется, конечно, вытерпеть несколько серьезных разговоров с особистами, но она-то ничего дурного не сделала.

— Жалко, — неожиданно ответил Югер.

— Что, надо было и ее прибить за компанию? — растерялся я от такого заявления.

— Глупости. — Он недовольно встопорщил хелицеры. — Эта самочка... как у вас называется? Взяла тебя за сердце, так?

— В нашем языке берут обычно за что-то другое и в несколько иных ситуациях. За задницу, например, — рассмеялся я. — Но я тебя понял. Да какая теперь разница? Мы с ней больше не увидимся.

— Поэтому я и говорю — жалко, — терпеливо повторил вериец. — Я хорошо научился понимать ваш язык тел и тех химических элементов, которые вы выделяете для привлечения друг друга. Интересная система, особенно потому, что вы сами очень редко о ней задумываетесь... Если верить этому языку, вы тянетесь друг к другу, и будет печально, если из этого ничего не выйдет. Однако я все же пожелаю вам большой кладки. На всякий случай, — продолжил невозмутимый ксенос, несмотря на то что от его пожелания я поперхнулся воздухом. — У нас говорят, что искренние слова слышит Космос. У вас, насколько знаю, тоже есть подобное поверье?

— Ну да, вроде того, — прокашлялся я.

— Прекрасно. Вдруг что-то выйдет? — философски заметил он.

— Югер, а можно один вопрос? Раз уж у нас с тобой вечер прощальных откровений. Зачем тебя понесло в пираты? Ну ладно я со своим желанием отомстить и разобраться с ними их же методами. Но ты? Вы же разумные, убиваете только в порядке самозащиты, и вдруг вот такое.

— Я ученый, — спокойно ответил вериец. — Я изучаю ваш вид, а вот такие преступные сообщества тоже его часть, требующая внимания.

Лучший способ изучить среду — оказаться в ней.

— И после этого ты отказываешься улететь к себе домой?! — растерялся я. — Мы же все заочно приговоренные!

— Но ведь и ты сам не стремишься спастись бегством, — парировал Югер. — Почему тебе так трудно дается мысль, что кем-то еще могут двигать подобные мотивы? Я сделал осознанный шаг и сознательный выбор. Трудный шаг и верный выбор.

— А как же результаты твоих исследований?

— О, об этом не волнуйся, — насмешливо отозвался ксенос. — Я регулярно отправлял отчеты, да и последний нетрудно передать: по законам Солнечной империи я имею право встретиться с сородичем, представляющим наш народ на ваших территориях. Кажется, это называется «консул».

В комнате опять повисла тишина, а потом я с усталой насмешкой заметил:

— Да уж, мы с вами действительно как-то... пугающе похожи.

— Но ведь это прекрасно, — проговорил вериец, задумчиво шевельнув хелицерами. — Прекрасно *понимать* кого-то, сознавать собственное *неодиночество* во Вселенной. Знать, что внешние различия не лишают возможности найти общий язык. А теперь, с твоего позволения, я бы хотел побыть один, нужно привести мысли в порядок.

— Да, конечно. Хорошая идея. Прощай, друг. Я рад, что мы были знакомы.

— Прощай... друг, — эхом откликнулся ксенос.

Остаток пути к Солнечной системе я проделал, сидя под дверью. Все пытался собраться с духом, зайти и объяснить с Алисой, попрощаться с ней хоть как-нибудь, но так и не решился. Не столько из-за нехватки слов, сколько из-за понимания, что все может обернуться еще хуже. Например, пытаясь заполнить паузу, я опять ее поцелую и в этот раз уже не сумею остановиться, найду себе какое-нибудь оправдание, что «она взрослая девочка и способна отвечать за свои поступки». Зачем осложнять? Лучше посидеть, подумать обо всем.

Например, о том, когда и как все это случилось и насколько глубокой оказалась эта случайная привязанность. Или лучше отвлечься и придумать, как передать станцию для опытов ее новым владельцам, минуя вот эти безумные «экзамены». Или прикинуть, как лучше объяснить имперцам, что нас не нужно изучать издали, а лучше поскорее захватить, и как обеспечить спецназ легкой работой и новыми звездочками на погонах без потерь со стороны личного состава.

В общем, я нашел множество занятий, лишь бы не делать этот решительный шаг. Да, трусил. Оказывается, объясниться с девушкой для меня гораздо страшнее, чем умереть.

Алиса Лесина

Глеб удрал самым бессовестным образом, да еще и запер меня. То есть как — запер? Просто у этой каюты не было двери, совсем никакой.

Сначала я терпеливо ждала, все еще надеясь, что он действительно скоро вернется, потом ругалась в потолок и вымещала злость на подушке. Потом рыдала в эту же самую подушку, а йотом уснула на ней же.

Я совершенно не понимала, что происходит, почему Глеб вдруг перестал отвечать на вопросы и вообще, уходя, смотрел так, что хотелось выть — вот только кому больше, мне или ему самому? Ведь все хорошо, самое страшное позади, пора облегченно выдохнуть и праздновать победу. Ведь мы же победили, разве нет? Клякса добился того, что хотел, и должен этому радоваться...

Но он, похоже, не радовался. Даже неожиданный нежный поцелуй имел привкус тоски и горечи — словно долгое общение с измененным и меня наделило возможностью ощущать эмоции. А потом Кас пропал, и надеяться на лучшее стало совсем уж сложно.

Однако из некрепких объятий тревожного, прерывистого сна меня все же вырвал голос пирата, негромкий и насмешливый, звучавший почти над самым ухом.

— Вставай, лисеньш, мы приехали, — проговорил он, медленно стягивая одеяло, в которое я успела замотаться за время сна.

— Глеб, ты сволочь, — проворчала я сквозь сон, с трудом продирая припухшие после слез и сна глаза. — Куда ты пропал? Я волновалась.

— Ну прости, надо было решить кое-какие вопросы, — отмахнулся он, глядя на меня и улыбаясь при этом шало и слегка безумно. — Ты главного не спрашиваешь, куда мы приехали.

— Ну и куда мы приехали? — проворчала я, выпутываясь из одеяла.

— Планета Земля. Добро пожаловать домой! Я же обещал тебя отвезти? — Продолжая скалиться, он поднялся с кровати.

Ухмылка эта совсем не успокаивала, даже наоборот, пугала и совсем не походила на привычную. Словно он был не в себе, находился под какими-то наркотиками или чем-то вроде этого.

— Глеб, что с тобой? — нахмурилась я.

— А что со мной? — Он удивленно вскинул брови.

— Ты... Глеб, что происходит? — напряженно спросила я, поскольку наконец сообразила, что не так с его лицом: дело не в наркотиках, просто гримаса была неумело-фальшивой. Глаза оставались холодными и... больными, что ли? — Меня отвез. А ты... не останешься? — похолодела я от догадки.

— Ну нет, отчего же? Останусь, конечно, — отмахнулся он. — Готова? Хорошо, что ты одета, а то я подзадержался с побудкой, надо было все проконтролировать.

— Проконтролировать что?! — буквально взвыла я, всплеснув руками, и подошла вплотную к нему. — Клякса, что за дерьмо происходит? Ты можешь мне нормально ответить?!

— Я все же дурно на тебя повлиял, — пробормотал он. Улыбка поблекла, но я испытала облегчение — эта перекошенная гримаса была более естественной. — Прости. Я хотел как лучше.

Повторить свой вопрос в очередной раз я не смогла: возникшая вдруг дверь проломилась внутрь, словно была сделана из самого простого и дешевого пластика, а следом вбежали трое в броне с оружием на изготовку.

— Не двигаться! Руки держать на виду! — рявкнул один.

— Легче, легче! — проговорил Глеб, поднимая ладони над головой. — Я безоружен, не сопротивляюсь. Девчонку не трогайте, она заложница. Летела на транспортнике с Роолито, совсем недавно.

— Да что происходит, Тьма побери?! — жалобно пробормотала я.

Мужчина, кто скомандовал Кляксе «не двигаться», кивнул своим спутникам. Не выпуская оружия, они заломили пирату руки за спину, надели силовые наручники, и — тот не сопротивлялся! Он безо всякого оружия мог легко раскидать их, но не попытался спорить. Даже когда один из этих двоих, рявкнув: «Не дергайся!» — приложил измененного коленом в живот.

— Прекратите немедленно, что вы делаете?! — Я кинулась вперед, но тот, который командовал, легко, мягко перехватил меня одной рукой поперек туловища.

— Спокойно, сударыня, все в порядке, имперская полиция.

— Глеб! — Не слушая его, я опять дернулась, вцепилась в руку, пытаюсь оттолкнуть.

Клякса, обернувшись через плечо, подмигнул и что-то шепнул одними губами — кажется: «Прощай!» Но в этот момент один из конвоиров рявкнул свое: «Пош-шел, тварь!» — сопроводив это тычком под ребра, и мужчину выволокли из комнаты.

— Сволочь, — прошептала я, обмякнув в руках полицейского. — Ты

же знал, ты же с самого начала знал, ты...

— Пойдем, пойдем, девочка, все будет хорошо. Сейчас доктор тебя осмотрит, поможет, — обнимая меня за плечи, заговорил командир и повел к выходу. Он снял шлем. Оказалось, что мужчина уже не молод, наверное, ровесник отца. — Не плачь, все закончилось. Скоро будешь дома, с родными, и забудешь все как страшный сон. Пойдем, пойдем.

Я шла молча, словно сомнамбула, и не спорила. Хотя точно знала, что ничего не забуду. Ни первый страх и отчаянное желание жить, ни «Зею-17» и обаятельного крыса Морецкого, ни перелет, ни совместные танцы и сон в крепких объятиях Кляксы, ни недавние безумные испытания.

И уж тем более не смогу забыть синюю бездну «Тортуги», взглянувшую на меня из глаз измененного. Сейчас — и до этого. Когда он висел за стеклом, распятый, выгибался и кричал от боли и я до хрипа звала его и сбивала ладони о стекло, не в силах приблизиться и хоть как-то помочь. И как у меня почти остановилось сердце от страха, что Глеб умер, когда он вдруг затих, а он поднял голову и посмотрел точно так же. Словно уже тогда прощался.

Впрочем, почему словно? Псих, трус несчастный! Не свел счета с жизнью по-простому — решил вот так, да? С пользой?!

Реальность была скрыта пеленой тумана и слез. Меня куда-то вели, потом что-то спрашивали, уговаривали, успокаивали, давали лекарства. Только легче и веселее от них не сделалось, навалилась апатия, и стало совсем уж плевать, что происходит вокруг. Наверное, мне бы дали снотворное и увезли в больницу — это был самый разумный выход, но тут поглотившее меня болото тоскливого равнодушия всколыхнул знакомый голос.

— Ах вы, ежики кудрявые, выдру вам в тундру! — Зычный командирский голос заставил меня сначала вздрогнуть, а потом испуганно втянуть голову в плечи. — Чего ты в меня ручонки тычешь, как будто они у тебя лишние? Блохуй отсюда электроном в туннель, пока я тебя не ускорил! Алиса! Белка! — и меня сгребли в могучие медвежьи объятия, прижали к широченной груди, привычно пахнувшей хлебом и укропом.

В этот момент я наконец-то разревелась — отчаянно, навзрыд, клещом вцепившись в плотную ткань формы.

— Эх ты, солеварня слезоразливая, — проворчал отец, прижимая меня к себе и глядя по волосам. — Белка Сергеевна... Уйди, добром прошу! — Это уже кому-то в сторону. — Я же тебе этот приборчик, да вместе со всеми остальными, да без наркоза!.. Вот. Вот именно туда. Пойдем-ка домой, лягушка-путешественница.

И он легко, как маленькую, подхватил меня на руки.

— Сергей Иванович, ты куда свидетельницу поволок? — окликнул приятный мужской голос. — Если она вообще свидетельница...

— Слушай, Эрнесто Антуанович, сгинь в туман, не доводи до дурного. Дай ребенку в себя прийти, какой она тебе сейчас свидетель? Приходи лучше завтра в гости как человек, там и поговорите.

— Ладно. Под твою ответственность, Лесин, — после короткой паузы разрешил тот, и мы продолжили путь.

— Да Лесин и так со всех сторон ответственный, куда глубже-то, — проворчал отец себе под нос, продолжая путь.

К этому моменту рыдания пошли на убыль, поэтому сквозь слезы я разглядела и низкое серо-белое небо с глубокими синими дырами, и помартовски влажные черные деревья, торчащие из тяжелого, слежавшегося вязкого снега, образовавшего вокруг стволов воронки. Похоже, приземлились мы где-то совсем недалеко от родных мест. Как огромная станция умудрилась без проблем сесть и зачем это было сделано, думать не хотелось. Потому что мысли о ней влекли за собой другие, куда более тяжелые.

Отцовский темный служебный авион со скучающим рядом летуном — кажется, те же, что и перед моим отлетом, — я тоже сумела различить; они обнаружались совсем близко, на прогалине между деревьями.

— Все в порядке, Сергей Иванович?

— Ну, раз тут море Лаптевых разлилось — думаю, порядок близко, — философски отозвался отец, забираясь вместе со мной в просторное темное нутро аппарата. — Девичьи слезы в таких количествах и при таких вводных — знак хороший.

Домой летели в тишине и молчании, только у Дениса, летуна, в кабине негромко мурлыкала какая-то музыка, да я порой шмыгала носом, неприлично утирая его рукавом. И смотрела сквозь слегка затемненное окно на холодную раннюю весну, от которой успела отвыкнуть на Роолито и которой уже не надеялась увидеть.

Только сейчас она не радовала и не будила обыкновенных радостно-тревожных предчувствий. Голые ветви царапали не небо — душу, и отчаянно хотелось вырвать этот исполосованный кровотокающий комок из груди.

Впрочем, наука ведь отрицает существование души, а по существу химических процессов все это мало отличается от «ломки» наркомана. Не чувства — психическая зависимость. Мания в дополнение к фобии. Или как это называется — «стокгольмский синдром»? Когда жертва

симпатизирует и испытывает чувство привязанности к своему палачу.

Вот так и никак иначе. Психическое отклонение. Болезнь, с которой просто нужно справиться, а на любое выздоровление необходимо время. Которого у меня, кажется, теперь полно...

Мне очень хотелось разозлиться, расшевелить себя, заставить ненавидеть или хотя бы презирать пирата, но как не получалось это на борту «Ветреницы», так не выходило и теперь. Мысли эти вызвали тупую ноющую боль в висках и в горле, доставляя при этом странное извращенное удовольствие. Как в детстве сдирание засохшей корочки с болячки на разбитой и не обработанной вовремя коленке.

Из авиона я выбралась самостоятельно, хотя отец поглядывал настороженно. Двинулась через посадочную площадку к лифту, не оглядываясь на летучую машинку, которая с солидным шмелиным гудением поднялась в воздух.

В просторную квартиру на шестнадцатом этаже я входила со смешанным чувством нежности, щемящей тоски и омерзения. Здесь все было по-прежнему, словно я отсутствовала не год, а всего несколько часов. Замок помнил меня и открылся, свет в прихожей — загорелся сам. Все было как всегда, и это казалось отвратительно неправильным: я-то изменилась...

— Ну что, Белка? Есть, спать, купаться или сразу разговоры разговаривать? — спросил отец, входя следом. В просторной прихожей сразу стало тесновато — высокий, широкий, громогласный майор Сергей Иванович Лесин, попадая в помещение, сразу как будто заполнял его целиком, подобно идеальному газу.

— Говорить, — вздохнула я и, скинув ботинки, поплелась на кухню. Там с ногами забилась в угол диванного уголка, обхватила руками колени, благо размеры сиденья позволяли. В доме майора Лесина вся мебель заставляла меня чувствовать себя героиней сказки про «Машу и медведей»: что поделать, братья унаследовали отцовские габариты, и мне приходилось подстраиваться.

Глянув на меня, отец опустил на табурет напротив. Один локоть положил на стол, второй рукой уперся в колено. Густые усы ожидающе встопорщились, словно у кота, взгляд — прямой, внимательный. Он не давил и не сердился, просто приготовился слушать и воспринимать важную информацию. Вот так вот, через стол, по-деловому. Это он в первый момент растерялся и даже, наверное, испугался, когда увидел меня, вот и позволил немного выпустить пар и залить слезами его серо-зеленую форму. А теперь — все, истерика кончилась, и разговор будет идти строгий, как с

подчиненными. Он никогда не понимал моего стремления все время цепляться за него, маму, братьев — за руки, за одежду, лишь бы поближе, а еще лучше в обнимку.

В этом он весь. Они все. Готовы поддержать, дать опереться — но только тогда, когда действительно нет сил. А потом — будь добра собраться и доложить по форме.

— Ты получил мое сообщение? — тихо спросила я, просто потому что надо было что-то сказать и не рухнуть в пучину тоски.

— А то, — отозвался он, забавно шевельнув усами в негодовании. — Еще и ответил! Не сразу, правда, как-то негоже было все, что с первого раза записалось, отправлять. Мне вот интересно, как же ты у пиратов оказалась?

— Я у них и была, — вздохнула и отвела взгляд. — Клякса — тот, кто взял меня... под свое крыло, — разрешил связаться с родными. Мне не хотелось беспокоить вас новостью о похищении, тем более мне ничего серьезного не грозило. Ну не хмыкай так скептически, он мне правда ничего плохого не сделал. И пальцем не тронул, от всех остальных защищал, кормил и вот — даже одевал. — Я выразительно оттянула воротник комбинезона.

— И чего это он такой добренький? Прямо-таки Робинзон! Или как там этого разбойника звали, выдру ему в тундру? — проворчал отец.

— Просто я врач и оказалась полезной. — Я слегка пожалала плечами. — Регулировала протезы, лечила ожоги и всякие раны... собственно, вот и все. Можно считать все это небольшим приключением.

— А что ж ты ревела белугой, приключение? — хмыкнул отец.

— От неожиданности, от облегчения. — Я неопределенно махнула рукой. — А как ты там оказался? Ну, там, откуда меня забрал.

— Так сообщили же, как только тебя опознали. Я ж поначалу даже не поверил, вот и парням говорить не стал. Нет, все, Белка Сергеевна. Будет с тебя космоса, хорош, отлеталась.

— Там посмотрим, — угрюмо отозвалась я. Не могу сказать, что действительно горела желанием вернуться на прежнюю работу, но боль и горечь прорвались глухим раздражением и несвойственным мне обычно желанием спорить. Раньше я бы промолчала, а потом сделала так, как считала нужным, а теперь... то ли что-то сломалось, то ли, наоборот, появилось, но молчать больше не хотелось.

Хватит, намолчалась. Я не в пиратском плену, и лишнее слово не будет стоить мне жизни.

Кажется, отца такая реакция тоже озадачила, он удивленно поднял густые кустистые брови, а потом разговор прервала негромкая трель, кто-то

желал с ним поговорить. Отец относился с настороженностью ко всяким электронным игрушкам и предпочитал всем прочим связным устройствам простой и надежный, как дубина, браслет-голограф, связанный с прилепленной к уху гарнитурой.

Разговор затянулся. Судя по тем обрывкам, что я слышала, отца вызывали обратно на службу. В конце концов, ограничившись ворчливым и угрожающим: «Вечером поговорим!» — он ушел.

А я сползла с дивана и побрела в ванную. Ни объяснения, ни допросы, ни угрозы меня не трогали. Хотелось лечь и умереть или забыть все как предутренний кошмар и проснуться. Но еще больше хотелось прижаться к сильному, жилистому телу, обтянутому эластиком тренировочного комбинезона, и спрятаться под мышкой от всех дурных мыслей и внешнего мира. Даже несмотря на то, что вот именно сейчас я Кляксу почти ненавидела — за то, что бросил, не сказав ни слова.

День до вечера тянулся долго. Я долго отмокала в ванне, потом смотрела какой-то бесконечный детективный сериал — наивно-сказочный и потому когда-то любимый, с плохими преступниками и хорошими полицейскими, в котором добро неизменно побеждало, — и механически перебирала одежду. Доставала, надевала, снимала и убирала обратно все подряд.

Потом, обняв клетчатую юбку, сидела на полу у шкафа и опять рыдала или скорее выла — громко, в голос. Радуюсь тому, что этого никто не слышит и можно хоть биться головой об стену — все равно никто не увидит, не удивится, не сдаст в конечном итоге врачам.

К вечеру я сумела как-то успокоиться, поэтому к возвращению мужчин вполне напоминала живого человека.

К счастью, первым вернулся Макс, самый любимый из моих домашних мужчин — легкая и жизнерадостная язва, всего на пять лет старше меня. Он не грозился, не читал нотаций, а просто болтал, вспоминая какие-то забавные истории, о которых я не знала, произошедшие за этот год.

Он же сообщил, что у партизана Димки за это время завелась девушка, и вроде бы даже завелась всерьез, и вроде бы даже с мыслями об устройстве отдельного семейного гнезда и самостоятельной ячейки общества. Правда, предупредил, что пока это страшная тайна и травмировать зазную знакомством с отцом семейства старший не спешил. Видимо, опасался, что зазнова испугается и сбежит. Нет, к пассиям сыновей майор был куда лояльней, чем к тем молодым людям, что пытались ухаживать за мной, но... все же он весьма специфический

человек.

Если бы не Макс, с отцом я непременно поругалась бы, а так вечер прошел вполне мирно, уютно и даже душевно. Лесин-старший то ли забыл об отложенном на вечер продолжении разговора, то ли сознательно не стал возвращаться к этой теме.

Сложнее оказалось пережить ночь, но и она все же закончилась, позволив мне под утро задремать и проспав до полудня и даже дольше. Так что следующий вечер, принесший гостей с форменным допросом, наступил достаточно скоро.

Эрнесто Санчез, смуглый и черноглазый, жилистый и крепкий, словно отлитый из металла мужчина средних лет, мне неожиданно понравился. Неожиданно — потому что от разговора с безопасником (а сомнений в принадлежности его именно к этому ведомству у меня не было) я не ожидала ничего хорошего. Но он был вежлив, последователен, тверд и точен — просто расспрашивал, как и что произошло, как я оказалась у пиратов и что было потом. Без фальшивого сочувствия, без попыток покопаться в моих чувствах и эмоциях, а самое главное — без каких-либо оценок моего поведения и поведения окружающих. В общем, не лишенный обаяния Эрнесто умел расположить к себе собеседника и точно знал, как именно стоит делать это в любой конкретной ситуации.

Беседа надолго не затянулась. Под конец у меня сложилось впечатление, что этот Санчез и так прекрасно знал все, о чем спрашивал, но желал выполнить все формальности. Да я, собственно, почти ничего и не рассказала: о нападении на транспортник, о визите на «Зею-17» — и только. И то заверила следователя, что понятия не имею, кто из пиратов в кого стрелял на транспортнике. Не то чтобы пыталась выгородить измененного, но... строго говоря, лица ведь я не видела, верно?

И — да, пыталась. Хотя и понимала, что мои слова ровным счетом ничего не решат.

Про приключения на «Тортуге» я также не упоминала, заверила Санчеза, что просто сидела в каюте: точно знала, хоть мы и не сговаривались заранее, что и сам Клякса станет придерживаться той же версии.

Потом меня пару раз вызывали для повторных бесед, необременительных и еще более формальных, и примерно через неделю эта история официально закончилась. Словно и не попадала я никогда к пиратам, а эти две недели мне просто приснились. И все вокруг, кажется, старательно придерживались той же версии, ни взглядом, ни словом не напоминая о приключениях. Как будто я спокойно закончила свой перелет

на мирном транспортнике в хорошей компании, и все.

Во всей этой ситуации была только одна проблема: я помнила. Все, до последней детали, с каждым днем и часом отчетливее. Продолжала ощущать на губах вкус единственного поцелуя, чувствовать тяжесть руки поверх одеяла и, кажется, незаметно для себя самой начала ненавидеть звезды.

Наверное, когда-нибудь я научусь с этим жить. Или вернее сказать — без этого?

ГЛАВА 12, в которой Алиса начинает жизнь с чистого листа

*Стыдно убивать героев для того, чтобы
растрогать холодных и расшевелить равнодушных.
Терпеть я этого не могу.*

Евгений Шварц. Обыкновенное чудо

Алиса Лесина

Сладкий, жасминовый, коварно прохладный ветер гладил плечи и ерошил волосы. Мелкие облака неслись по небу стремительным встревоженным роем, и солнце то пряталось за очередным из них, то опять сияло, пробуя силы и разминаясь перед приближающимся летом.

Я сидела на скамейке в парке, ела мороженое и наблюдала за пляской теней на дорожке — тени падали от облаков, от ярко-зеленых, еще молодых листочков, от пронсящих высоко над головой, за защитным экраном, авионов. На этот раз весна тоже радовала, но совсем не так, как обычно. Во всем этом проращении и расцветании мне чудилась фальшь.

Два месяца прошло с моего возвращения на Землю. Я жила, больше не плакала, общалась с людьми, без спешки искала новую работу — благо заработанных за время командировки на Роолито денег хватало для обеспечения моих весьма скромных нужд. И... пожалуй, все. Существовала, так точнее.

Но это вполне можно было назвать достижением, потому что мысли решить проблему простейшим путем меня посещали. Правда, надолго в голове не задерживались, и не в последнюю очередь благодаря тому самому человеку, недолгое знакомство с которым разломило мою жизнь на «до» и «после». Каждый раз, задумываясь о смерти, я вспоминала безобразную сцену, свидетелем которой оказалась, попав в воспоминания Кляксы, неизменно встряхивалась, давая себе пинка, и на какое-то время вытаскивала себя из этого болота. Но, увы, ненадолго.

Наверное, мне бы стоило обратиться за помощью. То есть я понимала, что нужно это сделать, что сама я вряд ли выкарабкаюсь, но не имела воли

на такой шаг. Хуже того, не имела желаний. Потому что для получения помощи требовалось рассказать, а меня при мысли об этом охватывала лютая жадность. Рассказать — значило отдать, поделиться. А мне и самой было мало.

Что до окружающих... Если кто-то и замечал мое состояние, то наверняка считал это мимолетной хандрой. Мне кажется, мои мужчины не проявили бы чуткости и понимания, даже вынув меня из петли. Они не плохие, они просто... вот такие. Серьезные, простые и крепкие мужчины, которым чужды долгие и мучительные душевные метания. В отличие от некоторых, даром эмпатии они не наделены.

В общем, Глеба я так и не сумела забыть. Хотя, скорее всего, недостаточно старалась.

Нет, я пыталась, я даже знакомилась с молодыми людьми. Плюнула на все и потребовала помощи у младшего из братьев. Прежде я, насмотревшись на собственную родню, никогда не стремилась знакомиться с вояками — еще один такой же в окружении мог стать последней каплей. Но сейчас на самостоятельный «свободный поиск» не было сил, не было их и на борьбу за собственную независимость и право выбирать круг общения, а так хотя бы один из моих мужчин был в курсе и вроде как контролировал процесс, так что особенного повода лютовать не имелось даже у отца.

Только вот результат получился совсем не таким, на какой я рассчитывала. К настоящему моменту я была знакома с большинством холостых и достаточно молодых сослуживцев и хороших знакомых обоих братьев (Димку подключили, когда младший иссяк), кое с кем даже завязала приятельские отношения, но других эмоций не вызвал никто. Саша, один из друзей Макса, на удивление поэтичный тип, убежденно заявил, что у меня глаза слишком холодные для того, чтобы кто-то в здравом уме рискнул попытаться развить знакомство в романтическом направлении. Не знаю. Может, и правда так...

Я не скатилась в черную меланхолию и не увязла в депрессии до такой степени, чтобы это было заметно невооруженным глазом, исключительно благодаря Костику, моему постоянному танцевальному партнеру, и Насте, его бойкой жизнерадостной супруге. Танцы и Настина болтовня стали, пожалуй, единственной по-настоящему крепкой нитью, которая все еще привязывала меня к миру. В обществе этой пары я даже улыбалась.

Судебный процесс, окончившийся пару недель назад, новостные каналы называли самым громким (несмотря на то, что он был закрытым и широкую общественность в подробности не посвящали) и самым кровавым

в новейшей истории — император никогда еще не подписывал столько смертных приговоров. По слухам, казнили больше сотни отпетых головорезов.

Про «Тортугу» в прессе тоже если и появлялись, то одни слухи. Официальная позиция властей вообще сводилась к тому, что никакой неуловимой пиратской станции никогда не было, все это миф, придуманный горсткой ушлых мерзавцев. Ни слова про инопланетян, про удивительное прибытие огромной станции прямо на Землю, про то, кто привел ее сюда и почему. После этого страшно стало думать, сколько всего скрытого от глаз обывателей происходит в мире. Ведь если это дело столь ловко замаяли, что мешало в других случаях поступить аналогично? Сейчас я знала правду потому, что была всему свидетелем, а кто скажет, что прячется за прочими новостными сводками?

— Алиса... — Негромкий голос, прозвучавший чуть сбоку, я просто проигнорировала — настолько невозможным он был. Флегматично решила, что к моим невзгодам добавились еще и галлюцинации, и даже не повернула головы. — Привет.

Тот же голос прозвучал ближе, а мои вытянутые ноги перечеркнула тень. Нахмурившись, я повернула голову, скользнула взглядом снизу вверх по непривычной черной повседневной форме. По пряжке ремня с блестящим гербом и букету ландышей — хрупкие крошечные колокольчики в мужской ладони казались особенно уязвимыми, по паре маленьких золотых звездочек и несколькими кружочкам наград на груди, дальше, по воротничку-стойке... А потом провалилась в синюю бездну.

Не отдавая себе отчета, что делаю, я медленно поднялась, рожок с мороженым выпал из ослабевших пальцев — кажется, прямо на юбку.

— Живой... — выдохнула я почти беззвучно. — Живой!

— Это... случайно получилось, — неуверенно и даже как будто виновато улыбнулся он, но я не слышала. Я захлебывалась эмоциями, тонула в мыслях, а потом, словно кто-то щелкнул выключателем, в голове стало светло и пусто.

Пощечина получилась настолько выразительной, что от хлопка в воздух с шелестом поднялась стая голубей, топтавшихся на дорожке совсем рядом. А в следующее мгновение я уже изо всех сил прижималась к мужчине. Меня отчаянно трясло — от страха, что все это сон, от неверия, от негодования, от... да мало ли от чего еще!

— Хорошо, что гражданским оружие не выдают, — с иронией заметил Глеб.

Вот только ответные объятия у него получились слишком крепкими

для того спокойствия, какое он пытался продемонстрировать. Настолько, что мне стало тяжело дышать. Пальцы зарылись мне в волосы, ладонь легла на затылок, прижала мою голову к груди.

— Ненавижу тебя, мутант ублюдочный...

— Тебе не идет так ругаться, — тихо укорил он. — Тем более что рожден я был во вполне законном браке.

Я молча ткнула его кулаком куда-то под ребра, чем вызвала нервный смешок.

— Прости, — через минуту, которую мы просто стояли у скамейки, проговорил мужчина. — Я не хотел причинять тебе боль.

— Поэтому ничего не сказал? Поэтому позволил себя оплакать?!

— Я был уверен, что умру, — возразил он. — Не хотелось давать тебе ложную надежду, позволять думать обо мне лучше, чем есть. Мне казалось, если не расскажу, тебе проще будет забыть. Да и... струсил, что скрывать.

— А что тогда вот это? — Я чуть отстранилась, запрокинула голову и выразительно оттянула ткань формы. — Что, это было не особо секретное задание? Устранить проблему, внедрившись в банду, не считая потерь среди личного состава...

— Это была инициатива нескольких отморозков, которым нечего терять. И прикрывал меня один-единственный подполковник, на свой страх и риск, в свободное от службы время. За эти годы он легко мог погибнуть, мог вылететь на пенсию и вряд ли сумел бы отмазать после всех «подвигов». Мы изначально знали, что это путь в один конец, и не надеялись выжить. Меня всего несколько дней назад официально помиловали. — Глеб опять усмехнулся. Все так же кривовато, но уже, кажется, более естественно.

— И ты только теперь приехал?!

— Боялся сделать еще хуже. — Он неопределенно пожал плечами. — Я вообще поначалу не собирался приезжать, не хотел окончательно ломать твою жизнь. На кой тебе такой придурок и напоминания о худших днях в твоей жизни? Но эгоизм в итоге победил. Дай, думаю, все же поздороваюсь, если что — прогонишь, ты девушка самостоятельная. Или родню натравишь.

— Придурок, — согласилась я. — Иначе догадался бы уже поцеловать и подарить цветы. Или это не мне?

Он в ответ рассмеялся — тем самым живым, настоящим смехом, который почти заставил меня поверить, что бывают хорошие пираты.

Не бывает их, конечно. Просто он не пират...

А еще я в этот момент обратила внимание, что у него прибавилось

морщин. Вот этой вертикальной полоски между бровями не было, и носогубные складки выделялись резче, и мимические морщины стали заметно глубже. Сначала растерялась, ведь не так долго мы не виделись, а потом вдруг осознала оброненное им «несколько дней как помиловали» и похолодела.

Похоже, моему измененному эти два месяца дались куда тяжелее...

А потом он все же решил исправиться и поцеловал — коротко, жадно, обхватив одной ладонью мой затылок, и все прочие мысли в мгновение сделались малозначительными и пустыми. Да плевать, что было раньше. Главное, сейчас — вот он, рядом...

— Вин! — с нервным смешком выдохнул Глеб мне в губы, прижался лбом ко лбу и прикрыл глаза.

— Что? — шепотом спросила я.

— Я даже не знаю, что больше, — тихо засмеялся измененный. — Впервые, я сейчас понимаю, что не судьба мне хоть немного побыть приличным человеком, потому что идея культурного ухода не выдерживает столкновения с практикой. Мне просто не хватит на это терпения.

— А во-вторых? — уточнила я, потому что он умолк.

— А во-вторых, мысли эти имеют вполне определенное материальное проявление.

— Чего? — растерялась я.

— Штаны у этой формы слишком узкие, так что даже видимость приличного человека сохранить не получится, — вновь засмеялся он. Я пару раз непонимающе хлопнула ресницами, а потом почувствовала, как смущение жаром плеснуло к щекам.

— Извращенец, — пробурчала, чтобы хоть что-то сказать, и спрятала пылающее лицо у него на груди.

Вот как у него столь легко получается вгонять меня в краску? И вроде раньше никогда особенной стеснительностью не отличалась!

— Не скажи, — весело возразил Глеб, мягко поглаживая мой затылок кончиками пальцев. — Самая что ни на есть естественная и нормальная реакция. Тем более что я так долго все это представлял себе в красках, что сейчас уже, кажется, рефлекс выработался...

— Что представлял?

— Что сделаю с тобой при встрече. Должен же я был чем-то скрасить ожидание смертного приговора.

Я прерывисто вздохнула, вновь, до судорог в пальцах, впилась в форму измененного.

— Ну вот, я опять тебя расстроил. Прости. Я конечно же не стану на тебя давить и дам время подумать, привыкнуть, морально подготовиться и все такое. Может быть, даже уйду, если прогонишь. Во всяком случае, попытаюсь это сделать. Но вот именно сейчас надо некоторое время постоять и подумать о чем-то отвлеченном. И пока не целовать тебя в общественных местах. Хорошо, что у тебя юбка широкая...

— Дурак, — не выдержала я и тихонько засмеялась. По-моему, впервые за эту весну. А потом заметила: — Ты сейчас здорово не похож на себя на «Ветренице». Причем... не знаю. Как будто легче, живее. Несмотря на...

— Наверное, — легко согласился он. — Там приходилось работать над собой, сдерживаться, а это трудно: я все-таки силовик, не агент разведки. За годы привык, оброс шкурой, научился контролировать эмоции. Да и поводов для них особых не было. До твоего появления. А с тобой все приобретенные привычки рисковали полететь в черную дыру, несмотря на мое старание. Ну и да, я сейчас слишком много болтаю, но это пройдет. Просто в одиночке с этим было как-то... Тьфу, опять я не о том. Я скучал. Вин... Нет, не так. С ума сходил от желания увидеть тебя. Особенно в последние несколько дней, пока выяснял, где ты, как ты и с кем. Одновременно мечтал, чтобы ты помнила, ждала этой встречи хотя бы вполтину так сильно, как я, — и желал, чтобы забыла все как страшный сон, не мучилась и не терзалась, нашла бы себе... кого-нибудь и была счастлива. А случались моменты, когда мне совершенно отказывало человеколюбие, и я понимал, что убью его, если ты действительно кого-то себе нашла.

— В твоём исполнении эта шутка звучит не очень смешно, — попеняла я, с укором заглядывая ему в глаза.

— А кто тебе сказал, что это шутка? Впрочем, я и сам точно не знаю, — хмыкнул он. Обнял ладонью мое лицо, погладил пальцами щеку, горячие после поцелуя губы... — Хорошо, что не нужно проверять. Вин! Нет, это никуда не годится! — выругался он, отдернул руку и сжал в кулак.

— Что, не проходит? — захихикала я уже издевательски.

— Дразнишься? — Тонкие губы измененного раздвинулись в предвкушающей и, как показалось, одобрительной улыбке, ладонь мягко погладила шею, переместилась на затылок. — Вин! Ну не говори потом, что не предупреждал, — сказал он, легко подхватив за талию, поднял, закинул меня на плечо, бесцеремонно и даже с явным удовольствием придерживая за ягодицы, и не спеша двинулся по узкой боковой тропинке, уходящей под шатер деревьев.

— Ай! — взвизгнула я и зашипела, пытаясь вывернуться: — Глеб, пусти! Ну люди же смотрят! Нас сейчас за нарушение общественного порядка...

— А я просто напоминаю, что по законам свободного космоса ты — моя добыча. И весьма ценное имущество, — добавил он, погладив то место, за которое придерживал.

— Кто-то обещал дать мне возможность привыкнуть и морально подготовиться! — возмутилась я.

— Я передумал, — безмятежно отозвался мужчина. — А как твой полномостный хозяин, я сейчас имею законное право...

— Эй, урод, девушку поставил на место. Быстро! — грохнул неподалеку угрюмый бас.

Я замерла, осознав глубину собственного провала и масштабы забывчивости, а Глеб... Глеб отреагировал так, как привык. Одним плавным стремительным движением он стряхнул меня с плеча, поставил на ноги и развернулся, загораживая от предполагаемой опасности.

— Для начала потрудитесь по форме обратиться к старшему по званию. Или ползункам общевоисковой устав не писан?

— Слушай, попрыгунчик, ты у меня сейчас летуном станешь...

— Стойте! — отмерла наконец я. Высунуться вперед Глеб мне, правда, не дал, явно рефлекторно преградил путь рукой, но я вполне удовлетворилась тем, что вцепилась в его локоть. — Дим, все в порядке, меня никто не пытается обидеть или украсть...

— А вот с последним я бы поспорил, — хмыкнул Клякса, за что получил от меня очередной тычок под ребра. Бесплезный, конечно, но я хотя бы попыталась!

— Не задирайся! Это мой брат, Дима. А это Глеб, мой... — проговорила я и запнулась. До уточнения ответа на этот вопрос мы пока дойти не успели, не называть же его хозяином, правда!

— Муж. Будущий, — невозмутимо ответил измененный.

Подозреваю, выражения наших с Димкой лиц стали в этот момент одинаково ошарашенными.

— Я что-то не припомню, когда успела на это согласиться!

— Ты не просто согласилась, ты сама об этом заговорила, — через плечо глянул на меня Глеб. Физиономия его была предельно серьезной, но в глазах плясали искорки веселья. — Мол, ладно — спать вместе, но...

— Ты что, все помнишь?! — возмущенно ахнула я, сообразив, когда могла такое сказать, и стукнула его кулаком в плечо, судорожно пытаясь припомнить, что еще я успела наговорить во время тех приключений.

— Два месяца только этим и занимался, что вспоминал. Думаешь, как бы я еще угадал? — Он выразительно протянул мне уже порядком измочаленный и не особо нарядный букетик.

— Алиса, да какого... — грозно начал Дима, но осекся, проглотил ругательство и продолжил: — Что тут вообще происходит?!

— Прости, пожалуйста. — Я глубоко вдохнула, медленно выдохнула. — Я на радостях совсем забыла, что мы договорились встретиться, и сейчас немного не в себе. Ты же хотел познакомить меня с той самой загадочной невестой, о которой упоминал Макс, да? Надеюсь, мы ее не спугнули?

Взгляд светло-карих, в желтизну, глаз брата слегка потеплел при упоминании о невесте, он обернулся, и в этот момент к нам подошла она — статная высокая девушка с темными волосами, собранными в толстую длинную косу. До сих пор Димина спутница стояла в стороне, у начала этой узкой дорожки — видимо, чтобы не попасть под горячую руку и не мешать меня спасать.

— Не спугнули, — с легкой насмешкой сказала она. — Марина.

— Очень приятно, — ответила я. — Алиса.

Повисло неловкое молчание. Я цеплялась за локоть Кляксы и понимала, что не готова сейчас его отпустить, но и перед братом было неудобно — все же мы правда договаривались, а тут... кто же знал, что все так получится.

— Дим, пойдем, прогуляемся? Погода — чудо, — попыталась сгладить напряженность и решить проблему Марина. — А твоей сестре, кажется, сначала стоит разобраться с проблемой посерьезнее. — И она выразительным взглядом обвела Глеба с головы до ног.

— Такие проблемы решаются быстро. — Сдвинуть сердитого Димку с места оказалось не так-то просто. — Парой ударов.

Брат взял статью и силу у отца, а масть, как и я, у матери, поэтому за ним давно уже закрепилось прозвище «рыжего варвара». Учитывая взрывной темперамент и некоторую грубоватость, унаследованную от главы семейства, такое определение оказалось вполне подходящим. Он отнюдь не глуп, но взбалмошность — не лучшее подспорье в армии, куда Димка пошел по стопам отца, поэтому карьера его не ладилась: к подчиненным относился достаточно снисходительно, а вот с командованием вечно случались проблемы. Впрочем, не похоже, что его расстраивало это обстоятельство, а лейтенантские погоны — жали.

— Дим, не надо, пожалуйста! — поспешила одернуть его.

Я прекрасно помнила тренировку Глеба и последующие приключения

и точно знала, чем закончится столкновение. Да и если бы не знала, в любом случае совсем не хотелось, чтобы эти двое начали свое знакомство с драки. Уже состоявшегося скандала более чем достаточно для бодрости духа!

— Ну, отчего же? — хмыкнул Клякса. — Я бы на это посмотрел.

— Глеб! — простонала я и стукнулась лбом о его плечо. — Да что же вы сцепились-то...

Впрочем, вопрос был риторический, я прекрасно знала на него ответ: на такой или подобной встрече с кем-то из моих домашних мужчин заканчивались, не успев начаться, все мои романы. Просто обычно одного вида грозных родственников хватало, чтобы отвадить от меня невезучего ухажера и заставить его держаться на почтительном расстоянии. А здесь все пошло не по плану, потому что потенциальный жених не только не боялся, но даже на угрозы не реагировал и держался более чем самоуверенно. Наверное, у Димки буквально чесались кулаки, а Глеб... его происходящее, по-моему, забавляло.

— Пока еще даже не начинали, — возразил измененный со смешком.

— Ди-им, — проворковала Марина, цепляя моего братца под локоть и кончиками пальцев проводя вверх от запястья, — а у меня для тебя новость есть хорошая.

— Марин, может, она немного подождет? — напряженно проговорил Лесин, явно делая над собой усилие, чтобы обуздать темперамент.

— Нет, ну может, конечно, — раздумчиво протянула девушка. — В общем-то достаточно долго подождать может, по меньшей мере месяцев восемь, — тем же самым невозмутимо-распевным тоном проворковала она, выводя узоры на рукаве мужчины. И заговорщицки мне подмигнула.

М-да, выбор Димки я всецело одобряла, эта Марина мне уже нравилась. Но что-то подсказывало, что выбирал тут совсем не он...

В этот момент до брата наконец-то дошло, о чем говорит невеста. Запал как-то разом прошел, плечи расслабились, а выражение лица сделалось одновременно виноватым, удивленным и недоверчиво-радостным, так что я с трудом удержалась от хихиканья.

— Ты... я правильно понял? — неуверенно спросил брат, переводя взгляд на девушку.

— Ну я не знаю, тебе же не до новостей. — Она выразительно повела плечом. — Откуда мне знать, что ты там понял, если я еще ничего не говорила? Вот пойдем, немножко прогуляемся, поболтаем спокойно, а там уже определимся... Или ты занят?

Димка перевел на нас хмурый взгляд — он явно разрывался между

желанием точно выяснить, на что такое намекала Марина, и намерением вступить за мои честь и достоинство.

— Не занят, — уверенно поддержала я. — Мы прекрасно поболтаем в другой раз, а гулять с такими новостями — первое дело, это я как врач говорю.

— Алиса, в десять часов будь дома, — наконец сдался Дима, только смотрел при этом не на меня, а на измененного.

— Будет. Вот только у кого — посмотрим, — невозмутимо ответил Глеб, чем едва не вывел выяснение отношений на второй круг. Но, к счастью для всех нас, именно в этот момент Марина, мягко увлекая своего мужчину в сторону, начала что-то ему негромко ворковать, и брат если слышал ответ измененного, то просто не воспринял.

— Зараза! — прошипела я, опять ткнув Кляксу в ребра. — Зачем вот это все было? Издеваешься, специально? Больше развлечешься нечем?!

Мужчина, тихо смеясь, повернулся ко мне, обнял крепко, так что бурчать стало неудобно. Заблаговременно упереться ладонями в его грудь я не успела, а сейчас выдираться и обозначать свое негодование таким образом было поздно — у него попробуй, вывернись.

— Просто тут... наслоилось всякое, — сквозь смех ответил он. — Очень не вовремя твой братец явился и начал не с того.

— Он-то как раз вовремя пришел, я с ним, между прочим, договаривалась встретиться, — огрызнулась я. — Что у тебя там наслоилось? Вы так ругались, будто давно знакомы. Что за ползунки с попрыгунчиками?!

— А, это. — Глеб хмыкнул. — Некоторое... соперничество разных родов войск. Десант и пехота друг друга в миру слегка недолюбливают. Это не вражда, просто... Вин, не знаю, как описать.

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось, — вздохнула я. — Вот еще межвидовых конфликтов мне не хватало для полного счастья! Вы что теперь, все время так будете?

— Нет, я же говорю, просто наслоилось. Сложно, знаешь ли, мирно разговаривать с родственниками девушки, когда думаешь, как бы ее... короче, о приятном думаешь, но неприличном.

— Вин! Вот теперь я начинаю тебя бояться, — заметила почти серьезно. — Отсутствие андроида сказывается на тебе негативно, ты что, по жизни такой озабоченный?

В ответ мужчина расхохотался — громко, взмахнул, едва ли не до слез.

— Нет, ну не все так трагически, — проговорил измененный, отсмеявшись. — Комету мне навстречу, по-моему, это самый грандиозный

провал в моей жизни.

— Не понимаю, — проворчала я, терпеливо дождавшись окончания приступа веселья. Нет, мне нравилось, когда Глеб смеялся, ему очень шла улыбка, но именно в этот момент я чувствовала себя очень глупо.

— Вин! Лисеньш, я не умею ухаживать за девушками, — признался мужчина, продолжая искриться весельем. — Последние лет восемь было вообще не до того, а раньше все получалось как-то проще и само собой. Как видишь, я честно попытался, только букет этот, по-моему, уже стоит выкинуть, а я... Вин. Ну не могу я сохранять отстраненно-возвышенную физиономию и делать вид, что хочу чинно прогуливаться с тобой под руку по парку. Я, конечно, не имею ничего против прогулок, но думаю сейчас совсем о другом. Еще тогда, на корабле, очень не хотелось ограничиваться поцелуями, но меня остатки совести сдерживали: было бы мерзко затащить тебя в постель, а потом сгинуть.

— Не вижу принципиальной разницы, — проворчала я, но уже мягче, оттаивая. Прямолинейность измененного подкупала. — Что так сгинул, что этак, а мне хоть было бы что вспомнить. Но ты как-то внезапно переключился: то спали в одной постели и танцевали и руки ты не распускал, а то вдруг — щелк! — и словно подменили.

— Это... сложно сформулировать, — медленно проговорил Глеб, за руку увлекая меня дальше по дорожке. — У меня была цель. Строго определенная, сложная, опасная и последняя. И то за время пути я успел здорово к тебе привязаться: искренняя, светлая, непосредственная, я с тобой душой оживал и позволял себе немного отдохнуть от роли. А потом... На пороге смерти вся шелуха очень быстро облетает, остается только человек — какой он есть. Нагая душа без привычек и масок. Только тогда я отчетливо понял, насколько сильно к тебе прикипел.

— Когда я тебя из запоя выводила народными методами? — предположила, смущенная такими откровениями.

— Чуть позже, — усмехнулся Клякса. — Из депрессии вытащить, с поля боя унести — это дело друга. Надежного, хорошего, проверенного. А вот когда взгляд и голос вытаскивают с того света — тут уже другое. Третье испытание, это было... проверка воли к жизни, что ли? Наличия смысла, цели, готовности за нее бороться. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление. Для меня этим смыслом стала ты, твой взгляд и голос заставили выжить, вернуться. Я сразу в этом не разобрался, да и не пытался разобраться — не до того было. А после... нашлось время подумать. Обо всем.

— Это вот ты мне сейчас в любви признался? — растерянно

пробормотала я, покосившись на мужчину.

Заговорила, чтобы сказать хоть что-то: я прекрасно понимала, что признается он в чем-то гораздо большем.

В происходящее не верилось. Еще час назад я считала его мертвым, а теперь он шел рядом и говорил, что я — смысл его жизни. Ощущения были, как при передозировке кислорода, словно вдруг из темного тесного подвала выбралась под сень леса — и дышишь, дышишь до головокружения, до распирающей грудь эйфории.

— Да Тьма ее знает. — Глеб беспечно пожал плечами. — Есть ли эта ваша любовь, нет ли, что она вообще за зверь. А то как темная материя — все о ней говорят, а никто не видел и не щупал. Я знаю, что хочу тебя — видеть, слышать, чувствовать. Я сейчас безумно, как никогда прежде, до нервной трясушки хочу жить, и это понятие ассоциируется у меня с тобой. Крепко, неразрывно — после того последнего испытания. И совсем не ассоциируется вот с этим твоим словом из книжек: оно возвышенное, сложное какое-то, заумное, а я тебя целую — и голову напрочь сносит, нечем о высоком думать. Дай мне немного времени очнуться, и тогда скажу определенной, потянет на высокое или нет. Такой ответ подойдет? Или надо было просто сказать «да»? — со смешком уточнил он.

— Не знаю. Честно говоря, я и сама еще не уверена, что это все происходит в действительности, — пробормотала тихо.

Мои собственные чувства тоже прекрасно подходили под это описание, за одним только исключением: Глеб не беспокоился по этому поводу, а меня терзали сомнения и тревожные мысли.

Я безумно скучала о Кляксе, постоянно думала о нем и была счастлива, что он жив. Мне нравились его поцелуи, нравилась мальчишеская искренняя улыбка и одновременно с этим не нравились все остальные мужчины. Но я уже совершенно запуталась в этом человеке и не понимала, чего именно от него хочу.

Ведь убийца же, хладнокровный и безжалостный, не терзавшийся муками совести, и его совсем не оправдывает высокая цель. Ведь нельзя победить жестокость жестокостью, а подлость подлостью. И уничтожение пиратской банды не искупает тех жизней, что были сломаны ради этого.

Наверное. Во всяком случае, я привыкла так думать.

И разве можно смеяться с ним, радоваться ему, целовать его и... любить?

— Глеб, расскажи мне эту историю целиком. Про вашу секретную незаконную операцию, про то, что теперь станет с «Тортугой» и как она вообще оказалась на Земле. Ну и о себе тоже. Я ведь почти ничего о тебе не

знаю, а в том, что знаю, уже не уверена...

— Расскажу, конечно. Но не здесь же. — Он улыбнулся уголками губ. — Сейчас авион возьмем и за пару минут доберемся, тут недалеко.

— Доберемся куда? — нахмурилась я.

— Ну... хотелось бы домой, но с этим временные трудности. Квартиру-то я тогда продал, нужны были деньги на подготовку — говорю же, личная инициатива, какое уж тут финансирование. Пиратские счета тоже арестовали, не пошикуешь. Нас, конечно, задним числом назначили исполнителями особо важного и секретного задания, обещали компенсацию и чуть ли не рай на земле, но у нас только звезды быстро вешают и бирки на трупы, а денег ждать приходится. Так что пока я бездомный и почти нищий, зато герой и без проблем с законом. Друг пустил пожить, у него квартира как раз пустует. Надо было сказать об этом раньше, да? — спросил Глеб с грустным смешком. — Понимаю, конечно, радоваться нечему, но пока вот так...

— Да ну тебя, — поморщилась я. — Мне кажется, в нашей с тобой ситуации довольно странно подозревать кого-то в меркантильности. Меня совсем другое расстраивает. Жалко же. Это ведь тот самый дом, что и в видении, да? Там красиво было. Уютно.

— Да ладно, что уж теперь, — отмахнулся мужчина. — Дом и дом. Тут тоже неплохо, а потом все как-нибудь устаканится. Ну что, полетели? Или я тебя спугнул? — иронично поинтересовался он, когда на парковку опустил автоматический авион — городское такси.

— Полетели, так просто не отвертись! — фыркнула я. — Ты мне еще кучу ответов должен!

Мы устроились внутри аппарата, Клякса ввел нужный адрес, и летучая машинка органично влилась в поток своих стремительных собратьев.

Я, конечно, понимала, что совсем не ради вопросов меня везут сейчас в укромное место, Глеб был более чем откровенен в своих словах и выражении эмоций. Как воспитанной девушке, мне, наверное, стоило бы отказаться — мягко или наотрез, по ситуации — и, коль уж так нейдет поговорить, завести мужчину в какое-нибудь кафе, но...

В черную дыру это воспитание, в самом деле! Потому что от поцелуев Глеба у меня кружилась голова и подкашивались ноги, и очень хотелось узнать, что же будет дальше, а главное, как именно это будет. В конце концов, может быть, чувственные удовольствия помогут избавиться от навязчивого ощущения нереальности происходящего? Сам-то Глеб, похоже, был в этом уверен.

Целовать меня он начал еще в авионе. Усадил к себе на колени и с

жадностью припал к губам, скользнул ладонью по бедру под юбку, обжигая, лаская, заставляя забыть обо всем постороннем и сосредоточиться на ощущениях. Наверное, если бы дорога оказалась чуть дольше, и раздевать начал бы прямо в салоне, но — удержался. Хотя от стоянки до лифта нес на руках — то ли не желая отпустить, то ли стремясь сэкономить время.

В квартире я осмотреться не успела, да даже и не попыталась толком. Минуту-другую перед глазами проплыли какие-то темные и светлые пятна, а потом я оказалась на постели, вжатая в простыни крепким телом измененного. Задохнулась от нового поцелуя — чуть иного, сладкого, томного.

От одежды избавлялись, почти не прерываясь. Тянулись друг к другу, захлебываясь ощущениями, упиваясь прикосновениями и торопливым, яростным стуком сердец.

— Лисеньш, — едва слышно выдохнул Глеб между поцелуями. Синяя бездна глаз потемнела, и от взгляда в нее у меня еще сильнее закружилась голова. — Я постараюсь быть нежным, осторожным, но... Вин! Я совсем не уверен, что получится. Если вдруг что-то будет не так — говори. Не услышу — тогда хоть бей, вот как в парке.

— Ты опять решил меня припугнуть? — насмешливо спросила я, тоже почему-то шепотом.

— Да я сам себя боюсь, — ухмыльнулся он. — Знала бы ты, чего мне стоит не рвать на тебе одежду!

— Не убедил, — улыбнулась я, обеими ладонями обнимая его лицо. — Я тебе верю и точно знаю, что ты не сделаешь мне больно.

И сама потянулась к его губам для поцелуя. Больше мы не разговаривали.

ГЛАВА 13, в которой Алиса слушает правдивые сказки

Лучшее украшение девушки — скромность и прозрачное платье.

Евгений Шварц. Дракон

Глеб Жаров (Клякса)

Легко определить, что такое жизнь и из чего она складывается. Это просто набор действий и впечатлений от пробуждения до засыпания. У каждого свой, меняющийся в зависимости от обстановки, иногда — скучный и однообразный, иногда — захватывающий, как одно сплошное игровое вирткино. Такая длинная-длинная нитка с нанизанными на нее бусинами разных размеров, цветов и форм.

А вот что такое ощущение жизни, я осознал сейчас. Впервые испытал его на «Тортуге», когда стоял на коленях и обнимал Алису после заключительного испытания, а понимать стал только теперь. Это совсем даже не возможность совершать те самые действия, нанизывая бусины на нить, как кажется на первый взгляд. Можно ходить, действовать, даже что-то чувствовать, оставаясь при этом покойником. Самая простая и грубая иллюстрация — существование смирившегося и сломленного смертника от приговора до его исполнения, когда человек вроде бы есть, а вроде бы его уже нет. Иллюстрация чуть посложнее — последние годы моей жизни.

Ты словно робот, действующий по однажды заведенной программе. Есть цель, есть поступки, приближающие к этой цели, есть даже удовольствия и место для радости, только живым ты себя не ощущаешь. Порой удастся обмануть тот неведомый науке орган, который должен это чувствовать, собирая информацию от всех остальных, но получается что-то вроде фантомных болей.

А вот сейчас, в этот конкретный момент, я остро ощущал себя живым, и это было потрясающее чувство сродни внезапному прозрению, обретению утраченного слуха и исцелению от паралича одновременно. Оно сопровождалось множеством мелких деталей, но не состояло из них, а

было именно отдельным чувством, мягко растекающимся по телу откуда-то из солнечного сплетения. Почти из того самого места, где кожу щекотало дыхание Алисы — ее голова лежала у меня на груди.

Я перебирал медные пряди, пропускал их между пальцами, поглаживал кожу. Понимал, что должен спросить о самочувствии, проявить заботу, в конце концов, отнести в ванную. Не просто понимал — чувствовал, что надо это сделать, и даже хотел, вот только одновременно с этим хотел просто лежать и наслаждаться ощущением жизни, и пока последнее стремление пересиливало.

Потом Алиса завозилась сама, но ограничилась тем, что заползла чуть повыше и запрокинула голову, чтобы заглянуть мне в лицо. С трудом заставив себя поднять вторую руку, убрал с девичьего лба несколько влажных растрепанных прядей и все же спросил:

— Как ты?

— Ну, я же тебя не била, — улыбнулась она. — Значит, все замечательно.

— Мне кажется, в какой-то момент я все же перестарался, — хмыкнул я.

— Было дело. — Алиса выразительно потерла бедро, на котором темные пятна складывались в читаемый отпечаток ладони.

— Извини, — вздохнул покаянно. — В следующий раз точно получится аккуратнее. Я вспомнил принцип и, кажется, уже немного пришел в себя.

— И когда же он будет? — мурлыкнула рыжая, плавным, совершенно кошачьим движением переворачиваясь на живот и приподнимаясь на локте. Нога ее легла поверх моих бедер, а кончики пальцев прочертили полосы на груди, от ключицы вниз.

Я рассмеялся, перехватил тонкую ладонь и опрокинул девушку на кровать, благо ширина матраца позволяла.

— Лисеньш, да я-то в любой момент к твоим услугам, хоть сейчас, только ты хорошо подумала? Уверена, что прекрасно себя чувствуешь и готова на подвиги? — поинтересовался серьезно, целуя открытую ладонь.

— Ну... да, наверное, ты прав, — нехотя проворчала Алиса, наморщив нос. — Но обидно же, что из-за этих дурацких особенностей физиологии столько приятных моментов приходится откладывать! Надо было тебя еще на «Ветренице» подвигнуть на свершения.

— Кто бы мог подумать, что под такой невинной наружностью скрывается столь ненасытное чудовище! — весело фыркнул я и, перекатившись через девушку, поднялся с постели.

— Ты решил спастись бегством? — полюбопытствовала Алиса.

— Напротив, я желаю, чтобы мое чудовище было бодрым и деятельным, так что пойдём-ка мы купаться, — сообщил весело и, подхватив рыжую с постели, закинул на плечо.

Сопротивляться она не стала, только подперла голову ладонью — я почувствовал острый локоть чуть пониже лопатки — и задумчиво поинтересовалась:

— Ты меня всегда так носить собираешься? Не подумай, что я категорически против, вид отсюда открывается неплохой, но так, интересно для общего развития.

— Нет, я явно создал чудовище! Она меня теперь еще и за задницу хватает. — Я опять засмеялся.

— Тебе можно, а мне почему нет? И ты не ответил.

— Ну, тогда напоминаю для особо забывчивых: ты — моя законная добыча, как хочу, так и таскаю. Могу вот даже за ногу вниз головой, надо? — спросил я и сжал ее голень, делая вид, что действительно собираюсь поднять.

— Ай! Нет! — Взвизгнув, она вцепилась в меня обеими руками.

— Не брыкайся, о стенку ударишься, больно будет, — предупредил я.

Алиса прониклась и притихла, позволила мне спокойно отнести ее в ванную и приняться за мытье. Я, конечно, понимал, что дразню себя и стоило бы оставить рыжую в одиночестве, но... любоваться, скользить ладонями по ее коже, ощущать тепло ее тела — это было слишком приятно, чтобы я мог отказать себе в таком удовольствии.

А еще приятно было поухаживать за ней — хоть такую малость, если с цветами и прочими традициями не вышло. Все же это совершенно особенное удовольствие, которого я также давно был лишен, — в, казалось бы, незначительных мелочах помогать дорогому человеку, проявлять нежность не чувственную, в постели, а... бытовую, что ли. Мне нравилось ощущать, что она — такая маленькая, хрупкая, изящная — вот тут, в моих руках, слепо доверяет, цепляется за плечи, улыбается. Нравилось нить ответные чувства — удовольствие, нежность, отголоски страсти... Кажется, смесь этих эмоций имела все шансы стать для меня наркотиком.

Намылить себя девушка позволила с большой охотой, а вот дальше все опять пошло не так, как планировалось. Потому что желание разгорелось в ней очень быстро, затмив все прочее. Алиса прикинула ко мне всем телом, потерлась, оглаживая ладонями плечи, дотянулась губами до подбородка, провела языком вдоль кадыка...

Выдержки предсказуемо хватило ненадолго, и я, с удовольствием

поддавшись на провокацию, стал жадно целовать приоткрытые губы и прижимать к себе податливое стройное тело. Потом притиснул ее к стене, завел руки над головой и прошипел:

— Лисеньш-ш, я же не сдержусь, и тебе будет больно! Ну зачем?

— И я не понимаю, зачем тебе сдерживаться, — насмешливо отозвалась она.

Мыльная скользкая ладошка проворно освободилась из некрепкого — боялся причинить боль — захвата, скользнула по моей груди вниз, на живот, очертила кончиками пальцев пупок и, спустившись ниже, вырвала из моего горла рваный вздох.

— Я, может, как практик и не очень, но теорию-то знаю хорошо. Физиологию там, анатомию, — проворковала она, легонько касаясь губами горла и ключиц попеременно. — Было любопытно выяснить детали, опять же я надеялась, что когда-нибудь найдется достаточно отважный рыцарь, который не убоится моих домашних драконов, вот и выпадет случай проверить теорию на практике. Ну и, кроме того, я же обещала изучать *тебя!* Можешь считать, что это тоже эксперимент. Сравнение реакций с теоретической моделью...

— Лучше молчи! — нервно усмехнулся я и, осторожно прихватив ее одной рукой за горло, закрыл рот поцелуем.

Как там было в пословице про чертей в тихой гавани?.. А, черт, да какая разница!

В итоге из ванной мы, завернутые в полотенца, вышли далеко не сразу. Причем Алиса была весела и игрива, а я — сильно ошарашен, но достаточно благодушен и, чего уж там, доволен, как вообще может быть доволен жизнью мужчина в нежных и шаловливых женских руках.

Я увлек свою добычу на кухню. События последних часов пробудили зверский голод, а пропитанием я озаботился в первую очередь, заранее. Не изменил привычным полуфабрикатам из разряда «просто разогрей», закупил здоровенную упаковку витаминного концентрата, который мой организм потреблял в качестве топлива, и прочее, по мелочи.

Пока обед готовил сам себя, я уселся на высокий стул, с показательно строгим видом привлек Алису в объятия, обхватив руками за талию, а коленями слегка сжал ее бедра. Ладони девушки медленно, словно в задумчивости, огладили мои плечи и грудь, но на этот раз на провокацию я не поддался и велел решительно, даже слегка нахмурившись:

— Ну давай, рассказывай.

— Я? — Она явно озадачилась. — По-моему, это ты обещал рассказать про «Тортугу» и все прочее!

— Это обязательно, но для начала все же объясни мне, лисеньш, кто тебя за это время подменил? Была дрожащая робкая девица, а тут вдруг — бац! — и развратная соблазнительница.

— Тебе не нравится? — смущенно и настороженно уточнила Алиса.

— Меня устроил бы любой вариант, в котором ты от меня не шарахаешься, — отмахнулся я легко. — Но внезапность перемены вызывает вопросы. Я ошеломлен, если честно.

— Да ладно, какие уж тут вопросы. — Девушка прислонилась к моей груди и склонила голову на плечо, удобно устраиваясь в объятиях. — Просто там, в космосе, все было страшно и непонятно. То есть ты вроде веселый и добрый, но все равно — непонятный пират, и Тьма знает, чего от тебя ждать в итоге. Сейчас добрый, а через час передумал и выбросил. Нет, я не подозревала этого всерьез, ты показал себя с лучшей стороны, но... подспудно опасалась. — Она вздохнула. — А здесь-то чего бояться? Ты вернулся ко мне с того света, настоящий, надежный, заботливый и нежный, и можно позволить себе не задумываться о мелочах и проявлять любопытство. Уже не пират, а вполне достойный мужчина и офицер. Я только на звание как-то не посмотрела...

— Полковник с недавних пор, — со смешком ответил ей. — Уходил майором, так что сходил удачно. Говорю же, звезды у нас раздают достаточно легко.

— Ну ничего себе, легко! — присвистнула она. — Папа вон в шестьдесят еще майор...

— Ну ты сравнила, конечно, нейтринно с дубиной. Твой отец где служит? На Земле, в тылу, снабженцем. Тут кормят хорошо, но желающих получить повышение — пруд пруди. А нашу братию по всем горячим точкам галактики мотает. Выжил, не запятнав честь мундира, — уже неплохо, задачу при этом выполнил — молодец, перевыполнил — герой. Мотало. «В поля» меня больше никто не пустит.

— Не могу сказать, что меня это расстраивает, — проворчала Алиса, а через пару секунд со вздохом добавила: — Как-то побаиваюсь я вас с папой знакомить. Если вы с Димкой чуть не подрались, с отцом точно сцепитесь. Он тяжелый человек.

— Я задействую все свои красноречие и выдержку, — почти серьезно заверил ее. — Если он, конечно, не вынырнет откуда-нибудь из-под стола прямо сейчас или в какой-то другой неудобный момент.

И отклонился чуть в сторону, вытягивая шею и заглядывая под стол.

— Брр-р! — Алиса вздрогнула, тряхнула головой и ткнула меня пальцем в грудь. — Даже в шутку такого не говори! Никогда!

— Ни слова о Драконе, да? — рассмеялся я. — Хорошо, не буду. Давай есть, а то остынет.

Поели мы без спешки, и к тому времени, когда закончили, стало понятно, что это был ужин. Сидеть в полотенцах к этому моменту стало уже странно, без — Алиса мерзла, да и нагота сейчас отвлекала, так что в конце концов мы приняли решение устроиться в постели. Во-первых, удобно, а во-вторых, навевало воспоминания о совместном перелете. Удивительно приятные, невзирая на все приключения.

Я улегся на спину, заложил одну руку за голову, а второй обнял прильнувшую к моему боку и удобно пристроившуюся на моем плече Алису и спросил, стараясь сосредоточиться на делах и не отвлекаться на приятные ощущения:

— И что именно ты хочешь услышать?

— Ну-у... Скажи, вот те видения на станции, где ты лишился руки и где едва не застрелился, это были фрагменты из жизни?

— В некотором приближении. То есть все было не именно так, но обстоятельства похожи. Например, бомбежки и гор с хибарой не было, но я действительно чуть не сдох. И, кстати, именно тогда окончательно возненавидел звезды. А второй эпизод... Ну, как-то так, только оружия у меня не было. Кто бы меня пустил в запой, да с табельной пушкой! По моему, для этих испытаний они использовали ту самую систему, в которой жили сами, — позволяющую переживать воспоминания. С одной стороны, как будто соблюдается принцип о невмешательстве в разум, а с другой — можно эти воспоминания отчасти исказить. Причем, насколько я понял, искажает их твой собственный разум, следуя заданному эмоциональному настрою.

— Выходит, и девушка та была на самом деле? — осторожно, с опаской спросила Алиса, явно куда больше заинтересованная моей жизнью, чем деталями технологий ксеносов. — Кто она?

— Она... Лена. Вин! Это получится достаточно долгий экскурс в мою биографию.

— А мы вроде бы не торопимся, разве нет?

— Ну, не меня ждали дома к десяти часам вечера, — усмехнулся я. — Впрочем, как знаешь, я все равно не хотел тебя сегодня отпускать.

— Отец будет ругаться, — вздохнула девушка.

— Переживем. Кроме того, оставить тебя здесь на сегодня — в его интересах и в твоих тоже, — заверил я и пояснил, не дожидаясь вопроса: — Если я выплусь, я буду гораздо добрее при встрече с ним и шансы разойтись с миром повысятся.

— Опять последствия изменения?

— Да, они самые. За время перелета в твоём обществе я привык нормально спать, и отвыкать оказалось... неприятно. Так что я предпочитаю провести эту ночь с тобой под боком.

— Ну, раз ты меня на сегодня похитил из родного дома, тем более рассказывай! Что там за экскурс? Твоя биография мне тоже очень интересна.

Биография у меня и правда... занятная, и в своё время я наслушался шуточек на эту тему. Отец, по чьим стопам я пошел в конечном итоге, был офицером, причем боевым, он успел только определить меня в кадетское училище, а потом погиб. В итоге воспитывала меня мать, женщина очень возвышенная и, по понятным причинам, после смерти мужа с неприязнью относившаяся к военным. Так что за плечами у меня занятия музыкой, этикетом и еще прорва совершенно бесполезных бойцу навыков настоящего дворянина: сама мать происходила из не особенно знатного, но весьма старого рода с традициями, вот и пыталась по мере сил перебороть влияние пусть и любимого, но имевшего другой взгляд на жизнь мужчины. Мама очень возражала против того, чтобы я связывал свою жизнь с армией, но я уже тогда был исключительно упертым типом, и она со мной банально не справлялась.

А с нами по соседству, дом-то офицерский, жила семья друга и сослуживца отца, погибшего вместе с ним: мать и дочка, Лена, на пять лет моложе меня. Поскольку дисциплинировать другими способами не получалось, меня постарались привлечь к воспитанию этой малявки, приучить к ответственности. Отчасти это даже получилось, потому что вскоре я привязался к девчонке, всерьез опекал ее и считал младшей сестрой. Ну и... перестарался.

В двадцать четыре года она предпочла удрать с планеты, лишь бы освободиться от моего присмотра. Кончилось все плохо. Собственно, к тому моменту уже умерли наши матери, так что я после Ленкиной смерти оказался полностью предоставлен самому себе.

— Ты не виноват, — тихо заверила Алиса, поцеловав меня куда-то в ребра.

— Виноват, — возразил твердо. — Не полностью, но отчасти — да.

— Ее точно так же могли и на Земле похитить! — горячо возразила девушка, приподнявшись, чтобы заглянуть мне в лицо. — Что, надо было посадить под колпак? Тогда бы она не смогла сбежать? Если человеку суждены неприятности, он их найдет где угодно!

— Не горячись, я же не собираюсь прощаться с жизнью. Это было

много лет назад. Вспоминать, конечно, тяжело и грустно, но — отболело, да и выводы я сделал давно. Простые, но почему-то дойти до этого получилось только через потрясение.

— Какие? — уточнила Алиса, потому что я замешкался с продолжением.

— Если от гражданского человека требуется повиновение и послушание, ему нужно в первую очередь четко обрисовать всю картину и попытаться добиться понимания, — ответил со смешком. Девушка явно ожидала каких-то совсем иных откровений и теперь глядела очень удивленно. — У вас нет условного рефлекса подчиняться приказам.

— Ты поэтому сразу отнесся ко мне... вот так? — сообразила она.

— Мне нужно было, чтобы ты не доставляла неприятностей. Как видишь, тактика себя оправдала.

— И после смерти Лены ты согласился на все это? — вернулась Алиса к прежней теме. — Внедриться к пиратам?

— Нет, с пиратами все случилось гораздо позже. А тогда мне просто нечего было терять, и я... в общем, многократно отличился. Потом из-за ранения меня отстранили от боевых вылетов. Пить я, конечно, уже не нил, я вообще после Ленкиной смерти больше алкоголь не употребляю — понял, что в случае чего могу сорваться, и прощай, здоровая голова. И вот тогда на каком-то сборище заговорили о том, что хорошо бы прищучить «Тортугу». Из этой болтовни вырос примерный план операции, а Гарольд — тот подпол, о котором я упоминал, — за него неожиданно для всех уцепился. Он мужик уже немолодой, у него к пиратам свои счета: лайнер, на котором летела его семья, захватили, и никто из близких не выжил. Во всяком случае, найти никого не вышло, как тогда с Ленкой. Жена и трое детей. Гарольд нашел еще троих таких же отморозков вроде меня, но их судьба мне неизвестна. На изменение никто из них не пошел, а я вот рискнул.

— Глеб, а каким ты был раньше? Ну, до изменения.

— Если интересно, можно поискать по друзьям голографии, — пожал я плечами. — Волосы вот были темные, глаза тоже, кожа, может, смуглее, а в остальном почти такой же. Во всяком случае, все старые знакомые узнают почти сразу.

— Интересно, поищи, — попросила Алиса и тут же продолжила расспросы: — А кто проводил операции? Если бы ты был полноценным шпионом, я бы решила, что какой-нибудь секретный правительственный центр втихаря занимается исследованиями. А на самом деле?

— А на самом деле так и есть, — со смешком ответил я. — Центр

находится на периферии империи, на одной из тех планет, где подход к законам достаточно вольный, и официально занимается исключительно вопросами репродукции и генетических заболеваний. Я не знаю подробностей, как Гарольд умудрился меня туда устроить, кто разработал приборчик, живущий в моей голове, да и такие игрушки не в каждом инфосетевом магазине продаются. — Я поднял правую руку, сжал и разжал пальцы, поворачивая ее и разглядывая. — Подготовку Гарольд полностью взял на себя, я не лез, только деньгами вложился, как мог. Он же потом меня вел, отслеживая по этому чипу и подкидывая лакомые куски для обеспечения карьерного роста. Правда, первая пиратская команда попалась неудачная, их пришлось устранить. Но все повернулось к лучшему, после этого я попал на «невидимку».

— В каком смысле неудачная? — растерялась Алиса.

— В таком, что даже у моей морали есть предел гибкости. — Я скривился, вспоминая. — У Серого с «Ветреницы» было одно неоспоримое достоинство: он не получал удовольствия от мучений людей и другим этого не позволял, так что никогда не брал пленных.

— Просто всех убивал, на месте? — мрачно уточнила моя добыча.

— Поверь мне, быстрая и легкая смерть — это далеко не самая страшная участь, — возразил ей. — Милосердие — понятие относительное.

— Да, наверное...

Некоторое время мы лежали молча, почти без движения. Алиса о чем-то сосредоточенно думала, кончиками пальцев рисуя узоры на моей коже, а я наслаждался этими прикосновениями, ждал выводов и дальнейших вопросов.

— Не могу себе этого представить, — тихо заговорила она наконец. — Как можно вот так легко, без колебаний, убивать? Если в порядке самозащиты, когда от этого напрямую зависит жизнь своя или близких, — еще могу представить, но вот так... Как получается, что ты одновременно добрый и заботливый и — безжалостный, совсем не терзающийся муками совести? Говорят же, что привыкнуть убивать невозможно, что это все равно сказывается. Разве нет?

— Я... — запнулся, помолчал и со вздохом продолжил: — Я понятия не имею, что ответить на этот вопрос. Наверное, у меня что-то с головой не так, и это какое-нибудь психическое отклонение, не знаю. Да, не мучаюсь. Да, считаю, что делал именно то, что должен был делать. Да, не жалею, и если бы был шанс изменить прошлое, я бы им не воспользовался. Да, жалко убитых и их родных. Но «Тортугу» надо было остановить, и я это

сделал, а что до цены... было бы нужно — заплатил бы и больше. Наверное, это ставит меня в один ряд с теми, с кем я боролся. Но меня это не смущает. Если смущает и беспокоит тебя... — проговорил я и вновь умолк, не зная, как закончить фразу.

Что, в этом случае отпущу ее на все четыре стороны? Да комету мне в задницу, только не в этой жизни!

— Беспокоит, — вздохнула Алиса. — А больше всего беспокоит, что это совсем ничего не меняет. Хотя, мне кажется, должно. Ведь получается, если бы ты не пошел в пираты, наш транспортник благополучно вернулся бы на Землю, и все остались бы живы. Ведь без тебя никто не узнал бы о контрабанде.

— Живы, но в тюрьме, причем в какой-нибудь не самой спокойной, — со смешком ответил я.

— В каком смысле? — растерялась девушка.

— В том, что канал поставки уже прикрыли, а транспортник здесь ждала теплая встреча, — пояснил спокойно. — Так империя и позволит кому-то у себя под носом безнаказанно добывать космолит! А контрабанда по нашим законам карается весьма жестко, и незнание от ответственности не освобождает: приняли же груз на борт почти без проверки. Да и не факт, что действительно не знали, капитан мог быть в доле, и не только он. Вот, может, только тебя как пассажира и пощадили бы...

— Вин! — выдохнула она со смесью тоски и негодования. — У меня голова пухнет. Почему все так сложно?! Почему люди не могут просто жить, никому не причиняя зла, почему негодяи не могут понести наказание просто так, сами по себе, чтобы хорошие люди при этом не страдали?!

Я под конец этой тирады не выдержал, засмеялся. Перевернулся на бок, прижал девушку к себе. Привкус от ее переживаний был навязчивый, горький, но... все равно это почему-то оказалось почти приятно. Или дело в том, что мне просто нравилось ее обнимать?

— Какой ты, в сущности, еще ребенок, — заметил я сквозь смех. — Вот черное, вот белое, и хорошо бы вообще-то выкрасить весь мир в белый цвет.

— Не смешно, — обиженно проворчала она. — Это все очень грустно!

— Ох, лисеньш... Я даже как-то забыл, что в природе встречаются люди вроде тебя.

— Это плохо?

— Это замечательно, — возразил серьезно. — Должен же кто-то компенсировать существование таких чудовищ, как я.

— Ты не чудовище, ты... Просто очень сложный. Чудовище на твоём

месте сбежало бы: власть над той станцией — это практически неограниченное могущество. А ты вернулся, хотя был уверен, что здесь тебя ждет казнь.

— Плакса, — вздохнул я и прижался губами к ее макушке.

Некоторое время мы так и лежали: Алиса тихонько шмыгала носом, а я обнимал ее и гладил по волосам, ощущая вкус морской воды в горле и закономерно думая о том, что неплохо было бы вправду оказаться сейчас где-нибудь в теплых краях, желательно у воды.

Алиса Лесина

Везение — все же весьма относительная и непостоянная величина. Не только потому, что удача переменчива и так далее; просто то, что один называет фартом, другой может посчитать кошмаром.

На мой взгляд, именно последним была вся жизнь Глеба, состоявшая из одних сплошных потерь и потрясений. Сложно назвать везением то, как раз за разом выживал этот человек, лишенный в жизни абсолютно всего, что лично мне всегда казалось главными составляющими этой самой жизни. Ни семьи, ни дома, ни будущего и надежды все это обрести. Да, его воля и мужество достойны уважения, но мне даже представить было жутко, что несколько лет этот человек жил с единственной целью — умереть, исполнив долг.

А он даже не понимал, насколько это страшно. Не измененный — покалеченный, переломанный вдоль и поперек.

Я крепко зажмурилась, коснулась губами гладкой кожи мужчины чуть ниже впадинки между ключиц, а потом спросила тихо:

— Все будет хорошо, правда?

— Почему — будет? — насмешливо уточнил Глеб. — По-моему, и сейчас все отлично! — Отстранился, провел по моей щеке костяшками пальцев, стирая слезы, и с легкой улыбкой качнул головой: — Что-то ты совсем раскисла на ровном месте.

— Ничего себе, ровное! — проворчала я недовольно.

Но пояснять свои слова, конечно, не стала: если я расскажу Кляксе, что именно так меня расстроило, он опять засмеется и скажет, что я ребенок. Слишком по-разному мы смотрим на жизнь, да и судьбы у нас слишком разные, чтобы сходиться в подобных вещах.

Да, Глеб больше видел и знает, умом я понимала, что прав все же он: мир — тот большой, населенный триллионами живых существ мир, что простирается вокруг, — сложен, пестр и не имеет однозначных ответов на

вопросы морали.

Но в моем мире — маленьком, уютном, ограниченном определенным кругом общения или даже, как сейчас, единственными объятиями — для всех этих больших и страшных вопросов не было места. Я не желала, чтобы оно там было. Гораздо проще и приятней думать не о том, что в любой момент этот мир может лопнуть как мыльный пузырь, а о том, что Глебу просто нужно помочь. Что он уставший, утомленный долгой и трудной дорогой путник, который пришел в мой маленький мир, и мой прямой долг — радушно принять этого гостя. А в идеале вообще уговорить остаться навсегда...

И вместо того чтобы высказывать все эти мысли, способные разве что развеселить измененного, я задала еще один важный вопрос:

— Глеб, а что теперь будет с «Тортугой»? И где она вообще? Ты отдал ее ученым?

— Ну, в некотором роде. — Он весело хмыкнул. — Понимаешь, передать кому-то мою должность «координатора схрона» пока еще не получилось. То есть станция согласна допускать к себе посторонних в других качествах, согласна слушаться и служить подопытным материалом, она даже трупы своих прежних хозяев выдала без возражений. Но ее словно заклинило на мне. У этой техники есть какие-то очень мутные ограничения, чуть ли не подобие собственной воли, и она не каждого согласна к себе допустить. Меня же, если ты помнишь, Серый выдвинул в капитаны только потому, что «Ветреница» признала. Вот и здесь что-то вроде этого, пока не удалось разобраться. Так что я, конечно, передал «Тортугу», ее активно начали изучать, надеясь перенять хоть какие-то технологии, но все равно мне велели круглосуточно быть на связи, чтобы при необходимости явиться на место и договориться с этой штуковиной, если она заартачится и перестанет слушаться.

— А остальные «невидимки»? Что стало с ними?

— То же, что и с «Ветреницей»: они все вернулись в «лоно родителя» вместе со своими командами. Хорошая техника. Уже одно то, что эта машина способна легко и незаметно приземлиться, не оставив следа в атмосфере, впечатляет, а сколько там еще секретов! Так что нам еще долго предстоит служить любимой игрушкой научной братии — той, которая имеет соответствующий допуск, разумеется.

— А почему «вам»?

— Ну, я тоже оказался любопытным экземпляром. Не настолько, конечно, так и изучают меня другие люди.

— Это из-за изменения? — озадачилась я и тут же встревожилась: —

Что-то не так?

— Не дергайся, как раз наоборот. Я оказался на удивление удачным и интересным экземпляром. Из того института, который меня собирал, приехала целая делегация, — весело поделился он. — Они же меня поначалу пытались дистанционно сопровождать, ну вроде как для гарантии, да и самим было любопытно выяснить, почему я выжил. То есть понятно, их бы воля, они бы меня не выпустили из своих застенков в вольное плавание, Гарольд надавил в свое время. Им пришлось запастись анализами решительно всего, что может прийти в голову, и довольствоваться нерегулярными отчетами, которые я в первый год еще слал, а потом, на «Ветренице», уже не рисковал. А теперь я полностью доступен, можно изучать. Все же исключительно редкий случай — глубокое изменение, которое оказалось удачным, то есть объект не только в процессе не сдох, но и бегаёт живчиком, доказывая свою жизнеспособность. Я вообще не удивлюсь, узнав, что помиловали меня во многом под давлением ученых, которые категорически возражали против уничтожения столь ценного экземпляра. А император, ты же знаешь, весьма благоволит к науке. К генетике в том числе.

Я только согласно вздохнула.

Все же Глеб — удивительно непрошибаемое существо. Как можно столь спокойно относиться к собственной роли подопытного животного?

А с другой стороны... зато живой. И даже в клетку не заперли.

Причина симпатии императора к генетикам, к слову, объяснялась тривиально и по-человечески вполне понятно: все сыновья-наследники были здоровы, а вот единственная дочь, принцесса Анна, появилась на свет с врожденным дефектом. Подробности, конечно, не оглашались, но совсем скрывать факт то ли просто не стали, то ли не удалось это сделать. И когда специалисты справились с этой проблемой, отношение венценосной фамилии к опальной науке заметно улучшилось. То есть в империи генетику никогда не запрещали совсем, но правящая династия традиционно ее избегала. Во всяком случае, официально. Сомневаюсь, что центр, в котором изменили Глеба, работал без ведома императора.

Впрочем, не мне судить правителя и давать оценку его поступкам: легко быть кристально честным и благородным, когда от твоих решений не зависит ничего, кроме чистоты собственной совести.

— И что они наизучали? Можно будет ознакомиться? — заинтересовалась я.

— Любопытно? — Клякса понимающе усмехнулся. — Я могу спросить, но есть риск, что они заинтересуются и тобой.

— А я им зачем? — изумилась искренне. — Обычный же человек.

— Да как тебе объяснить, — протянул он чуть рассеянно. — Ты, конечно, человек, спору нет, проблема опять же во мне. Я... хм. Достаточно нервно реагирую на присутствие посторонних.

— Ничего не поняла, — призналась я и, отстранившись, уставилась на мужчину. — Ты же нормально с людьми общаешься, вроде бы без особых затруднений...

— Нет, не в этом дело, — отмахнулся он. — Общаться я могу с кем угодно, даже с очень неприятными мне личностями. Речь идет об относительно продолжительном пребывании на одной территории, тем более в личном пространстве. С этой стороны даже хорошо, что меня держали в одиночке, в общей камере я бы, наверное, умом тронулся или спать перестал. Только ты не воспринимаешься чужеродным элементом, даже наоборот, благотворно на меня влияешь.

— Ну да, эти твои проблемы со сном... — подтвердила я. — А еще, кстати, ты упоминал, что нервно реагируешь на громкие звуки, это отсюда же?

— Отсюда. Ты, конечно, орать у меня над ухом не пробовала, так что ручаться нельзя, но, по-моему, на тебя эта проблема не распространяется. Так вот, ученых головастиков мое особенное к тебе отношение жутко заинтересовало, но затащить тебя в свое логово они пока не смогли. Оформили, конечно, официальный запрос, но пока тот пройдет все инстанции, пока будут думать, пока проверят, пока попытаются заручиться согласием, да еще твой отец, скорее всего, воспрепятствует... В общем, это надолго. А если ты сама, по доброй воле, явишься, это избавит их от многодневной волокиты.

— Честно говоря, мне и самой жутко любопытно узнать, почему так получилось, — призналась я. — Как думаешь, а на работу меня возьмут? В смысле, не только лабораторным пособием, а именно на работу? Мне же все равно нужно куда-то устраиваться.

— Если безобразие невозможно прекратить, его следует возглавить? — засмеялся Глеб. — В космос больше не хочется?

— А что, ты собираешься? — спросила я.

На лице мужчины отразилось легкое замешательство, сменившееся задумчивостью.

— А что, со мной полетела бы?

— Куда угодно, — отозвалась я тихо.

Вышло удивительно емко и пронзительно, и вместил мой ответ куда больше, чем формально значили эти два слова.

Глеб несколько долгих мгновений разглядывал мое лицо, а я тонула в уже совсем не страшной лазурной бездне; потом мягко толкнул, опрокинул на спину, склонился и поцеловал — глубоко, нежно, медленно. В следующее мгновение мои ладони уже скользили по его плечам, а нога обнимала бедра.

— Лисеньш, ты опять? — выдохнул мужчина мне в губы. — Я ведь не железный...

— А у меня уже ничего не болит, — отмахнулась я, закрывая ему рот поцелуем и не давая возможности ответить.

Некоторое время Глеб все же упорствовал. Не отталкивал меня, не пытался завернуть в одеяло или сбежать, даже отвечал на поцелуи, но чувствовалось, что сдерживает себя, наверное, надеялся, что мне надоест.

Не надоело. Я оторвалась от его губ, спустилась к плечу, проложила дорожку из поцелуев вдоль ключицы, кончиком языка провела от впадинки вверх, по горлу — еще в душе обратила внимание, как на измененного действует это прикосновение. Сейчас реакция оказалась похожей: с тяжелым шумным вздохом мужчина запрокинул голову, поддаваясь этой простой и как будто не столь откровенной ласке. Я слегка прихватила тонкую кожу зубами, ответом на это стали новый вздох, больше похожий на стон, и крепко сжавшая мое бедро ладонь.

— Похоже, я нашла у тебя уязвимое место? — не удержалась от подначки и вновь медленно провела языком по шее.

— Похоже, ты нашла себе проблему, — хрипло ответил он, и от его голоса меня пробрала мелкая дрожь, стекшая от лопаток к пояснице.

Так что своего я все же добилась.

Только, несмотря на угрозу, Глеб снова был нежен, нетороплив и осторожен. Настолько, что это почти пугало и одновременно заставляло сердце сладко сжиматься и замирать от восторга. От удовольствия, что вот эти сильные руки, привыкшие к оружию, привыкшие нести смерть, касаются меня столь чутко и бережно. От понимания, что я — особенная для него настолько, что сдерживается до последнего, лишь бы не навредить.

Я видела, ощущала каким-то чисто женским внутренним чутьем и понимала разумом, что ему хочется совсем не этих неторопливо-томных ласк, а иного — жгучего, звериного, грубого. Но осторожничал, чувственно и нежно сводил с ума прикосновениями.

Сорвался только в самом конце, когда желание совершенно затуманило разум, и снова наставил мне синяков. Но в тот момент это уже не беспокоило. Во мне осталось только единственное инстинктивное

стремление принадлежать — полностью, до последнего вдоха, до самой потаенной мысли — именно этому мужчине, которого принимало мое тело и которому принадлежало мое сердце.

Заснули мы почти сразу, не размыкая объятий, не имея сил и желания хоть как-то пошевелиться. Только, уплывая в сон, я почувствовала, как Глеб убрал руку за спину, нащупывая одеяло, а потом широким жестом накрыл нас обоих, словно отрезая от окружающего мира. В этот момент меня эгоистично не волновало беспокойство родных, Димкины угрозы и предстоящий разговор с отцом. Меня вообще ничего не волновало, кроме теплого и всеобъемлющего ощущения счастья, оттененного легким горьковатым привкусом недоверия: а вдруг это все-таки не на самом деле?

Утром же, несмотря на то что проснулась я одна, а совсем даже не в надежных объятиях измененного, у меня не возникло ни единой мысли о том, что вчерашнее может быть сном, видением или чем-то вроде этого. Потому что утро началось с расплаты за то, что, глупая и самонадеянная, я не послушала умного и опытного Глеба. Не то чтобы у меня все ужасно болело и хотелось от этого умереть, но ощущения были весьма неприятными. Ломило некоторые мышцы, о существовании которых я, достаточно спортивная девушка и вообще-то врач, раньше никогда не подозревала. Ныли синяки, горели припухшие от поцелуев губы и, конечно, неприятно саднило между ног. Не до такой степени, чтобы обещать себе «никогда больше», но достаточно, чтобы идея продолжения вчерашнего прямо сейчас вызывала устойчивое отвращение.

Некоторое время я лежала в кровати, лентяясь и одновременно побаиваясь пошевелиться: а вдруг окажется, что чувствую я себя на самом деле еще хуже? Пролежала бы, наверное, дольше, но постель с одного края прогнулась, и я была вынуждена открыть глаза и проверить, что происходит. Происходил, конечно, Глеб; мужчина опустился рядом с кроватью на колени, оперся локтями о матрац.

— Как ты, страдальца? — Улыбка у него вышла одновременно ехидной и сочувственной. Мужчина протянул руку, убрал упавшие мне на лицо пряди, погладил по щеке. Я блаженно прищурилась от прикосновения прохладной ладони.

— Чувствую себя дурой, — вздохнула наконец в ответ. — И зачем я тебя не послушала?

— Когда чего-то настолько хочется, сложно слушаться разума, — усмехнулся он. — Пойдем, там уже ванна полная, и завтрак почти готов, — сообщил он, выпутывая меня из одеяла и легко подхватывая на руки.

— Все-таки ты идеальный мужчина, знаешь об этом? —

умиротворенно вздохнула я, устраивая голову на его плече и наслаждаясь тем, что нет необходимости шевелиться.

— Я мужчина, снедаемый чувством вины, — засмеялся он. — Ты маленькая и наивная, а я-то знал, что будет плохо, но все равно пошел на поводу у собственных желаний. Так что просто подлизываюсь и пытаюсь искупить свою вину.

Теплая вода оказала живительное воздействие. Неприятные ощущения не пропали совсем, но определенно стало легче, а ощущение чистоты доставило удовольствие и подняло настроение, поэтому из ванной я вышла на своих ногах, вполне довольная жизнью. Следуя примеру Глеба, который был уже в форменных штанах, я отыскала свое платье и белье. В кухню шагнула, на ходу прилаживая на голове тонкий ободок вира, и — страдальчески застонала, проверив историю.

— Ты чего? — спросил в замешательстве измененный.

— Сорок восемь, — отозвалась я, подходя к стоящему у стола мужчине и подныривая под локоть, чтобы прижаться, ища защиты.

— Что? — совсем растерялся он.

— Меня сорок восемь раз вызывали домашние, — со вздохом пояснила я. — Там гвардии еще под окнами нет? Я боюсь возвращаться домой, даже Макс негодует... И не смешно!

— Напротив, очень даже забавная ситуация, — весело отозвался Глеб. — Коварно спер девушку из-под носа бдительной родни, практически надругался, а теперь грядет расплата. Да не трусь, не брошу я тебя в одиночку с родней разбираться.

— И когда мы этим займемся? — спросила я, чувствуя, что напряжение действительно потихоньку отпускает.

— Не раньше завтрака, — отмахнулся он и поцеловал меня в висок. — Садись, остынет все.

Мы устроились за столом. Квартира, хоть здесь и имелось все нужное, несла явный отпечаток нежилой. Пусто, безлико, словно в гостинице. Интересно, зачем она Глебову другу?

Но вслух я задала совсем другой вопрос:

— А какие планы на сегодня были у тебя? Ну и вообще, чем ты сейчас занимаешься?

— Да особо никаких. — Он пожал плечами. — Сказали только всегда быть на связи, чтобы явиться в случае необходимости. А в остальном... я пока пытаюсь привыкнуть к жизни и к небу над головой. После семи лет в космосе это трудно, поначалу вообще дергался, чуть ли не трясло от напряжения. Ну и с дальнейшей своей... деятельностью определиться, не

подопытным же кроликом служить до конца дней. Но тут все вопросы уже заданы нужным людям, остается только ждать, тем более что сегодня, насколько я помню, выходной. Так что сейчас я полностью в твоём распоряжении и готов поучаствовать в семейных разборках. Новый, необычный опыт всегда ценен, — назидательно завершил он.

— Я бы предпочла обойтись без него, — проворчала негромко.

Понятно, что неприятного разговора не избежать, но... Никто ведь не запрещает мечтать, да?

ГЛАВА 14, в которой Алиса выбирает свою судьбу

*Спор разрешить пора давно:
У нас со-мнение — одно,
А мнение — различно.*

Льюис Кэрролл. Фантасмагория

Алиса Лесина

Решимости связаться с домашними я набралась не после завтрака, а когда мы уже двигались на наемном авионе в сторону дома. Крепко вцепилась обеими руками в ладонь моего пирата и под его сочувственным и насмешливым взглядом малодушно вызвала Макса — как самого безобидного.

— Не надо говорить мне, насколько я плохая! — затараторила вместо приветствия, не давая брату открыть рта. — Скажи, сколько у меня шансов выжить?

Брат — а точнее, его проекция, созданная прямо у меня в мозгу зиром, — глянул на меня тяжело, хмуро и проворчал, игнорируя просьбу:

— Свинья ты, а не Белка. Могла бы хоть меня предупредить, что с тобой все нормально, мол, загуляла, я бы прикрыл. А в идеале кого-нибудь из своих подруг предупредила бы, что сейчас якобы у нее. Как маленькая, честное слово!

— Ну прости, не до того было, — вздохнула я, бросив быстрый взгляд на Глеба. Переходить на закрытый режим, когда общение осуществляется мысленно, не стала, поэтому мои реплики Клякса слышал. И слушал с большим вниманием. — Как там... сейчас?

— А ты как думаешь? Димка грозитя порешить... в общем, некую белобрысую мразь, которая тебя увела. Не буду в подробностях пересказывать. Как понимаешь, он был грубее и многословнее. А отец в ярости, еще и на Димку выверился, что отпустил тебя с каким-то неизвестным мужиком, так что они и между собой поругались. Сейчас перешли в стадию позиционной войны, и, когда разберутся с тобой, старшего мы в семейном гнезде долго не увидим. Это я уже не говорю о

том, что отец поднял каких-то знакомых, кого-то напрог, и ты уже в полицейских сводках. Не то как пропавшая, не то как похищенная. Что хоть за сволочь и откуда она вообще взялась?

— Скоро познакомишься, мы уже на подлете, — тяжело вздохнула я, бросив на по-прежнему невозмутимого Глеба еще один взгляд.

Словно приняв это за команду, мужчина рывком придвинул меня ближе, обнял одной рукой, и... пожалуй, мне действительно стало спокойней, когда сильная ладонь накрыла бедро, а губы ободряюще коснулись виска.

— Ого! — в замешательстве протянул Макс, удивленно вскинув брови. — То есть все вот прямо настолько серьезно, что этот белобрысый готов голову сунуть в нестабильный реактор? погоди, за каким же... зачем ты тогда просила помочь с устройством личной жизни?!

— Это сложно объяснить. — Я тяжело вздохнула. — В общем, мы скоро будем, ты там... не знаю, подготовь всех морально. И спрячь острые и тяжелые предметы.

— Как ты предлагаешь прятать их кулаки? — насмешливо хмыкнул младший. — Ладно, подтягивайтесь, попробую что-нибудь сделать.

Вот так оно всегда и бывает. Если бы у меня не было Макса, жизнь была бы куда сложнее. Он, конечно, не менее ревностно, чем остальные, относился к моему моральному облику, но... с ним все же можно было договориться полюбовно, у него это никогда не доходило до фанатизма. Именно благодаря Макс у меня появились танцы — он первое время покрывал мои занятия, а потом помог убедить отца, что ничего дурного в этом нет.

— Все плохо? — насмешливо уточнил Глеб.

— Все... предсказуемо. — Я вздохнула и тут же встрепенулась испуганно: — погоди, мы ведь еще не придумали, что говорить моим!

— Правду, — веско уронил мужчина.

— Ты издеваешься? — Я запрокинула голову, чтобы взглянуть ему в лицо. — Ты серьезно хочешь рассказать ему, что был пиратом, убил команду и взял меня в качестве добычи?! Ты... ты просто не представляешь, чем это закончится. Даже я представить не могу!

— В случаях, когда это не определено требованиями сохранения государственной тайны и не ставит под угрозу выполнение ответственного задания, я предпочитаю говорить правду, — спокойно, с расстановкой, скучающим тоном проговорил Глеб.

— Вот и давай считать, что под угрозой ответственное задание и...

— Лисеньш, не говори глупостей, — раздраженно поморщился он,

потом коснулся моих губ легким, утешающим поцелуем и продолжил мягче: — Не трясись так, говорить буду я.

— Он тебя убьет.

— Вряд ли у него это получится, — усмехнулся измененный. — А я обещаю, что не причиню вреда.

— Вот зачем ты так? — вздохнула я. — Не проще ли спокойно все обсудить?

— С некоторыми людьми проще сначала подраться, — отмахнулся он.

Я задыхнулась от возмущения, но высказаться не смогла: вместо продолжения разговора Глеб меня поцеловал. Вялого сопротивления хватило ненадолго, и вскоре мои пальцы уже запутались в густых белых волосах.

Через мгновение после того, как я сдалась на милость победителя и ответила на поцелуй, мужчина усадил меня верхом на свои колени, и весь остаток пути я думала совсем не о предстоящем трудном разговоре. Как показал вчерашний день и подтвердил вот этот поцелуй, я была совершенно не способна помнить о чем-то серьезном, когда жадные губы этого мужчины пили мое дыхание, а ладони дразнили кожу ласковыми прикосновениями.

Но дорога не вечная, в конце концов Глеб прервал поцелуй, обнял ладонями мое лицо и легко коснулся губами кончика носа.

— Пойдем, прилетели.

— А можем мы поступить как-нибудь иначе? — Я тоскливо вздохнула, поднимаясь, оправляя юбку и пытаюсь пригладить волосы. И добавила, когда выбрались из авиона: — Я очень растрепанная?

— Да как тебе сказать, — со смешком протянул Клякса. — Ты растрепанная, у тебя покраснелись щеки, очень аппетитно припухли губы, а еще вот тут, у ключицы, если ты не заметила, характерная отметина. Прости, я увлекся вчера, — повинился он без малейшего признака раскаяния, на ходу обнял меня за талию и, на мгновение прижав к своему боку, поцеловал в макушку. — Да и по мне опять же заметно, что мы не в шахматы играли в дороге.

— Не понимаю, почему тебя это веселит, — угрюмо заметила я.

— Лисеньш, ты всерьез полагаешь, что твои родственники не догадаются, чем ты занималась всю ночь наедине с мужиком, который наутро притащился в гости вместе с тобой? — легко рассмеялся он.

— Не обязательно столь навязчиво это демонстрировать! — огрызнулась я еще более несчастным тоном.

Глеб, сделав пару шагов, остановился почти у самой двери, развернул

меня к себе, опять обхватил ладонями лицо. Губы его еще хранили тень улыбки, но вот глаза смотрели серьезно, пристально и с какой-то... мрачностью, что ли. Было что-то такое в глубине этого взгляда, отчего мне сделалось не по себе.

— Алиса, это все... — начал он, но осекся, не в состоянии подобрать слова, и наконец выдохнул: — Вин! Не дергайся, не бойся и просто доверься мне, хорошо? Я точно знаю, что и кому говорю, что делаю и чем все это закончится. Обещаю, никто всерьез не пострадает, убивать и калечить твоих родственников я не собираюсь, они меня — просто не смогут, а тебя я в обиду не дам.

— Меня пугает твой настрой, — тоскливо вздохнула я. Однако, к собственному удивлению, ощутила, что внутреннее напряжение начинает отпускать.

— Выше нос, лисеныш, — усмехнулся Глеб и коротко поцеловал. — Ты моя абордажная доля, причем ключевое слово здесь «моя». И уступать тебя кому бы то ни было — родне, врагам, да черту лысому! — я не собираюсь. А если добром не получится — тогда просто увезу. Это в любом случае произойдет в ближайшем будущем, а если прямо сейчас... Ну, тогда я только в выигрыше.

— Да, я помню, ты без меня плохо спишь, — вздохнула я. И вроде умом понимала, что слова мужчины должны настораживать или даже пугать, тоже ведь своего рода тирания, но мне от них сделалось легко и сладко.

— Если бы только. — Губы чуть скривились, улыбка превратилась в ухмылку — хищную, многообещающую. — Я без тебя и живу дерьмово, если это вообще можно назвать жизнью. А что до твоего согласия, так ты его вчера дала. Три раза, если считать сцену в душе.

— Пошляк, — немного нервно хихикнула я, но желания спорить не возникло.

Еще один короткий поцелуй, и Глеб потянул меня дальше, к двери. А я поняла, что мне совсем не страшно и ни капли не стыдно: нет ничего постыдного в ночи, проведенной в объятиях любимого мужчины.

И весь оставшийся до двери недолгий путь я ощущала на губах легкую улыбку.

Глеб Жаров (Клякса)

Лесина-старшего я... нет, в общем-то ненавистью это не назвать, да и отвращением тоже, но очень хотелось пару раз дать ему в морду. Я еще в

детстве и юности насмотрелся на таких вот домашних тиранов-соседей, среди военных это не самое редкое явление, да и за собой знал привычку командовать и строить окружающих. Достаточно вспомнить трагическую историю моей названной сестры. Сейчас с Алисой я проявлял, по сути, те же самые замашки, просто сама девушка была не против подчиниться.

Но все же одно дело — командовать, а другое — подавлять и запугивать. Отца Алиса именно боялась. С одной стороны, хорошо еще, что он руки не распускал, но с другой — моральное давление может быть еще хуже.

Однако с порога бросаться на кого-то с кулаками я, конечно, не собирался, нужно сначала оценить, что этот тип на самом деле собой представляет. Его досье я посмотрел утром, после тренировки, пока спала Алиса: в звании меня восстановили и даже повысили, отставку отменили, и хотя с должностью и дальнейшей службой пока было смутно и неопределенно, но допуски вернули, в том числе к внутренним базам.

Так вот, майора Лесина характеризовали неплохо, как человека ответственного и способного признавать ошибки, и это вселяло определенный оптимизм.

Который, однако, подвергся серьезному испытанию буквально с порога. Когда мы вошли, откуда-то из внутренних помещений в прихожую шагнул хозяин, и от резкой горечи чужой злости свело горло — это при том, что я его не касался, стоял в двух метрах.

Майор оказался очень крупным человеком; наверное, лет двадцать назад был настоящим здоровяком, а теперь расплылся и стал скорее тучным. Но все равно сила в нем ощущалась, и немалая. Стало понятно, что руки он не распускает как минимум по вполне объективным причинам: не крупную девушку вроде лисенка даже легкая затрещина такой лопатой покалечит.

— Явилась? — процедил Лесин. — Алиса, иди в комнату, потом поговорим. А ты...

Я не глядя перехватил шагнувшую в указанном направлении девушку, преградив ей путь вытянутой рукой. Моя пиратская добыча замерла, ухватившись за мой локоть, а я молча ждал продолжения.

— Я неясно выразился? В комнату! — громыхнул Лесин.

— На два тона тише, пожалуйста, — ровно проговорил я, спокойно глядя на полыхающего гневом мужчину.

— А ты, крыса-альбинос, вали отсюда, пока я тебе хвост в горло не затолкал!

Он приблизился, навис надо мной. Несколько мгновений я пристально

его разглядывал, причем снизу вверх, и прикидывал дальнейшие действия. Я понимал: судя по воинственно встопорщенным усам, гневной горечи у меня на языке и побуревшему лицу, нормального разговора не получится. Поэтому столь же спокойно обернулся к Алисе — всем корпусом, намеренно игнорируя пышущего яростью мужчину — приобнял одной рукой за талию, второй мягко подцепил за подбородок побледневшую мордашку с лихорадочно блестящими глазами, повернул к себе.

— Лисеньш, собери вещи, хорошо? — проговорил ласково, негромко, воркующим тоном. Я, по-моему, сроду никогда так не говорил и не знал, что умею. Пытался успокоить — взглядом, голосом, прикосновением. — Всякую гигиеническую мелочовку, одежду на первое время, ну и то, без чего будет некомфортно. Да?

Она медленно, зачарованно кивнула, а я осторожно коснулся губами алеющих, припухших от поцелуя в авионе губ, улыбнулся ободряюще и отпустил, искренне жалея, что чувствовать безумную смесь ее эмоций могу, а вот передать рыжей свою уверенность и спокойствие — нет.

Майор все это время стоял не шевелясь и глядел на нас в совершенной растерянности. На что, собственно, и был расчет: он явно не привык к подобной реакции на свои слова и ждал чего угодно, кроме равнодушия и пренебрежения.

Очнулся Лесин-старший только тогда, когда Алиса скрылась из поля зрения, и это тем более было мне на руку.

— Ах ты, гнида! — взревел доведенный до белого каления мужчина и потянулся, чтобы схватить меня не то за горло, не то за воротник формы.

Болевой прием получился красивым и правильным, ну просто как по учебнику. Лесин, охнув, замер с заломленной за спину рукой, сопя и пыхтя от боли, а я заговорил, аккуратно и точно поигрывая силой захвата и напряжением в его локте, плече и кисти, чтобы прочувствовал каждое слово.

— Я могу сейчас вывернуть любой сустав, сломать руку в нескольких местах или вообще оторвать. Но не буду, потому что обещал Алисе спокойно поговорить с ее родными и никому не причинять вреда. Спокойно поговорить, Сергей Иванович. Мы с вами взрослые люди, офицеры, так давайте не будем опускаться до хамства, воплей и бабьих склок. Договорились? — спросил я и, дождавшись отрывистого резкого кивка, предупредил: — Отпускаю.

Потом мягко, почти ласково, вернул руку в то положение, из которого выкручивал.

Лесин смотрел на меня хмуро, исподлобья, разминая плечо, но по

крайней мере орать не спешил, и это радовало. Может, мое первое предположение все же было правильным и договориться удастся?

— Чего тебе от Алисы надо? — угрюмо спросил майор.

— Мне нужна Алиса. Целиком, а не фрагментами, — ответил легко и уверенно — я для себя уже все решил. — И я ее заберу независимо от вашего мнения по этому поводу.

— Вот же выдрю тебе в тундру! Откуда ты вообще вылез, ежик кудрявый?!

— Вы взрослый человек, у вас трое детей. Довольно странно объяснять вам, откуда они берутся, — не удержался я от ехидства, но как раз его Лесин воспринял нормально.

— Разговорчивый, зараза, — буркнул он и окинул меня новым, куда более внимательным, пристальным и спокойным взглядом. После чего добавил, на несколько мгновений задержавшись на наградах (все же не зря я их нацепил!), с некоторым уважением: — И боевой. Звать-то тебя как... жених?

— Глеб. Жаров Глеб Егорович, — уточнил, протягивая ладонь для рукопожатия.

Несколько мгновений хозяин дома колебался, но потом все же принял правильное решение и на приветствие ответил.

— Ну проходи, Глеб Егорович. Расскажешь, откуда тебя Белка знает и почему смотрит на тебя, как кадет на боевого генерала, а там поглядим.

Я хмыкнул в ответ на странное сравнение, но молча проследовал за майором на кухню. Он прикрыл дверь, кивнул на угловой диван, сам уселся на табурет напротив, сверля меня тяжелым взглядом. Несколько мгновений мы играли в гляделки, но попытку «продать» меня Лесин быстро признал неудавшейся и сам начал задавать вопросы.

Алиса Лесина

Мы подглядывали. Причем втроем.

Очарования и гипноза синей бездны хватило ровно на то, чтобы добраться до комнаты. Там я вновь очнулась и встревожилась. Хотела вернуться, но братья, заранее занявшие стратегическую позицию в моей спальне, не пустили. Димка молча поймал за подол, а Макс проговорил насмешливо:

— Ку-уда? Ну-ка, сейчас мы посмотрим, что собой этот твой полковник представляет! — И, шикнув на нас, чтобы молчали, тихонько приоткрыв дверь, приник к щелке.

Мы со старшим переглянулись в растерянности и в едином порыве последовали примеру младшего. Я опустила на четвереньки, братья немного посопели и потолкались над головой, но в итоге договорились. Представляю, как мы выглядели со стороны!

Короткое выяснение отношений двумя мужчинами лично на меня произвело неизгладимое впечатление — и ледяной тон Кляксы, и, главное, реакция на все это отца. Признаться, я думала, что после такой демонстрации и такого тона отец совершенно выйдет из себя, однако он вдруг успокоился и взглянул на моего пирата с явным интересом и сомнением.

Нет, я знала и даже помнила по первому знакомству, что угрожать Глеб умеет — озверевшего члена пиратской команды он поставил на место очень быстро и изящно. Но наблюдать за процессом теперь, после всего слупившегося, было очень странно. Я настолько быстро и легко привыкла к тому, что со мной измененный — ласковый, заботливый, чуткий, что напрочь забыла о других чертах его характера. Разум помнил, но как-то вяло, и лишнее напоминание подействовало слегка шокирующе.

Когда Глеб с отцом ушли в кухню, Макс с тихим щелчком закрыл дверь.

— Ну... ничего так ты себе мужика отыскала, м-да, — проговорил младший со смесью растерянности и уважения. — Крутой, крутой. Прямотаки правда — полкан в полный рост, не просто так погулять вышел.

— Глеб хороший, — смутилась я под пристальными взглядами братьев.

— Да уж конечно, кто бы сомневался, — хохотнул Макс и насмешливо обратился к старшему: — Это ты его рвался покалечить?

— У меня был повод и до сих пор есть, — упрямо проговорил Дима. — Не нравится мне эта морда, и еще вопрос, можно ли ему доверить Алису. У него взгляд не солдата, а убийцы, и неизвестно, долго ли он планирует быть с ней милым и что произойдет, когда ему надоест. Откуда ты его вообще взяла?!

— Он тоже находился на том пиратском корабле, — вздохнула я.

— В плену? — озадачился Макс.

— Да нет, не в плену. — Я вновь тоскливо вздохнула, но решила все же последовать совету Глеба и сказать правду. Тем более что Клякса сейчас отцу точно расскажет, как все происходило, и мое вранье в любом случае раскроется. — Он был внедрен в эту банду, чтобы их поймать. Вот он меня и взял под крыло, рискуя своей жизнью и всей операцией, заботился, оберегал и, между прочим, даже пальцем не тронул! — чуть повысив голос,

не дала я высказаться Димке. Понимала, конечно, что здорово приукрашиваю действительность и Глеб тогда руководствовался совсем иными соображениями, но всю правду я рассказывать точно не собиралась. — Один раз только поцеловал, уже когда мы сюда прилетели, на прощанье.

— А где же он в таком случае шлялся эти два месяца? И почему ты ходила такая убитая, если он тебя, как говоришь, не обижал и пальцем не тронул? — спросил Макс.

— Ну он мне не сказал, что на самом деле не пират, я думала, его казнили вместе с остальными, — призналась я нехотя. Даже теперь те дни вспоминались с болью. — А сам он не был уверен, что о его внедрении помнят и ничего за эти годы не изменилось. Сейчас разобрались, обвинения сняли, его отпустили, и он приехал.

— Так надо сначала руки просить, и только потом уже все остальное, — угрюмо проговорил Димка. Но видно было, что он почти успокоился, так что я позволила себе поддразнить братца:

— Ну да, уж кто бы говорил про «все остальное после свадьбы». Тебе Марина-то вчера ту самую новость сообщила, о которой все подумали?

— Ту, — смущенно буркнул старший, разом сдулся и растерял всю грозность.

— Во-от! — протянула я назидательно под любопытным взглядом внимательно слушающего Макса. — Что, Марина хуже меня, что ли, раз ты не спешил сначала жениться?

— Это другое, — возразил Димка уже из чистого упрямства, прекрасно понимая, что в споре выиграть не удастся. — Ты мне сестра младшая, неразумная, а Марина — взрослая и самостоятельная женщина.

— Так Глебу-то я не сестра, а как раз вот взрослая и самостоятельная женщина, — улыбнулась в ответ.

— Да ладно, старший, признай уже: ну выросла сестренка, все, а белобрысый оказался шустрым и — фьють! — быстренько подсуетился. — Макс легко стукнул брата по плечу. — И вообще, чем тебя кандидат не устраивает? Геройский, причем дважды, полковник, бати не испугался, настроен серьезно. Надо Алиску быстрее сдавать, пока не передумал. А то где мы другого такого дурака искать будем?

— Ах ты!.. — взвилась я и с размаху шарахнула братца первым, что попало под руку. Правда, это оказалась всего лишь мягкая игрушка. — Сдавать быстрее?! Другого дурака?!

— Ай, тетенька, не бейте меня, я хороший! — заголосил горе-шутник сквозь смех, прикрывая голову руками. Димка в безобразии не участвовал,

только посмеивался, сидя на своем месте.

— Ты... да ты!.. Да я тебя!.. Да я Глебу на тебя пожалуюсь, вот!

— Все, все, сдаюсь! Это действительно страшная угроза! — полушутя отозвался младший. — Был не прав, глупо пошутил и все такое. Ты замечательная женщина, тебя любой согласится забрать, а этот вообще самый достойный! Фу-х, — выдохнул он, потому что я наконец отложила орудие возмездия и плюхнулась в кресло. А потом добавил ехидно: — Какую только фигню не скажешь, лишь бы влюбленную женщину успокоить и не рушить матримониальные планы. Я уже понял, у вас все серьезно, и вообще ты уже придумала имена совместным детям. Кто мы такие, чтобы препятствовать?

— Тьфу, дурак, а еще старше меня, — проворчала я, но продолжать баталию не стала.

Жаловаться Глебу, когда тот объявился на пороге комнаты, конечно, тоже. Он же не виноват, что у меня брат такой придурок.

Измененный замер в дверях, с интересом огляделся — очевидно, знакомясь с обстановкой и тем, что я привыкла считать домом. С цветными занавесками на окнах, пестрым покрывалом, на котором сейчас сидели братцы, с мягкими игрушками, с совсем детским, украшенным нарисованными милыми мишками шкафом для одежды. И с оставшимися со времен учебы наглядными пособиями — одно по кровеносной системе, одно по устройству мозга, причем на последнем висели три пары солнцезащитных очков. Когда взгляд измененного остановился на мне, в глазах плясали смешинки, а уголки губ норовили разъехаться в улыбке.

— Ну, как? — тревожно уточнила я, поднимаясь с места. Братцы тоже встали, словно эскорт, по обе стороны и — я знала — просверлили Глеба хмурыми тяжелыми взглядами. Даже несмотря на то, что несколько минут назад вроде договорились сплавить меня этому... полковнику. Привычка — вторая натура, что с ними поделаешь!

— Мы договорились. — Игнорируя обоих братцев, Клякса улыбнулся и выразительно протянул левую руку.

Я поспешно преодолела разделявшее нас расстояние, ухватилась за нее. Мужчина осторожно пожал мою ладонь, завел мне за спину, обнял и крепко прижал к своему боку. Таким откровенным, властным, несвойственным ему хозяйским жестом, явно играя на публику. Я с трудом подавила улыбку, но поддержала безобразие, прильнула всем телом, обняла за пояс и преданно посмотрела на него снизу вверх.

— Слушай, ты, белобрысый. Если Алису обидишь... — угрюмо прогудел Дима, явно начиная закипать.

Клякса поднял на него взгляд, будто только что увидел, посмотрел так... холодно, равнодушно-оценивающе, со снисходительной усмешкой в уголках губ и поинтересовался насмешливо:

— То что?

— Глеб! — выдохнула я возмущенно, тут же растеряв всякий артистизм, и негодуя ткнула его кулаком под ребра. — Ну вот зачем ты задираешься?!

— Я не задираюсь, я поддаюсь на провокацию, — усмехнулся он. — Конечно, можно потерпеть, родственников ведь не выбирают, но зачем, если существует способ решить эту проблему раз и навсегда? Лисеньш, прости, но твой брат уже достал меня своими повадками быка-производителя и вызывает вполне искреннее желание поправить ему рога.

— Да ты...

— Нет, мне определенно нравится этот тип, — расхохотался Макс, обрывая вскипевшего старшего. — Один раз на тебя посмотрел — а какая точная характеристика! Максим, — назвал он, подходя и протягивая измененному руку. — С твоего позволения и в домашней обстановке — я по-простому, без чинов.

— Глеб, — ответил мой пират, пожимая протянутую ладонь. — Отрадно видеть, что Алиса в этой семье — не единственный разумный человек, а то я уже начал подозревать, что ее подбросили.

— Всех подбросили, не всех поймали, — хохотнул в ответ Макс. — То есть таможня дала добро на отгрузку? В смысле, ты вот прямо сейчас мелкую собираешься забрать?

— Не вижу смысла откладывать. — Глеб пожал плечами. — И всякие формальности в таком случае будет куда проще уладить.

— Ну да, тоже верно, — согласился младший.

— Мальчики, а вы не забыли, что я все еще здесь? — мрачно уточнила я, хотя из объятий Глеба освободиться пока не спешила.

— Я заметил. А вот собранных вещей — что-то не очень, — отозвался Клякса.

— Такими темпами и не увидишь, — пригрозила я, хмурясь.

— Так, вот тут мы, по-моему, уже лишние. Пойдем, большой брат, они без нас прекрасно справятся, не маленькие, — быстро сориентировался сообразительный Макс и, когда мы посторонились, вытолкнул Димку, даже дверь за собой аккуратно прикрыл. Прикрыл, я специально обратила внимание.

Несколько мгновений мы молчали, причем я бездумно теребила какую-то награду на груди мужчины, а он замер изваянием, продолжая

прижимать меня к своему боку. Потом глубоко, шумно вздохнул и проговорил негромко, виновато:

— Я все-таки давлю, да?

— Есть такое дело, — согласно проворчала я.

А сама перевела дух: хорошо, что он все понял. Значит, у нас действительно есть шансы — не только на то, чтобы нам было хорошо в постели, а на нечто большее, настоящее, долгое.

— Прости. Никак не привыкну...

— К чему?

— К жизни. К нормальной человеческой жизни, — медленно, раздумчиво проговорил Глеб, еще больше меня озадачив. — Это... сложно.

— Что именно? — уточнила я растерянно, запрокинув голову и заглядывая ему в лицо.

— Все, — после долгой паузы уронил мужчина с коротким смешком. — Вин! Ты — моя. Добыча, женщина, да, наконец, жизнь. И никак не получается соотнести это знание с общечеловеческими законами и обычаями цивилизованного общества. Мне сейчас вообще трудно к ним приспособиться и вжиться, я слишком привык действовать так, как удобно и нужно мне. В остальном-то все получается неплохо, но когда я применяю все эти правила к тебе и понимаю, что должен не брать, а спрашивать, а ты еще и отказаться можешь... В общем, я не буду озвучивать, какие мысли и стремления меня в этот момент охватывают.

— Да не собираюсь я отказываться, — вздохнула я. — Наверное. Просто все так быстро, что у меня от стремительной смены обстоятельств голова кругом. Вчера утром я думала, что ты умер, а сегодня ты уже тащишь меня в свое логово, решив вопрос даже с моей буйной родней... Слишком быстро, дай мне хоть немного отдышаться!

— Так в этом и смысл: захватить врасплох и добиться своего, — тихо засмеялся Глеб и шагнул к кровати. Сел на край, устраивая меня верхом на своих коленях, лицом к лицу, коротко поцеловал, будто в задумчивости, и продолжил: — Я до сих пор не могу толком поверить, что жив. Кажется, что сейчас я закрою глаза — и больше их не открою, потому что все, что я вижу, это очередная агония, последнее испытание на «Тортуге».

— Очередная? — уцепилась я. — И что все-таки в нем было, в этом последнем испытании? Ты... это выглядело довольно страшно, а твои слова про «волю и смысл жизни» мало что объясняют.

— Смерть, — коротко ответил измененный несколько мгновений спустя. — Разнообразная и бесконечно длящаяся. Поэтому оказалось довольно просто перенести заключение. Висящая над головой угроза казни

воспринималась закономерным продолжением всего этого. Поэтому же, освободившись, я не так спешил встретиться, еще мог думать отвлеченно, мог обещать себе, что просто поговорю, взгляну, уточню, что все хорошо. А потом коснулся, поцеловал и... в общем, теперь от одной мысли, что надо отпустить тебя, напрочь сносит голову.

— И это они назвали везучестью? — прошептала я ему в шею, глотая слезы. — Хороший мой, за что же с тобой... так?

— Не хороший, — нервно хмыкнул Клякса. — Я даже вот это тебе сейчас рассказываю только потому, что знаю: ты добрая, ты непременно меня пожалеешь и согласишься уйти со мной. Вин! Я, честно говоря, затрудняюсь предположить, что могу сделать, если ты вдруг откажешься и передумаешь. Знаешь, наверное, мне в самом деле не жениться нужно, а сдаваться психиатрам. Прости. Не ожидал, что меня так накроет.

Долгое время после этих слов мы сидели в тишине, обнявшись и не шевелясь. Я неотрывно следила за мерной, едва заметной пульсацией жилки на шее мужчины, пристроив голову у него на плече, и пыталась унять слезы и успокоиться, справиться с той болью, которую разбудили слова Глеба. Осознать пугающее смирение этого человека перед очень жестокими ударами судьбы и его всеобъемлющее, беспредельное одиночество.

В книжках пишут о том, как лестно стать центром вселенной отдельно взятого человека, но на практике это оказалось очень жутко и трудно. Страшно понимать, что без тебя его просто не станет. Наверное, высшая из форм ответственности.

Я люблю его, надо это признать. И дело не в эйфории от встречи; достаточно вспомнить два месяца беспробудной тоски, когда и я без него не жила — существовала. Но где найти решимость нырнуть в эту бездну с головой, без возврата?

А впрочем, разве у меня есть выбор? Сердце-то давно уже все решило. Стоит представить, что Глеб сейчас уйдет, и от одной мысли в груди испуганно замирает...

— Говорят, осознание проблемы — это уже половина решения, — наконец, пробормотала неуверенно. — В том центре, где тебя изучают, есть какой-нибудь специалист по мозгам? Может, к нему обратиться?

— Есть, — подтвердил Глеб. — Хотя ему самому, по-моему, лечиться надо.

— Это нормально, — нервно хихикнула я. — Значит, специалист хороший. А вообще, может быть, не так уж все страшно. Я тоже от радости второй день не в себе, просто у меня это проявляется иначе. И... у меня

есть предложение. Давай я поеду к тебе, но не навсегда, а с испытательным сроком на две недели?

— Ты действительно думаешь, что к концу этих двух недель что-то изменится и я соглашусь вернуть тебя домой? — Клякса посмотрел на меня скептически.

— Нет, — честно призналась я. — Но так мне проще согласиться.

Измененный в ответ негромко засмеялся, прижавшись лбом к моей ключице, а потом проговорил еле слышно:

— Все же ты удивительная. Мой счастливый случай...

ЭПИЛОГ, в котором Алиса стала взрослой

...самое безопасное правило заключается в том, чтобы не жить и не находиться там, где мы не решились бы умереть.

Льюис Кэрролл. Сильвия и Бруно

Алиса Лесина

— Лисеньш, кто из нас взрослая умная женщина, к тому же врач, с которым не нужно спорить?

— Не зна-аю, — жалобно протянула я.

— Надо же, а недавно зна-ала, — передразнил Клякса, закрывавший в этот момент мою сумку.

— Глеб, но я не хочу-у туда! Я дома хочу!

— Лисеньш, я тебя предупреждал? Предупреждал. Я тебе напоминал? Напоминал. Я тебе альтернативные варианты предлагал? Предлагал. Но кое-кто сказал, что все знает, все помнит и вообще куда лучше разбирается в вопросе, а я циник и бесчувственная зараза. Не напомнишь, кто бы это мог быть? — продолжил насмехаться мужчина, пока я сидела на диване, поджав ноги, и вдохновенно страдала.

— Не надо, я и так знаю, что дура... Глебушка, ну, пожалуйста, ну я там об стенку убьюсь с тоски!

— Предлагаешь попросить обить стены чем-то мягким? — язвительно предложил Глеб, плюхнулся на диван рядом со мной, крепко прижал к своему боку. — Алиса, ну ты же сама прекрасно понимаешь, что других вариантов нет.

— Понимаю, — вздохнула в ответ. — Я даже понимаю, что сама на этом настояла, что ничего от этого не изменится, и вообще, но... не хочу в тюрьму!

— Это лаборатория, — засмеялся он. — В которой ты работаешь.

— Работаешь — это когда приходишь, работаешь и уходишь обратно, домой, к семье. А когда ты живешь там безвылазно, да еще в одиночестве — это уже тюрьма, — проворчала я.

— А, то есть мне можно с тобой не ехать? — искренне озадачился он.

— А ты собирался? — в свою очередь удивилась я. — Но... как же мальчишки?

— Лисеньш, мне казалось, этот вопрос мы сняли еще полгода назад. Они уже давно не мальчишки, а два здоровых лба, на которых пахать можно. Как-нибудь не разнесут квартиру за это время. К тому же я буду наведываться сюда и проверять обстановку. Понятно? — Вопрос, конечно, адресовался уже не мне.

— Понятно, понятно. Вы лететь-то собираетесь? А то авион заново придется вызывать, — флегматично отозвался Андрей, наблюдавший за сборами со стратегически выгодной позиции в углу комнаты: и ситуация под контролем, и нет риска быть затоптанным.

— Можно подумать, есть варианты. Прихвати вещи, — велел сыну Глеб, поднимая меня на руки.

— Муж, ты... самый замечательный. Люблю тебя, — тихо проговорила ему в шею. От боли сводило живот, и шевелиться самостоятельно совсем не хотелось. Хорошо, что мой измененный такой сильный, такой заботливый, такой...

— Потерпи немного, лисеньш, — тихо попросил он, касаясь губами моего виска. — Сейчас доктор даст лекарство, станет легче. Ты же знаешь.

— Угу.

— Мам, мы со Славкой вечером завернем проведать, когда он с экзаменов вернется, — напутствовал Андрей, забрасывая сумку в авион. — Ты там не буянь особо.

— Надеюсь, мне будет куда возвращаться, — ворчливо парировала я, целуя подставленную сыном щеку.

— Мы сделаем все возможное, — усмехнулся он совершенно Глебовой улыбкой.

И авион поднялся в воздух, унося меня на ближайшие месяцы в лабораторию. Что поделать: о том, что я всегда хотела большую семью, я помнила постоянно, а вот о том, как процесс ее увеличения происходит в нашем случае, за прошедшие годы подзабыла.

Наш давнишний разговор с Глебом о перспективах появления у него детей оказался пророческим. То есть другого способа действительно не существовало, исключительно медицинский, который на практике оказался весьма трудным и мучительным. Уже хотя бы тем, что все полностью проходило под надзором врачей или, вернее, ученых-генетиков, которые на нашем семействе защитили не одну диссертацию.

Клякса с самого начала скептически относился к моему желанию

родить ему ребенка, вот такого же белобрысого и голубоглазого. Он пытался меня отговорить, предлагал различные варианты, но я уперлась. Да еще за эту идею ухватились мои коллеги, и Жарова в итоге уговорила. Через семь месяцев мучений (наших общих, потому что Глеб, несмотря на мой изначальный протест, поддерживал меня все это время) на свет появились близнецы, Славка и Андрей, два чуда природы или, вернее, науки.

Дело в том, что мой измененный изначально получился чрезвычайно удачным экземпляром, то есть тем, кто его создал, удалось в полном смысле слова вывести новый, вполне жизнеспособный устойчивый вид. Уникальный и не совместимый с человеческим традиционными путями. А вот сыновья, собранные буквально по молекуле, последнего недостатка были лишены, то есть способны к естественному размножению. Думать об этом применительно к собственным детям странно, но сейчас уже не так, как раньше: все-таки действительно взрослые парни, по двадцать лет, того и гляди, покажут свои способности на практике.

А когда выяснилось, что оба охламона твердо настроены пойти по отцовским стопам, я отчетливо поняла, что хочу дочку, потому что от количества военных вокруг начало казаться, что я обитаю в казарме. Это желание умело и ловко культивировал профессор Циммерман, мой непосредственный начальник и ведущий ученый группы, курирующей мужа. И теперь мне предстояло несколько месяцев провести в лаборатории под его надзором, чтобы дать этой самой девочке жизнь.

Связавшись с Глебом, я в конечном итоге переквалифицировалась в генетика: можно подумать, у меня был хоть какой-то выбор! Сам же Жаров служил теперь в ИСБ — Имперской службе безопасности, и это, пожалуй, единственное, что я могла сказать о его работе, потому что в подробности меня не посвящали. Секретность же. Да я особо и не лезла, мне хватало того, что муж не мотается по опасным командировкам. Ну, или мотается, просто успевает уложиться в один-два дня, не покидая пределов Солнечной системы и не вызывая подозрений.

Впрочем, даже если бы я твердо знала, что он каждый день рискует жизнью, это ничего не изменило бы, разве что тревоги прибавило. Никогда не понимала женщин, которые, выходя за военных, полицейских или врачей, попрекают их постоянными отлучками и задержками на работе. Как будто не догадывались, что так будет...

Не знала я почти ничего и о судьбе «Тортуги», накрепко связавшей наши с Глебом жизни: опять же не хватало допуска. Судя по некоторым новинкам технического прогресса, наши ученые не зря ели свой хлеб и

целиком свои тайны инопланетная станция сохранить не смогла. Но я надеялась, что на атомы ее все же не разобрали: «Тортуга» со временем стала казаться живым существом со своей волей, и я не желала ей смерти.

Обстоятельства нашего знакомства и те приключения, конечно, не забылись, хотя некоторые детали поблекли. Историю эту знали и мальчишки, хотя без лишних душераздирающих подробностей. Историю эту вспоминала и обдумывала я, порой не веря, что все произошло на самом деле.

Особенно часто, как ни странно, вспоминала печальный и поучительный закат древней цивилизации, которая боготворила случай, и думала, что, наверное, именно в этом обстоятельстве лежит причина их гибели.

Случайностей нет. Есть только закономерности, которых мы не понимаем. Как можно поверить, что вся цепочка событий — мой полет именно на этом грузовике, дрогнувшая рука Кляксы, наша с ним совместимость, симпатия, признание его «Ветреницей», сбой программы «Тортуги» и еще несметное множество деталей — была случайной?

Какой стороной упадет подброшенная монета — не результат случайности. Это последствия неоднородного распределения массы и сложного взаимодействия сил, на нее влияющих: силы броска, гравитации, сопротивления воздуха. Так неужели человеческая жизнь проще монеты? Не думаю. Наши поступки, слова и действия меняют реальность, просто мы пока не способны просчитать последствия. И я очень надеюсь, что так останется впрямь. Чувство собственного всезнания и всемогущества, как показал опыт создателей «Тортуги», до добра не доводит. Может быть, когда-нибудь потом изменится человеческая природа и все это перестанет иметь значение, а пока — пусть мир остается непознаваемым до конца.

notes

Примечания

1

Класс нейтронных звезд. — *Здесь и далее примеч. авт.*

То же, что «блин» или «черт». Этимологически слово восходит к эре межпланетных перелетов и первым искинам, носившим такое название. По утверждению исследователей, возникновение этого выражения связано с чрезвычайной ненадежностью тех архаических систем.

Галактика — строго говоря, к настоящему моменту человечеством в некоторой степени освоена лишь малая область галактики Млечный Путь: часть рукава Ориона, в котором находится Солнце, и фрагменты близлежащих рукавов — Персея и, в меньшей степени, Стрельца. В обиходе под словом «галактика» подразумевается именно этот обжитый участок космоса.

4

Ферт — легендарный пират.

Зеленая звезда — выражение, аналогичное «восьмому чуду света», то есть нечто нереальное и неправдоподобное.

В общепринятой классификации мера времени, составляющая четыре земные недели. Стандартные сутки соответствуют земным. Исторически сложилось, что в космосе — на кораблях, станциях и в небольших добывающих колониях — время измеряется именно в них.

Всезнающая Тьма — ключевое понятие, основная категория обскуризма, появившейся в конце XXI века религии и философского течения. Результат персонализации и возведения в ранг божественной сущности темной материи. Религия быстро стала популярной, но так же быстро пришла в упадок, однако оставила после себя несколько прижившихся идиом и понятий.

Мало, немного, образовано от приставки «пико» (жарг.).

Сцилить (жарг.) — дергаться, мельтешить, мотаться с поручениями. Образовано от слова «осциллировать».

Копать булыганы (жарг.) — получать много денег или «камешков». Выражение связано со словом «терр», названием денежной единицы Солнечной империи, которое, в свою очередь, восходит к латинскому «terra» (земля).

Пулька — непопулярное сленговое название космических кораблей. Чаще применяется к военным кораблям. Восходит к эре межпланетных перелетов.

Мобила (жарг.) — капитан. Этимология смутная, предположительно восходит к латинскому «mobilis» (подвижный).

Ирпяк (жарг.) — то же, что устаревшее «хрен тебе». Восходит к эре межпланетных перелетов, к аббревиатуре ИРПК — индивидуальный рацион питания космонавта. Ввиду чрезвычайной продолжительности первых межпланетных экспедиций подобные рационы, при всем их высоком качестве, ассоциировались с испытаниями и лишениями, отсюда негативный окрас выражения.

Твикнуть (жарг.) — шепнуть словечко, поделиться важной информацией. Этимология неясна, предположительно, восходит к началу эры межпланетных перелетов.

15

Звезда, голубой сверхгигант, бета Ориона.

Стыковочная палуба.

Дырить (жарг.) — молчать, не реагировать, не двигаться. Вероятно, произошло от понятия «черная дыра», но этимология весьма спорна.

«Фен» — популярное ручное оружие пучково-излучательного типа, чаще всего применяемое в космосе, на кораблях и станциях. Отличается скорострельностью и ограниченной поражающей способностью. Наиболее эффективно для уничтожения органики, в том числе биоэлектроники, но одновременно с этим безопасно для корабельной обшивки.

Баски — производное от «БАС» — биоэлектронная автономная система. Общее название большого класса портативных устройств с ограниченной функциональностью: защищенные хранилища информации, контроллеры, записывающие устройства, приемопередатчики ближнего радиуса действия. «Басками» чаще всего называется первый тип устройств, поскольку носители информации, в отличие от прочих разновидностей БАС, широко распространены среди гражданского населения.

«Темные сектора» — освоенные и обжитые человеком пространства, не находящиеся под патронатом ни одного крупного государства, ратифицировавшего общие нормы галактического права. Частные планеты, анархические миры, небольшие «дикие» государства и многочисленные отдельные станции.

От латинского «pila» (шарик, мяч) и «lumen» (свет). Голографическая разновидность бильярда.

Конги — жители Конгломерата Маркаб, государства — содружества нескольких звездных систем в окрестностях альфы Пегаса. В системе самой звезды Маркаб обитаемых планет нет, однако название прижилось. Конгломерат отличается суровыми внутренними законами, в частности, за пиратство полагается смертная казнь.

Цитата из стихотворения Эдгара Алана По «Ворон» в переводе Константина Бальмонта: *«Свет струится, тень ложится, — на полу дрожит всегда. И душа моя из тени, что волнуется всегда, не восстанет — никогда!»*

Сокращенное от «постапокалипсис». Название одного из жанров научной фантастики.

Семейство мелкосерийных боевых излучателей скрытого ношения. В основе конструкции один принцип действия, примерно одинаковые тактико-технические характеристики. Главное отличие заключается во внешнем виде. Многие модификации имеют гриф секретности.

«Фуга» — ручное плазменное оружие тяжелого класса, ввиду разрушительности применяется только во время операций на поверхности планет.

АИ, аптечка индивидуальная. На армейском жаргоне — «писська» (от аббревиатуры ПСС — помоги себе сам), что продиктовано, с одной стороны, предназначением АИ, а с другой — обстоятельствами, при которых в АИ возникает необходимость.